63
T 51

С. А. ТОКАРЕВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАРОДА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СССР
957

23-6581
1585/67

3005

Проверено в 1954 г.
Проверено 1959 г.
Проворено 1960 г.
9(с) Т51

С. А. ТОКАРЕВ

очерк истории якутского народа

3005
Ц/ф
Библиотека педуниверситета г. Новосибирск
1965 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1940

9 (57)
Т 51

Книга С. А. Токарева «Очерк истории якутского народа» является опытом связного очерка истории якутов с древнейших времен до наших дней.

Книга основана в значительной части на неопубликованных архивных материалах и оформлена как научно-популярный очерк, доступный широким кругам читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
От автора		3
Глава 1.	Страна якутов	5
Глава 2.	Кто такие якуты?	9
Глава 3.	Якуты до царского завоевания	16
Глава 4.	Завоевание Якутии царизмом	39
Глава 5.	Якуты под царской властью в XVII в.	65
Глава 6.	Развитие частной земельной собственности	90
Глава 7.	Борьба якутов против колониального гнета во 2-й половине XVII в.	95
Глава 8.	Развитие крепостнических отношений в Якутии XVIII в. Сибирские экспедиции	106
Глава 9.	Развитие крепостнических отношений в Якутии XVIII в. Первая ясачная комиссия. Охотский тракт	116
Глава 10.	Крещение якутов	130
Глава 11.	Реформа 1822 г.	134
Глава 12.	«Степная дума» (1825—1838 гг.)	143
Глава 13.	Проникновение капиталистических отношений в Якутию	152
Глава 14.	Якутия — страна царской ссылки	158
Глава 15.	Якуты в конце XIX и в начале XX в.	170
Глава 16.	Борьба за землю и попытка земельной реформы	193
Глава 17.	1905 год	199
Глава 18.	Между двумя революциями (1906—1916 гг.)	206
Глава 19.	От буржуазно-демократической к пролетарской революции	214
Глава 20.	Пепеляевщина	229
Глава 21.	Социалистическое строительство в Якутской АССР.	234
Примечания		242

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга рассчитана на широкие круги читателей. Автор старался в ней дать в кратком и популярном изложении основные факты истории якутского народа с древнейших времен и до наших дней.

Ранний период якутской истории—до конца XVII в.—до сих пор почти не был освещен в исторической литературе. Его изучали главным образом на основании позднейших якутских преданий; богатейшие документальные источники XVII в., сохранившиеся в архивах, почти не были использованы. Автор настоящей книги пытался восполнить этот пробел, изучив все доступные архивные фонды Москвы и Ленинграда, касающиеся Якутии. Результаты изучения составили большую работу—«Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. и колониальная политика царизма», в настоящее время подготовленную к печати.

Читатель, знающий якутоведческую литературу, легко обнаружит, что освещение ряда вопросов здесь во многом отличается от общепринятого: это относится, например, к вопросу о происхождении якутов, о рабстве и «феодализме» у якутов до прихода русских и т. д.

XVIII век, особенно начиная со второй его половины, освещен в литературе лучше, и автор здесь имел возможность использовать труды Левенталя, Белевского и др. Однако здесь автором привлечен также и новый материал, собранный им в Якутском архиве и в архиве б. Мойрутского наслега Мегинского улуса (обнаруженном во время экспедиции Музея народов СССР в 1934 г.).

Что касается XIX—XX вв., то здесь автор мог опереться на ряд специальных работ (главным образом Левенталя, Виташевского, Майнова, Трощанского и др.). По отношению к этому периоду изложение в данной книге (гл. 11—21) содержит мало оригинального, и лишь местами здесь вкраплены материалы, собранные автором во время упомянутой экспедиции, а также извлеченные из архивов.

Глава 1

СТРАНА ЯКУТОВ

Четвертая в мире по длине река—великая Лена—катит свои спокойные воды, спускаясь по огромному плоскогорью, начиная с гор, окаймляющих с севера Байкальское озеро, и до далекого Ледовитого океана. Множество крупных и мелких притоков принимает она в себя на огромном своем пути в 4 500 километров. Из них два самых больших впадают в Лену в среднем ее течении: один справа—Алдан, другой слева—Вилюй. Сама Лена здесь круто меняет свое направление: с северо-восточного направления она поворачивает на север, а ниже впадения Алдана—на северо-запад. Своим течением она разрезает пополам огромный четырехугольник с кривыми сторонами, образованный низовьями Алдана и Вилюя. Внутри этого четырехугольника и лежит та страна, которая издавна заселена якутским народом.

Здесь—между нижним Алданом и Леной, а также в бассейне среднего и нижнего Вилюя—живет основная масса якутов, почти $^{9}/_{10}$ их. Но отдельные группы якутов живут разбросанные на гораздо более широкой территории. Довольно значительное количество якутов живет выше по р. Лене, у впадения в нее р. Олекмы (олекминские якуты). Небольшие поселения якутов встречаются на нижней Лене, вплоть до ее устья, а также к западу от устья Лены—в низовьях впадающих в океан рек Оленка и Анабары. К востоку от бассейна Лены якуты заселяют почти все течение реки Яны, а также Индигирки и Колымы (кроме ее верховьев)—трех больших рек, текущих, как и Лена, на север, в Ледовитый океан.

Вся эта огромная территория ныне составляет Якутскую автономную социалистическую советскую республику. До революции она называлась Якутской областью. История якутов тесно связана с этим краем, и, если мы хотим знать эту историю, мы должны хотя бы кратко познакомиться с тем, что̀ представляет собой страна якутов.

Якутская АССР, крупнейшая по территории республика Советского Союза, с площадью более 3 млн. $км^2$, занимает почти всю северо-восточную часть Азиатского материка,

располагаясь между 56° и 76° северной широты, причем около половины ее территории лежит за Полярным кругом. Она включает в себя почти весь бассейн Лены, кроме ее верховьев, на северо-западе захватывает бассейны рек Оленка и Анабары, доходя до Хатанги и Таймырского полуострова, а на северо-востоке включает в себя бассейны рек Яны и Индигирки, доходя до низовьев Колымы. Все эти реки текут в северном направлении, спускаясь с горных хребтов: Яблонового, Станового и Колымского, тянущихся сплошным поясом от Байкала к Камчатке. Эти хребты, вытягивая свои отроги к северу, дают начало огромному плоскогорью, постепенно спускающемуся в сторону Ледовитого океана. К востоку от Лены это плоскогорье выше, и его пересекают в разных направлениях большие и малые горные цепи, в целом составляющие обширную горную страну. К западу же от Лены местность ниже, часть ее занята неглубокой вилюйско-ленской долинной впадиной.

Многочисленные реки и речки, сливающиеся в названные выше крупные речные системы, составляют обширную разветвленную водную сеть, которой покрыта вся страна. Более крупные из этих рек представляют собой естественные пути сообщения, игравшие крупную роль в истории Якутского края. Кроме рек Якутия очень богата озерами. Эти озера очень различны по величине: мелкие из них имеют поверхность всего по нескольку гектаров, тогда как наиболее крупные занимают до 1 тыс. *км*². Общее число больших и малых озер на территории Якутии доходит до 100 тысяч. Особенно много озер в бассейне Вилюя, а также между низовьями рек Колымы и Индигирки. По словам туземцев, озер здесь столько, «сколько звезд на небе».

Представляя собой большую покатость, наклоненную к Северному Ледовитому океану и ничем не защищенную от его холодных ветров, а с юга загражденную высоким горным поясом, Якутия обладает суровым холодным климатом. Зима здесь продолжительная—с октября по апрель, май, с сильными, устойчивыми морозами, доходящими до —60° и даже до —70°С (Верхоянск—полюс холода), с средней температурой —33° (Олекминск), —40° (Якутск), без оттепелей. Лето короткое, но жаркое (кроме побережья Ледовитого океана и горных районов), местами допускающее вызревание даже помидоров и арбузов. Весна и осень очень короткие, так что зима почти непосредственно переходит в лето, а лето в зиму.

Суровости климата соответствует и суровая однообраз-

ная растительность Якутии. Почти вся страна покрыта лесом—тайгой, в южной части высокоствольным, но чем далее на север, тем более низкорослым. На крайнем севере, вдоль побережья океана, тайга уступает свое место безлесной болотистой унылой равнине—тундре. В тайге преобладают хвойные породы, главным образом лиственница, нередки также, особенно в южных районах, сосна и ель. Из лиственных пород встречается береза, а также тополь, осина. Тайга богата разнообразными ягодами: брусникой, голубикой, княженикой, земляникой и др.

Но лес не безраздельно царит в этой стране. Долины многочисленных рек и речек, прорезающих тайгу во всех направлениях, покрыты богатой луговой растительностью. Кроме того в тайге там и сям встречаются открытые луговины, так называемые аласы, тоже покрытые хорошей луговой травой, хотя и менее сочной, чем трава речных долин. Аласы и долины рек—это те культурные оазисы среди тайги, которые издавна служили местами обитания якутов.

Культурные растения появились в Якутии только вместе с русскими колонистами: хлеба и огородные растения разводятся сейчас во многих районах Якутии, особенно в центральных. До прихода русских культурных растений в Якутии не было.

Животный мир Якутии довольно богат. Правда, наиболее ценные виды пушных животных—соболь, бобры, водившиеся в большом количестве в лесах Якутии, были истреблены хищническим промыслом в XVII—XVIII вв. Но и сейчас здесь водится немало ценного зверья: белка, заяц, бурундук, полевая и водяная крыса, еврашка и другие грызуны; лисица, рысь, россомаха, горностай, колонок и др. из хищных; лось, кабарга, местами северный олень из копытных—таковы наиболее важные виды таежной фауны Якутии. В северной тундровой зоне водятся белый песец, волк, северный олень, пеструшка (лемминг) и другие звери. Из птиц для тундры характерны полярная куропатка, полярная сова, гнездящиеся здесь круглый год, и разнообразные виды перелетных птиц, прилетающих на лето. В таежных районах летом появляются многочисленные породы боровой и водоплавающей птицы: рябчики, тетерева, журавли, дрозды, дятлы, утки, гуси, бекасы, кулики и ряд других птиц, служащих предметом охотничьего промысла населения.

Многочисленные реки и озера Якутии богаты рыбой. В озерах водятся в обилии караси и мелкая рыбка—мунду,

также пельдятка и др. В реках плавают нельма—крупная рыба, достигающая пудового веса, муксун, омуль, стерлядь, таймень, щука, окунь и много других. В реках Колыме, Индигирке, отчасти Яне ловится сельдятка, играющая в хозяйстве населения этих районов главную роль.

Упомянем тут же и о домашних животных, разводимых обитателями Якутии, прежде всего якутами. Их имеется немного пород: это лошадь и рогатый скот, а также собака, а в северных и в южных горных районах—северный олень. Никаких других домашних животных коренное население не знало вплоть до прихода русских, и только в позднейшее время в Якутии появились овцы, козы и свиньи, а также кошки и домашняя птица—куры, гуси, утки и голуби, однако якуты и теперь их почти не держат.

Полезными ископаемыми Якутский край очень богат, но в прошлом эти богатства не играли в жизни населения почти никакой роли и были, за немногими исключениями, неизвестны. Из тех немногих ископаемых, которые были издавна известны и использовались населением, следует упомянуть болотную железную руду (на Вилюе и в других районах), из которой якуты еще в древности выплавляли железо, и месторождение соли на р. Кемпендяе (Вилюй), впрочем, мало использовавшееся. В первой половине XIX в. были открыты месторождения золота на реках Витиме и Олекме, сыгравшие в жизни этих районов большую роль. Лишь в недавнее время золотоносные жилы обнаружены и в ряде других районов—на Алдане, Колыме, Вилюе. В некоторых районах ныне известны и месторождения других благородных и ценных металлов — платины, олова и серебро-свинцовых руд (Эндыбал) и пр., а также таких ценных ископаемых, как драгоценные камни, асбест, сланцы, барит, исландский шпат, фосфориты, гипс и пр. Крупное значение имеют месторождения каменного и бурого угля (Кангалласское, Сангарское и Булунское месторождения на Лене). В последнее время устанавливается наличие залежей нефти (Вилюй).

Все эти запасы разнообразных и ценных ископаемых Якутии в будущем должны будут получить крупнейшее значение в развитии социалистического хозяйства ЯАССР. Но в прошлом, как уже сказано, лишь немногие из них играли роль в хозяйстве населения, и то сравнительно очень скромную.

Глава 2

КТО ТАКИЕ ЯКУТЫ?

Якуты (самоназвание—«саха») составляют подавляющее большинство населения Якутской республики: их около 240 тыс. из общего количества жителей ЯАССР в 288 тыс., т. е. больше 80%. Остальное население состоит частью из русских и других национальностей, попавших в Якутию сравнительно недавно, частью же из представителей так называемых малых народов Севера: это эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты), долганы, одулы (юкагиры) и луораветланы (чукчи), которые все в совокупности составляют не более 13—14 тыс. чел., т. е. около 4,5% населения ЯАССР.

Как видим, якуты резко выделяются по своей численности среди прочих народностей ЯАССР. Но если взять и не только ЯАССР, а весь советский Север, то ни одна из коренных народностей его, и даже все они вместе взятые (оставляя только в стороне живущих в европейской части Союза коми-зырян) не равняются по численности с якутами: все остальное коренное население Севера представляет собой мелкие народности и племена, самое крупное из которых—эвенки—не превышает численностью 40 тыс. чел., а другие насчитывают всего по нескольку тысяч и даже по нескольку сотен человек.

Якуты издавна разводили конный и рогатый скот. Скотоводство с давних пор было и до настоящего времени остается главным источником существования подавляющего большинства якутского народа; якуты сумели продвинуть скотоводство далеко на север, они разводят своих лошадей и коров даже за Полярным кругом и вплоть до берегов Ледовитого океана; не зная этого факта, трудно было бы даже предположить, что это возможно.

Но скотоводство якутов—особого характера. Оно непохоже на кочевое скотоводство степных народов Центральной Азии: монголов, казахов, туркмен и др. Якуты не перекочевывают со своими стадами в поисках пастбищ подобно этим народам. Правда, и полной оседлости у них нет: они переходят два раза в год с зимников на летники и обратно; но и в том и в другом месте у них есть постоянные жилища.

Скот свой они только летом пасут на лугах, а зимой только лошади отчасти сами добывают себе корм из-под снега, для рогатого же скота, как и для конного молодняка, якуты заготовляют на зиму сено. Держат они зимой своих коров и молодняк в особых хлевах—хотонах, которые до недавних лет строились вместе с жильем—юртой под одной крышей.

Молочная пища была до Октября главной пищей якутов, особенно середняков и зажиточных. Беднота, напротив, кормилась больше рыбой и сосновой корой (заболонью).

Зимние якутские юрты

Рыболовство было второй важной отраслью хозяйства якутов и особенное значение имело как раз для беднейшего населения. Ловили рыбу больше всего в бесчисленных озерах, усеивающих якутскую тайгу.

Наконец, и охота имела и сейчас имеет существенное значение в хозяйстве якутов, но главным образом в северных промысловых районах. Там распространена и мясная продовольственная охота—на зайца, дикого оленя, лося, пернатую дичь—и пушная. Продукты пушного промысла частью потреблялись населением, а частью сбывались якутским и русским купцам, жестоко эксплоатировавшим население, а еще прежде шли в уплату податей—ясака.

В северных районах якуты, подобно эвенкам, разводят оленей. Но разведение оленей для них, как и для других

народов таежной полосы, не является основной отраслью хозяйства (как например для ненцев или чукчей), а имеет вспомогательное значение: олень для якутов только средство передвижения.

Земледелия якуты не знали вплоть до недавнего времени, когда оно было принесено в край русскими колонистами.

Таковым в кратких чертах был до недавнего времени хозяйственный уклад якутов. Как видим, это—народ, со сложной и своеобразной культурой. Самые северные в мире ското-

Летние якутские юрты

воды, но в то же время рыболовы, охотники и отчасти оленеводы,—так соединяют якуты в своем хозяйственном укладе формы южного и северного хозяйства.

Классовое расслоение у якутов было сравнительно сильно развито, и это находило свое выражение в резких противоречиях между кучкой богатеев (тойонов), державших в своих руках и все материальные блага—скот, землю—и всю власть, и массой неимущего, забитого и бесправного люда, находившегося в рабской покорности у всесильных тойонов. Об этом мы будем более подробно рассказывать в дальнейшем.

Кто же такие якуты, где, когда и как сложился этот народ?

Этот вопрос наиболее трудный и наименее ясный из всех вопросов якутской истории. Формирование якутского

народа происходило в такие отдаленные времена, от которых до нас не дошло никаких, особенно письменных известий.

Уже давно ученые, занимавшиеся якутами, обратили внимание на то, что якуты во многом близки к турецким и монгольским народам Центральной Азии и южной Сибири. Прежде всего самый язык якутов по всему своему строю и по очень большой части своего словаря близок к так называемым турецким (или тюркским) языкам, к которым относятся например татарский, казахский, узбекский, киргизский и другие языки. Вместе с тем в якутском словаре много слов монгольского происхождения. Но в настоящее время якуты отделены 2—4 тыс. *км* от ближайших монгольских и турецких народов. Далее, само скотоводческое хозяйство якутов говорит о том, что якуты имели какую-то связь со скотоводческими народами Центральной Азии. Наконец, многие ученые уже давно отмечали, что у якутов сохранилось множество преданий, говорящих о том, что предки их переселились на теперешнюю территорию, придя с юга, и даже, более точно, из Прибайкалья.

Из всего этого исследователи, писавшие о якутах, сделали тот вывод, что якуты—народ южного происхождения, который в древности кочевал со своими стадами где-то в Прибайкалье, но потом был вытеснен из этих мест своими более сильными соседями, бурятами, и был вынужден переселиться вместе со своим скотом на север. Это переселение произошло, как считают, в XIII—XIV вв. Придя, вернее, приплыв вниз по р. Лене на место своего нынешнего обитания, якуты вступили в борьбу с жившими здесь тунгусами, победили, оттеснили их и заняли их место.

Такой взгляд на происхождение якутов установился в науке давно, еще в XVII в.[1] Однако этот взгляд не совсем правилен. Буржуазные ученые вообще слишком упрощенно трактовали вопросы о происхождении того или иного народа. Для них все эти вопросы сводились к тому, что якуты (или другой народ) просто переехали с одного места на другое. На самом же деле формирование народа—дело гораздо более сложное, и к одному переселению его свести нельзя.

В составе якутского народа, конечно, есть группы южного происхождения. Якуты еще не так давно делились на отдельные племена и роды, и названия некоторых из этих племен и родов указывают на то, что они пришли с юга: так, у якутов было батулинское племя—одного происхождения с бату-

линским племенем Прибайкальских бурят; было племя хоринцев—родственное бурятам-хоринцам; были племена туматов, эргитов, кыргыдайцев и др., по происхождению, вероятно, связанные с племенами тумэтов, иркитов, кыргызов Центральной Азии и южной Сибири. Эти отдельные родовые и племенные группы, очевидно, некогда оторвались от своих южных соплеменников и, передвинувшись по каким-то причинам на север, влились в состав якутского народа.

Эти южные группы привели с собой на среднюю Лену и скот. До этого в Якутии господствовало охотничье-рыболовческое хозяйство. На берегах Лены, Алдана и других рек время от времени находят древние каменные шлифованные орудия (неолитические)—топоры и др., свидетельствующие о том, что в отдаленную эпоху берега этих рек были заселены человеком, стоящим еще на стадии неолита (позднего каменного века); человек тогда жил рыболовством и охотой. В более позднее время появляется железо, первое знакомство с которым, вероятно, было принесено южными пришельцами, которые привели с собой и скот.

Скотоводство, конечно, не сразу укрепилось в Якутии; немало, очевидно, было случаев гибели приведенных стад от сурового, непривычного для степного скота климата. Не раз и не два повторялись новыми и новыми переселенцами попытки удержать и развести приведенных лошадей и коров. Самое переселение на север со скотом, конечно, происходило не сразу, а постепенно, отдельными этапами. Переселенцы двигались, вероятно, разными дорогами и сами происходили из разных областей. Одни шли из западного Прибайкалья, спускаясь вниз по Лене, и из них часть переваливала от нынешнего Киренска на верхний Вилюй, другая часть—от Олекминска на Вилюй, а третья часть шла прямо вниз по Лене в район теперешнего Якутска; другие, возможно, шли из бассейна Шилки через Витим или Олекму и выходили на ту же Лену. Долго, многие века и постепенно шло это движение, много было неудач, обратных возвращений, случаев гибели переселенцев и их скота, но в конце концов какая-то часть переселенцев попадала на Вилюй и среднюю Лену.

У якутов доныне сохранились предания о том, что их предки пришли с юга, спустившись вниз по большой реке. Согласно этим преданиям, где-то далеко на юге, в бурятской земле, жил некогда человек по имени Омогой (или Онохой), отличавшийся большой силой и тяжелым, драчливым харак-

тером. Он обижал всех своих соседей, похищал их имущество и не признавал ничего, кроме своей воли. Выведенные из терпения соседи решили его убить. Узнав об этом, Омогой бежал. Собрав своих сородичей, взяв свой скот и имущество, он дошел до истоков большой реки (Лены) и пустился по ней на плотах вниз по течению. Долго плыл Омогой со спутниками, пока не приплыли они к привольным местам с богатыми пастбищами, туда, где сейчас стоит город Якутск. Здесь, на озере Сайсары, поселился Омогой, стал жить. «Построил дома, огородил скот, размножил людей и скотину. Сделался богаче, чем был прежде».

Через некоторое время в те же края прибыл таким же образом другой беглец, тоже спасавшийся от мести обиженных им соседей. Это был богатырь Эллей, по некоторым преданиям, младший брат Омогоя. Поселившись вместе с Омогоем, Эллей скоро подружился с ним, и старик захотел женить его на своей дочери. Однако Эллей пожелал взять не ту из двух дочерей Омогоя, которую тот ему сватал; отвергнув младшую красавицу, он выбрал старшую, некрасивую, но работящую девушку. Омогой, рассердившись за это, прогнал от себя дочь и зятя. Эллей поселился в другой местности. Удача ему во всем благоприятствовала. Он скоро расширил свое хозяйство, расплодил скот. Потомство его размножилось. Он превзошел богатством, силой, удачей своего тестя, старика Омогоя. Многие люди стали, уходя от Омогоя, селиться вместе с Эллеем.

От этих-то родоначальников и ведут свое происхождение, согласно преданию, якуты. Потомки Омогоя составили Намский улус, потомки же Эллея дали начало Кангаласскому, Мегинскому, Борогонскому, Батурусскому и другим правобережным улусам[2].

Таково якутское предание. Оно, несомненно, воспроизводит подлинный исторический факт: передвижение отдельных скотоводческих групп из южных лесо-степных районов на север. Но это предание, разумеется, очень неточно передает эти факты, так как говорит о происхождении всего якутского народа из потомства родоначальников-переселенцев с юга, тогда как на самом деле только отдельные группы, вошедшие в состав якутской народности, имели южное происхождение.

С местным рыболовческо-охотничьим населением пришельцы иногда сталкивались и боролись, но чаще, повидимому, между ними устанавливались мирные отношения. Издавна существовал обмен между отдельными племенами

Сибири: рыболовы променивали свою добычу на меха, добываемые охотничьими племенами, и на оленье мясо оленеводов; была и торговля различными изделиями. В такие отношения вступали и пришельцы скотоводы с местными рыбаками и охотниками. Эти отношения вели к постепенному сближению. Пришельцы и местное население вступали друг с другом в браки. Общение между племенами содействовало сближению языков. У местного населения были свои, новидимому, тунгусские, наречия. Из пришельцев одни группы говорили по-монгольски, другие принесли с собой турецкую речь. Из смешения этих различных языков мало-помалу вырабатывался новый общий язык, который по основному строю был близок к турецким языкам.

Мало-помалу устанавливалась и культурная общность. Когда, наконец, удалось акклиматизировать и размножить приведенный с юга скот, местные охотничье-рыболовческие группы начали постепенно переходить к скотоводству. Вместе с этим туземцы перенимали и другие черты культуры пришельцев: части одежды, утвари, верования и пр. Но и пришельцы усвоили очень многое из местной культуры, а многое и создали заново и развили: так усвоили они рыболовство, охоту, отчасти оленеводство, особую местную форму жилища, ряд местных обычаев, обрядов, верований и пр.

Таково было происхождение якутской народности. Эта народность сложилась из разных частей и групп, частью местных, частью пришлых. Следы такого разнородного происхождения якутов еще долго сохранялись. Еще в XVII в. на Вилюе было несколько якутских «пеших» родов, не имевших скота: это были остатки старых рыболовческих племен, еще не перешедших к скотоводству. Якутские предания сохранили память о том, что в составе якутского народа были группы, чуждые по языку. Такими были, например, хоринцы; у якутов сохранилась поговорка: «Не по-хоринки я тебе говорю, а по-якутски», подобно нашему: «русским языком тебе говорю!»

Глава 3

ЯКУТЫ ДО ЦАРСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Формирование якутской народности, о котором рассказывалось в предыдущей главе, вероятно, началось в XIII в.; как раз тогда в степях Центральной Азии происходили великие завоевания Чингис-хана и его преемников, и эти завоевания вызвали крупные передвижения племен. Тогда-то, повидимому, отдельные роды и племенные группы кочевников-скотоводов начали постепенно проникать на далекий север, в Якутский край.

Во всяком случае, когда служилые люди московского царя впервые появились в Якутии,—а это было в 30-х годах XVII в.—они застали здесь уже сложившуюся якутскую народность со своим особым хозяйственным укладом и общественным бытом.

По русским документам этой эпохи мы можем подробно изучить этот быт якутов, как он сложился ко времени царского завоевания, к середине XVII в.

У якутов этой эпохи не было какого-либо единого государства. Они делились на ряд племен (по-якутски—«джон»), независимых друг от друга. В русских документах эти племена называются «волостями» или «улусами». На левом берегу Лены к северу от теперешнего Якутска жило одно из самых крупных якутских племен—намцы. Их соседями с юга были кангаласцы, еще более сильное племя. На противоположном берегу Лены и по притоку ее речке Соле, жили мегинцы, самое многочисленное племя. К северу от мегинцев, по р. Танде, притоку Алдана, жили борогонцы, а далее к востоку, по рекам Татте и Амге, батурусцы, батулинцы и игидейцы. Около устья Алдана, в том углу, который он образует с Леной, жили бетунцы, а восточнее и южнее их—оспеки и одейцы. Из других племен более крупными были баягантайцы, чириктейцы, дубчинцы, накарцы, сыланцы, мальягарцы, нюрюктейцы и пр.

Численность населения этих племен — джонов — была весьма различна. Наиболее крупные из них—мегинцы, батурусцы,кангаласцы, борогонцы, намцы,бетунцы—насчитызали в своем составе (судя по русским «ясачным книгам» эпохи

завоевания) от 500 до 900 взрослых мужчин, т. е. по 2—5 тыс. чел. каждое. Другие племена были менее многолюдными, и насчитывали по 100—200 мужчин, т. е. по 400—1 000 человек каждое. Наконец, кроме упомянутых выше племен было еще множество более мелких, однако тоже независимых племенных групп—атамайцы, чумеки, гурменцы, ярканцы, одайцы и др., численность которых не превышала сотни человек в каждом.

Все эти племена жили по р. Лене и между нею и Алданом. На Вилюе жили тоже якутские племена: лучинцы, бордонцы, тагусы, ланцы и др., а кроме того несколько «пеших родов», т. е. бесскотных рыболовов, о которых мы упоминали выше: кыргыдайцы, онтулы, осекун, кукун, кирикийцы. В устье Олекмы жило якутское племя мейтцев. Наконец, на р. Яне жили племена—юсальцы, эргиты, байдунцы, туматы и др. На правом притоке Яны—Адыче—жили одучейцы.

Более крупные из этих племен-джонов в свою очередь делились на родовые группы, названия которых, однако, до нас в большинстве случаев не дошли. Так, часть батурусского племени называлась катылинцами, другая часть—балагурцами; в батулинское племя входили каптуги, в борогонское—еюсцы и т. д.

Количество таких отдельных, крупных и мелких, племенных и родовых групп было довольно велико; для середины XVII в. известно более 70 их названий. Каждая такая группа—джон—представляла собой в большинстве случаев независимое племя. Во главе джона стоял обычно князек, по-якутски тойон. Тойоны были военными вождями племени, они составляли его военно-аристократический слой.

В руках тойонов была вооруженная сила. Ее составляли сородичи тойона, его слуги, рабы и зависимое от него население. Это была дружина тойона, численность которой составляла иногда несколько десятков воинов, а у более крупных тойонов—даже несколько сотен. С такой дружиной тойон совершал набеги на соседние роды и племена, отнимал у населения скот, захватывал рабов. В русских документах этой эпохи сохранилось немало описаний таких военно-грабительских набегов тойонов на окружающее население. Например в 1648 г. якуты жаловались казакам на батурусского тойона Тагу Тарханова, который со своей дружиной, поселившись в нарочно построенном укреплении—«острожке», производил оттуда нападения на соседние племена: «И призжают де в их волости к ним якутам, и скот у них

11547 19[illegible] г

и кони и кобылы и коровы отнимают и самих их якутов бьют»[1]. В 1667 г. с р. Вилюя якутскому воеводе писали о таком же тойоне-разбойнике: «Да есть... Тагуской волости Тимирей Батуров, мужик богатой да семенистой (т. е. с большой семьей), и он их (своих соплеменников-якутов) обидит, у кого что останется коровенка или кляченка, и он отнимает насильством у вумерших вдов. И они на него бить челом (т. е. жаловаться) не смеют нам служилым людям, потому что его боятся... А многие бедные якуты на него жалуются: бьет и скот отымает. А в прошлые годы тот же Тимирей детей у них якутов отнимал и продавал их дети тунгусам и руским людям»[2].

Но эти Тага и Тимирей были мелкими тойонами, каких было множество. А были отдельные крупные тойоны, власть которых простиралась не только на их собственное племя, но и за его пределами. О некоторых из них якутское предание сохранило память до наших дней, и о них сложено много легенд и сказаний.

Самым сильным и могучим из якутских тойонов эпохи царского завоевания был кангаласский князь Тыгын. О нем, о его могуществе, богатстве, о его войнах и набегах больше всего сохранилось преданий у якутов.

«На месте, называемом Сайсары (около теперешнего Якутска), жил человек по имени Тыгынг-господин, считая себя якутским царем,—говорит предание;—всех ближних людей и убивает и не убивает; берет себе, что увидит, и имущество и скот; а если живые останутся, то берет под страхом смерти. Таким образом он сильно разбогател, и сам не знает счета своего скота. А если сказать примерно по нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же».—«Живет славясь этот Тыгынг-господин. Кто бы ни пришел, никого нет такого, кто бы мог его одолеть. Считает себя вольным царем. Тогдашние якуты называют его тоёном (господином)»[3].

«Богатство Тыгына было весьма велико,—говорит другое предание.—Пригоны для его скота тянулись от озера Сайсары до озера Юрюн-кюель. Прислуга состояла из сорока коюхов и сорока коровниц»[4].

Предания рассказывают также о том, как этот Тыгын благодаря военным набегам, которые предпринимал он сам, его сыновья и зависимые от него более мелкие тойоны, распространил свое владычество на многие роды и племена и заставил их князьков признать свою власть. По преданию, один только борогонский тойон Лёгёй—тоже

один из сильных князей—ему не подчинялся, и оба тойона долго враждовали.

Некоторые исследователи предполагали, что Тыгын не был исторической личностью, а сказочным героем, в котором предание сохранило черты целого класса—военной аристократии древней эпохи. Это мнение ошибочно. Хотя в преданиях о Тыгыне, конечно, сохранились не только личные особенности этого князя, но и типичные черты тойонского класса, однако и сам Тыгын исторически существовал. О нем, а особенно о его сыновьях и внуках, имеется много упоминаний в русских документах эпохи завоевания. Сам Тыгын, повидимому, погиб в первые же годы борьбы с отрядами царских завоевателей, и уже в 1630-х годах «князцами» кангаласцев были его сыновья—Откурай, Бозеко, Чаллай и др., а также племянник Тыгына, сын его брата Ники—Еюк. «А те Кангалаские князцы людны и всею землею владеют,—писал про них, несколько, конечно, преувеличивая, один из первых русских завоевателей Якутии, атаман Галкин, в 1634 г.,—и иные многие князцы их боятся»[4а].

Борогонский тойон Лёгёй тоже упоминается в документах (под именем Логуй) как один из самых влиятельных якутских «князцов» той эпохи.

Большим влиянием и властью пользовался также глава намцев, тойон Мымак. У мегинцев в 30-х годах XVII в. выделялись тойоны—Отека, сын Киртея, и, повидимому, независимый от него Буруха. У батурусцев самым сильным был глава Катылинского рода Очей, у нюрюктейцев—тойон Кириней, у дубсунцев—тойон Оспек. Последнему подчинялись более мелкие тойоны «многих улусов Дубсунской волости» (по выражению русского документа): князцы Мантура, Сундея и другие главы отдельных родов[5].

Тойоны были обладателями больших стад скота. Скот был в ту эпоху главным богатством якутов. Тойоны держали десятки и даже сотни голов рогатого скота и большие табуны лошадей. Прекрасные откормленные скакуны были гордостью богатого хозяина; табуны кобылиц держались ради молока, из которого приготовляли кумыс, любимый напиток якутов; мясо жирных лошадей считалось лучшим кушаньем. По русским документам XVII в. нам известно количество скота у отдельных тойонов: так, ярканский тойон Балтуга в 70-х годах XVII в. имел 35 ездовых коней, около сотни кобыл с 6 жеребцами, около 100 голов рогатого скота, а это был вовсе не крупный тойон. У батурусского тойона Молтого в 1693 г. было более 230 голов разного скота. У нам-

ского тойона Ники, сына Мымака, в 60-х годах XVII в. было не менее 150 голов, а вероятно, гораздо больше.

Богатство древних тойонов, блеск и пышность их жизни воспеваются в якутских былинах. Вот что рассказывается в одной такой былине.

«В блестящем средоточии земли, на ослепительно белом чистом поле... поселился и живет, говорят, с богатой державою... Бай-Хараххан-тойон по имени, чем пожелает только несметно много богатея; само богатство—жилье его, сама роскошь—постеля его, а женат он на Кюбяй-Хотун...». «На 9 речках большими улусами живет народ его, на 7 речках густо расселились его добрые соседи; сам—со стучащим налучьем, а челядь его—храбрецы из храбрецов...». «Благословением создателя господа белые бегуны его по всем речкам разбрелись, расплодились... и с серебряными досками на мордах и полновыменные и с медными намордниками и в таких загонах, что сильный конь до устали бегает, и на таких выгонах, что изгородь их окружила широкую речку»[6].

Свое обширное хозяйство якутские тойоны вели, разумеется, не своим личным трудом. Они использовали труд рабов. Правда, рабов было не так много: у мелких тойонов имелось по 2—3 раба, у других больше, у очень богатых тойонов было по 15—20 рабов, более крупные цифры нам неизвестны. Но этого количества рабов тойонам хватало для того, чтобы пасти их скот, ухаживать за ним зимой, ловить рыбу, заготовлять дрова, исполнять всякие домашние работы и пр. Быт якутов XVII в., даже тойонов, был все же довольно несложен. Рабы также ездили на охотничий промысел зимой, для этого тойон давал им своих лошадей и свои запасы. Вместе с рабами в хозяйстве тойона работали и другие зависимые от него люди: младшие сородичи, воспитанники и др.

Кто были эти рабы и откуда они брались? Отчасти это были пленные, захваченные тойонами во время их грабительских набегов. Но главным образом в рабство попадали отдельные разорявшиеся, терявшие свое хозяйство сплеменники тойона. Причиной же разорения были по большей части те же тойонские войны и набеги. Вот как описывается один из таких набегов и его последствия в одном документе той эпохи: «В нынешнем... (1641) году зимою бетунской мужик Книга (тойон) да батурусские князцы Казяла да Така с улусными людьми пришли к их (накарских якутов) улусам, их многих побили, и жен их и детей и скот де по-

имали, и на соболиных промыслах побивали ж, и государев ясак поотнимали ж. И они от того Книгина воровства дети свои с голоду пометали и многие голодною смертью померли, а иные разбрелись по родникам...» [7]. Как известно из других документов, «разбрестись по родникам»—это значило попасть в рабскую или полурабскую зависимость.

Были и другие способы порабощения. Одним из самых употребительных было воспитание сирот сородичами. Воспитавший смотрел на своего «вскормленника», как на раба, и эксплоатировал его труд. Нередко обедневшие якуты сами отдавали или продавали своих детей, младших братьев или сестер своим зажиточным сородичам, отдавали их на всю жизнь в рабство или на время—«вскормить».

Положение рабов было не всегда одинаковым. Прежде всего, одно дело было попасть в рабство к чужеплеменнику. Это было рабство в настоящем смысле слова, и положение такого раба—по-якутски «кулут» или «бокан»—было довольно тяжелым. Другое дело было оказаться в зависимом положении у своего сородича; таковы были разные «вскормленники», находившиеся на иждивении, и эксплоатируемые бедные родственники—по-якутски «кумаланы». Конечно, резкой грани между тем и другим видом рабства—настоящим рабством и патриархальным полурабством—не было, и одно незаметно переходило в другое.

Наиболее тяжелым было положение женщин-рабынь. Они принуждены были исполнять тяжелую работу по дому и хозяйству. Их кормили впроголодь. В одном документе 1670 г. сохранился колоритный рассказ якутской «холопки девки Туллук» о том, как она нашла обглоданные собаками остатки убитого жеребенка: «и яз де того мяса для голоду взяла голову да шею да две ноги..., и мясо де объедено, и то де я привезла домой без ведома хозяйки своей и спрятала в яму, где де я кожи дымлю; ... да я ж варила втай без хозяйки своей голову того жеребенка,... *потому что я голодна*», и т. д. [8]. Постоянное голодание при тяжелой работе и жестоком обращении хозяев было, повидимому, общим уделом этой наиболее бесправной и забитой части рабов.

Сравнительно привилегированное положение среди рабов занимали взрослые физически сильные мужчины, которые нередко делались вооруженными слугами тойона, совместно с ним и его сородичами участвовали в его военно-грабительских наездах или выполняли его ответственные и опасные поручения. Источники содержат немало упоминаний о по-

добных фактах. Особенно много известно случаев, когда тойон посылал своих вооруженных рабов отгонять чужой скот. «А Либи Кумасов посылал холопей своих ко мне для татьбы, и по его наученью холопи его украли у меня лошадь добрую»[9],—говорится, напр., в одном судебном иске 1692 г.—«А посылала де красть того быка хозяйка наша Агийка»[10],—заявляли сами похитители в другом случае и т. д. Об участии рабов в вооруженных набегах тойонов тоже говорит ряд документов. Так например, по поводу упомянутых нами выше набегов батулинских и батурусских тойонов на Накарскую волость в 1641 г. (жалоба накарцев попала уже в русский суд) выяснилось, что в этих предприятиях участвовали тойоны Тага, Книга с сородичами, «и иные многие якуты *с холопи своими*»[11].—В другом случае, в 1654 г., Тагусский тойон Тимирей (о котором мы тоже уже упоминали) оказал сопротивление русским, которые хотели привезти его в Якутск: по сообщению казаков, этот Тимирей «учинился силен, в Якутск не поехал, собрался *с холопи своими человек с 20*, а их де (казаков) было только 3 человека, и того Тимирея поймать не могли» [12].

Положение этих рабов-дружинников, вероятно, было более сносным, но лишь постольку, поскольку тойон в своих собственных интересах берег их, как свою вооруженную силу.

По нашим источникам мы знаем ряд случаев, когда тойоны, пользуясь полным бесправием своих рабов, обращались с ними крайне жестоко. «И он Нялбанко,—говорится в одном документе,—стал над ним Тохтотоем (своим рабом) и над детьми его наругаться, бить и увечить»[13]. «Хозяин его,—читаем мы в другом документе,—шорюктейской якут Деник Бокоев его Оссея не поит и не кормит, бьет и увечит»[14].

Рабы обычно имели свою семью и нередко жили своей юртой, иногда даже далеко от хозяина. Женил раба обычно его хозяин: по якутским обычаям, за жену надо было платить калым скотом, а у раба своего скота не было. Помогая своему рабу жениться, давая для этого в качестве калыма свой скот, тойон тем еще крепче привязывал к себе своего раба. Таким путем создавались наследственные рабские отношения. Например известен случай, когда у кангаласского якута Одукая жил раб Асыгак; по смерти Одукая этот Асыгак остался рабом у его сына Кутугунака; когда же Асыгак состарился и не мог больше работать, он отдал в рабы своему хозяину двух своих сыновей—Курченея и Курчеги[15]; веро-

ятно, в дальнейшем и потомство этих последних оставалось в рабстве у наследников Кутугунака. Таких фактов известно немало.

Но и юрту, в которой жил раб, и тот инвентарь, которым он пользовался, тойон считал своим имуществом. Лошади, на которых ездили рабы, принадлежали тем же хозяевам их. Редко-редко была у раба своя корова, еще реже две [16].

У рабов пробуждался уже протест против гнета, желание улучшить свое положение. Это проявлялось чаще всего в бегстве раба от тойона. По документам XVII в. нам известно очень много случаев побега рабов. Особенно интересны те случаи, когда рабы бежали целыми партиями. Так, у мегинского тойона Идели в 1678 г. сбежали 4 его раба, в том числе одна женщина [17]. У борогонского тойона Чуки в 1685 г. сбежали 7 рабов, из них одна женщина [18]. Намский тойон Ника Мымаков жаловался в 1664 г. на побег от него 11 его рабов, большей частью с семьями [19]. Селбуй Одураев в том же году заявлял о побеге от него 8 человек его рабов «з женами и з детми своими» [20]. В 1671 г. от бетунского тойона Акона бежали 8 его «работных якутов» и 5 «жонок работных»[21], и т. д. Подобные факты говорят о том, что у якутских кулутов не только назревало чувство протеста против гнета и эксплоатации, но иногда намечалась даже некоторая, хотя бы самая зачаточная, классовая организованность, сознание классовой солидарности.

Известны и некоторые другие формы проявления вражды между рабами и их хозяевами, когда, например, раб при столкновении его хозяина с другими лицами помогал последним против своего хозяина и пр.

В одной якутской сказке—о богаче Бойлыте и бедняке Бордо—очень хорошо сохранилось воспоминание о классовой вражде между рабами и их хозяином. Вот краткое изложение этой сказки.

Бедняк Бордо из-за голода продает богачу Бойлыту одного за другим своих сыновей в рабы. Бойлыт очень жестоко обращается со своими рабами. Новых слуг он заставляет делать невыполнимую работу—нарубить в лесу 10 возов дров сразу—и за неисполнение предает их мучительной смерти. Два старших сына Бордо таким образом погибают, с горя умирает и отец их. Оставшийся младший сын, богатырь Берть-Эрь решает мстить Бойлыту. Он тоже продается ему в рабство и от других рабов узнает, какой смертью погибли его братья и какие жестокости вообще делает их гос-

подии, которого все они ненавидят. Берть-Эрь легко справляется с самыми невозможными поручениями хозяина и наводит на него ужас своей силой. Все рабы радуются, что их новый товарищ наконец положил конец неистовой жестокости Боилыта. Берть-Эрь заслужил всеобщую любовь. «Стали ему все почет оказывать; всем казалось, что он защитник угнетенных, всякое слово его рабы слушали, как священное». Рабы говорили: «Хорошо, если бы Берть-Эрь этого Боилыта предоставил нам! Мы бы убили его, как собаку!»—Боилыт затевает хитростью погубить Берть-Эря, посылает его привести чудовищного волшебного медведя, обещая за то в жены свою дочь. Берть-Эрь приводит медведя и убивает его, наведя еще больший ужас на хозяина, и в конце концов женится на дочери последнего[22].—Хотя сказка, как это бывает обычно, имеет благополучный конец, но для нас интересен не этот конец, а самое содержание сказки, ярко рисующее тяжелое положение рабов и развивающиеся у них зародыши сознания своих классовых интересов.

И тойоны и рабы составляли лишь незначительное меньшинство якутского населения той эпохи, о которой мы ведем речь. Основную же массу этого населения составляли простые свободные люди, которых русские документы того времени называют «улусными мужиками».

Эти «улусные мужики» не были, конечно, вполне однородной массой. Среди них выделялись более зажиточные элементы, немногим отличавшиеся от тойонов. «А отец де у него был доброй мужик улусной»,—говорится в одном документе (1642 г.), причем выражение «добрый» означало именно зажиточность. О другом якуте в том же документе говорится, что «небогатой де человек был отец его» [23]. «Улусные мужики», таким образом, различались между собой по имущественной обеспеченности. И если наиболее экономически сильные из них,—владевшие большим количеством скота,—были близки по своему положению к тойонам, то наименее обеспеченные легко теряли хозяйственную самостоятельность и переходили на положение зависимых людей, а иногда прямо попадали в рабство.

Эта улусная беднота состояла из людей, не имевших скота и кормившихся рыбой и сосновой заболонью. Рыбу заготовляли на зиму, заквашивая ее в ямах, так что она приобретала горький вкус и зловонный запах; это так называемая «сыма». Сосновую (или лиственничную) заболонь тоже заготовляли в больших количествах на зиму, сдирая ее летом с молодых деревьев (это—нежный слой лыка под

корой), высушивая и сохраняя в толченом виде. Из заболони готовили на воде, иногда с примесью молока, если оно имелось, особую кашицу—«бутугас».

В документах XVII в. мы очень часто встречаем упоминания о бесскотных бедняках. Например, в одной «росписи» якутов 1648 г. мы находим такие отметки:

Трека Осергин—«человек бедной, бесскотной, пешой, и сшол де жить на озера, кормитца рыбою».

Дедок Кушенеев—«жил...вдале на озерах года 2 и больши, и кормился рыбою и сосною...». «А скота у нево никакого нет».

Теро Тавукоев—«сшол от них безвестно на озера в далные места кормиться рыбою, потому что де мужик не скотной»—и т. д. [24]

Существовал даже особый термин для обозначения этой улусной бесскотной бедноты: этих людей так и называли «балыксытами», что значит по-якутски «рыболов»; это слово часто встречается в памятниках XVII в. «И по допросу якут Ондечко сказал,—читаем в одном документе,—что у него скота ничего нет, жил в *балыксах*»[25]. «В прошлом... во 152 г.* те якуты Очей да Мазары умре,—говорится в упомянутой уже росписи 1648 г.,—а скота де у них и детей не осталось, потому что они были *балыксыты*, худые людишка...»[26].

Положение этих «худых людишек»—балыксытов—было крайне тяжелое. Они голодали регулярно из года в год, особенно в суровое зимнее время. Одни из них при этом все же перебивались, живя своим хозяйством, другие же попадали в зависимость к более зажиточным своим сородичам. В той же упомянутой выше росписи 1648 г. мы находим и такие записи:

Моланки Койнаков—«живет... на озерах и кормится рыбою и сосною. А ныне де он стар и рыбы ловить не может, кормится около родников своих».

Чер Тетегоров—«скота де у него нет ни одной скотины, а кормится де он Чере своею работою у Капчина Октова»[27].

---

* До 1700 г. у нас считали года не от рождества христова, а от сотворения мира, причем от последнего до рождества христова считалось 5 508 лет. При этом первая цифра года (7) обычно не писалась—152 г.значит 7152 г. Для перевода на наше летоисчисление следует к данной цифре приписать слева 7 и отнять от нее 5 508, а для месяцев с сентября по декабрь—5 509, так как начало года считалось с 1 сентября. Таким образом 152 г. значит 1643/44 год.

А «кормиться своею работою»—означало прямой путь к рабской зависимости, потому что такого бедняка, кормящегося «своею работою», его хозяин, хотя бы и сородич, очень легко превращал в своего раба.

Но откуда брался этот социальный слой бесскотных «балыксытов»? Происхождение его было неодинаково. Тут были и потомки древнейшего доскотоводческого населения Якутии; такими были упомянутые выше «пешие роды» на Вилюе, жившие отдельными группами, имевшие своих «князцов». Но, помимо этого, «балыксытский» слой пополнялся и за счет разорявшихся элементов скотоводческого населения. О причинах этого мы уже говорили выше; причинами служили постоянные военно-грабительские набеги, главным образом со стороны тойонской знати.

«В прошлых годех,—говорится в той же росписи о якуте Декае,—батурусские якуты Кокуевы родники, да Осюка шамана родники, да Тага Тарханов (известный уже нам тойон-грабитель), приходя войною, громили (Декая) и скот отгонили. И он де Декай сшол от них за Амгу жить на озера в дальные в незнающие места кормиться рыбою». «В прошлом де во 148 г.,—говорится о другом якуте, Мандураке,—приезжали к нему батулинские якуты войною и скота де у нево Мандурака те якуты взяли скотин з 20 кобыл и коров. А в прошлом де во 151 г. тагуские якуты и достальной скот у него Мандурака войною ж взяли, и он де Мандурак стал разорен до основания и живет де на озерах и кормится рыбою и сосною» [28].

Таким образом, разряд свободных бедняков—балыксытов, так же как и разряд рабов—кулутов, пополнялся за счет свободного улусного населения, за счет разорения отдельных элементов из основной его массы. Каково же было положение самой этой массы?

Мы уже знаем, что якутские племена состояли в эпоху царского завоевания из отдельных родовых групп. Эти родовые группы, или общины, конечно, уже далеко не были теми родовыми коммунами, какими они были в более отдаленное время, в эпоху первобытного коммунизма. Они не вели общего хозяйства и не владели общеродовым имуществом. Скот, так же как и всякое другое имущество, составлял не родовую, а частно-семейную собственность. Однако родовые связи еще далеко не исчезли, родовая община еще существовала. Членами родовых общин, свободными общинниками, и были те «улусные мужики», которые составляли главную массу якутского населения.

Что же представляли собой эти родовые общины и каково было в них положение общинников?

В якутском быту XVII в. сохранилось много черт и пережитков родового строя. Люди одного племени—джона—считались сородичами. В русских документах они постоянно называют друг друга «родниками». Например в одном судебном деле между якутами (в 1668 г.) отмечен такой случай: истец, бетунский якут, сослался в подтверждение правильности своего иска «Бетунской и Катырицкой волости на якутов в повальной обыск» (т. е. на поголовный опрос этих двух племен); но ответчик заявил отвод этой ссылке: он сослался только на якутов Катырицкой волости, а «Бетунской волости на якутов не слался, потому что де ему (истцу) *родники*»[29]. Целое племя—с населением более 1500 чел.—считалось, значит, «родней» истца. Подобных упоминаний в наших документах можно найти немало.

Родовая связь между сородичами и соплеменниками,—людьми одного джона,—выражалась, между прочим, в обычае так называемой экзогамии, т. е. в запрете браков внутри своего джона. У нас нет прямых указаний на то, что такой запрет существовал. Однако, если взять известные случаи браков, отмеченные в документах XVII в., то мы видим, что эти браки почти всегда заключались не внутри племени, а между членами разных племен: например мужчина борогонец женился на женщине из племени мегинцев, мужчина кангаласец—на женщине из намцев и т. д. Подсчет известных случаев браков XVII в.* показывает, что 90% всех браков заключались именно так—между людьми разных племен, и только 10% внутри одного и того же племени, и то эти 10% браков приходятся уже на последние десятилетия XVII в., когда старые якутские обычаи начали расшатываться.

Экзогамия—самый характерный признак родовой организации общества. Если у якутов этот обычай в XVII в. существовал, это означает, что родовые отношения еще сохраняли силу. Но в то же время мы видим здесь, что экзогамия у якутов уже перешла с рода на племя: браки заключались не только в чужом роду, но и в чужом племени.

Родовая связь проявлялась также в обычае родовой кровной мести. За убийство, увечье и пр. полагалось мстить.

---

* В подсчет вошли здесь те отмеченные в документах XVII века случаи браков, в которых известно, из каких «волостей» происходили муж и жена. Таких случаев известно более 200.

мстить должны были сородичи пострадавшего. Жертвой мести мог стать не обязательно сам виновник убийства, а иногда и его родственник. Например в 1651 г. три борогонца были убиты баягантайскими якутами Торонеком и его родичами. За это брат одного из убитых, Сыкра, вместе со своими братьями «убил у него Торонека *родников* его Трека да Быхчаги да Быкыка Чинагаровых»[30]. Акт мести обозначался определенным термином, который на русский язык переводился: «добыть постелю под убитого». «Хотя де постелю под себя добудем»,—говорил один якут, призывая к мести завоевателям за обиды и насилия.

Но этот древний обычай кровной мести в ту эпоху, о которой мы говорим, уже выходил из употребления. Месть чаще заменялась выкупом за кровь, по-русски «головщиной». Головщину платили и за предумышленное убийство и за случайную смерть. В уплате головщины участвовали сородичи виновного. Получивший же головщину тоже распределял ее между своими сородичами. «...В прошлом де во 158 г.,— говорится в одном якутском судебном деле этого времени,— он Букей з детми своими у Маныки Батурова головщины взяли кобыл и коров больших 5 скотин, да телят и жеребят 5 же скотин, за то, что в прошлом во 148 г.... Маныкин отец Батур Сабараев убил брата его Букеева родного Кабейкана Унекеева. И тот де скот они Букей разделили по себе: Оргуней Унекеев взял кобылу, Бадун Амуров корову, а он Букей взял корову, а достальной де скот розымали родники его, а хто имянем и сколько взял, того де он не упомнит»[31]. И здесь, следовательно, родовые связи сохраняли силу, но самый переход от кровавой мести к материальной компенсации за убийство уже служил признаком разложения этих связей.

Очень характерно, что, таким образом, всякие убийства, нападения, похищения людей и тому подобные преступления считались по якутским обычаям частным делом заинтересованных лиц или родовых групп. Пострадавший или его сородичи сами сводили счеты с противной стороной. Какого-либо общественного суда, повидимому, не существовало. Тойоны не имели к этому делу никакого отношения: они никого не судили и не наказывали, кроме разве своих слуг и сородичей. Тойоны были только военачальниками.

Пережитки родовых связей проявлялись у якутов также и в разных других случаях, например в наследовании имущества, когда сородичи умершего делили между собой это

имущество, не оставляя ничего детям и вдове умершего. На этой почве очень часты были конфликты, дошедшие до нас в многочисленных судебных делах.

Таким образом, у якутов XVII в. сохранялись определенные черты родовых отношений, хотя эти отношения уже давно разлагались. Но у них сохранялись воспоминания и о еще более древней, более первобытной организации—материнско-родовом строе, который существовал у предков якутов в какую-то весьма отдаленную эпоху (очевидно, до перехода к скотоводству), но оставил следы, хотя и слабые, в быту якутов изучаемой нами эпохи и даже в более позднее время. Эти следы древнего материнско-родового строя состояли, например, в преданиях о происхождении отдельных родов от женщин; такие предания сохранились относительно родов Хобохтох, Кётёх, Малахай и др.[32] Следы материнско-родового строя (и связанного с ними группового брака) отразились и на якутских терминах родства, что хорошо выяснено этнографами-якутоведами[33].

Однако в эпоху русского завоевания не только этот материнско-родовой строй, но и более поздний патриархально-родовой строй якутами уже изживался. Древняя родовая община еще существовала, но она уже разлагалась изнутри. Внутри рода развилась отдельная семья, и семья, а не род, владела собственностью. Родовая община разлагалась потому, что внутри нее появилось неравенство; бедные сородичи попадали в зависимость, в кабалу, даже в рабство к более зажиточным. Войны и грабительские набеги разоряли отдельных общинников и ускоряли это закабаление и порабощение. Община разлагалась, но она еще не погибла*. Тойоны были главными врагами общины; тойонские военно-грабительские набеги больше всего разлагали общину. И общинники пытались вести борьбу с тойонами, пытались сопротивляться их усилению.

---

* Многие историки считают, что у якутов уже до появления русских сложились феодальные отношения, хотя и не вполне развитые. По их мнению, тойоны той эпохи уже были феодалами, державшими в своих руках всю землю. Если так, то «улусных мужиков» того времени следовало бы считать закрепощенным крестьянством. Автор настоящего очерка считает, что наши источники не дают оснований для таких выводов. Нет никаких указаний на то, что улусное население было закрепощено, что оно несло какие-либо повинности в пользу своих тойонов, платило им дань (оброк) и т. п. Мы знаем, что тойоны не располагали и «гражданской» властью над улусным населением: право суда им не принадлежало, в их руках была только военная власть. Конечно, многие из «улусных» мужиков так или иначе попадали

Главным богатством тойонов был скот, и похищение скота у общинников было одним из главных способов тойонского накопления. Против этой стороны деятельности тойонов «улусные мужики» и подняли борьбу. Нам известно множество случаев, когда общинники угоняли тойонский скот: например известен ряд жалоб нюрюктейского тойона Гитка Киринеева на похищение у него скота[34]. Такие же жалобы подавал мегинский тойон Ондек Эрсюев, батурусский Чемок Барпуев, борогонский Чука Капчинов и т. д. Известны многие десятки таких случаев. Некоторые тойоны были так напуганы и раздражены участившимися фактами угона их скота, что требовали, уже в эпоху царского господства, от русской власти, чтобы «тех воров казнить смертной казнью»[35], хотя, как мы знаем, тойоны сами были главными похитителями чужого скота.

Были и другие формы борьбы общины против тойонов. Особенно упорная борьба разгорелась вокруг вопросов землепользования, в связи с начавшимся захватом тойонами земельных угодий. Но эта форма классовой борьбы получила особое значение уже в более позднюю эпоху, и мы коснемся ее в одной из следующих глав.

Чтобы закончить картину социально-экономического строя якутов эпохи царского завоевания, необходимо сказать еще об одном явлении, которое тоже в немалой степени содействовало разложению родовых общин и накоплению имущества глазным образом в руках тойонского класса. Мы говорим о развитии торговли.

Обмен у якутов XVII в. был довольно развит. Наиболее древней его формой надо считать межплеменной обмен. Якуты-скотоводы вели торговлю с тунгусами-охотниками. Целые торговые караваны отправлялись на Вилюй, на Олекму. Якуты продавали тунгусам скот, мясо, молочные продукты, а также железо и железные изделия, а от них покупали главным образом меха. «И те... тунгусы,—сообщал в 1644 г. один из казаков, побывавший на Вилюе,—соболи промышляют и продают тем конным якутам кангаласским на быки и на коровы и на молока и на кумызы»[36]. «Оторговал де нас Бойдон (якутский тойон) на корм все соболи»,—говорили

в экономическую зависимость к своим тойонам («жили подле» них, как говорится в наших документах, или «жили в работе» у них), но на этом основании еще едва ли можно говорить о наличии, а тем более о господстве у якутов феодализма в эпоху до русского завоевания.

по этому поводу сами тунгусы[37]. В 1649 г. с Вилюя пришло известие о большом якутском торговом караване в составе до 100 человек якутов Кангаласской, Намской, Бетюнской, Борогонской и Бордонской волостей во главе с крупнейшими тойонами: «а все с товаром». «И кантакульских... тунгусов оторговали (эти якуты), соболи у них выкупили»[38].

Этим путем тойоны увеличивали и количество и разнообразие скоплявшихся в их руках материальных благ. Выменяваемые ими от тунгусов дорогие собольи и прочие меха шли на изготовление богатых тойонских нарядов, шуб, «санаяков», шапок.

Но одним внешним обменом не ограничивалось развитие торговли у якутов. Обменные отношения проникли и внутрь общин. Главным товаром был при этом скот. Очень распространен был обмен конями. «...Менял он со мною конем на коня»,—жаловался один якут на другого в 1644 г.—и оказался «мой конь его коня лучше, ценою 2 кобылы»[39]. «...Коня выменял полюбовно, дал де ему своего коня...»,—говорил другой якут[40]. Таких фактов известно множество. В других случаях скот обменивался на пушнину, на рыбу и пр. Вообще скот—главное богатство якутов—имел у них значение своего рода денег, «всеобщего эквивалента». Вещи расценивали на скот. «А в та поры стог сена покупали по 2 скотины»,—такие выражения встречаются иногда в документах того времени[41].

Параллельно шло и первое выделение ремесла. Впрочем, обособилось в ту эпоху только кузнечное ремесло. Кузнецы у якутов были, они выплавляли железо из болотной и горной руды и ковали из него оружие и всякие изделия на продажу и на заказ. Особенно развит был кузнечный промысел на Вилюе. Другие промыслы, как пошивка одежды, обуви, изготовление предметов утвари и пр.—оставались, повидимому, чисто домашними и товарного значения еще не имели.

***

Итак, мы видим, что якутское общество в эпоху царского завоевания находилось как бы в переходном состоянии. Оно уже вышло из стадии родового доклассового строя. В родовой общине уже наметилось в связи с развитием частно-семейной собственности экономическое расслоение. Это

расслоение еще обострялось благодаря грабительской деятельности военнорабовладельческой знати—тойонов, разорявших своими набегами рядовых общинников и тем самым превращавших их или в бесскотных неимущих «балыксытов» или в рабов.

Государственная организация находилась лишь в самом зародышевом состоянии (власть тойонов). Крупных межплеменных объединений еще не было, хотя отдельными сильнейшими тойонами (Тыгын) делались попытки их создать. Якуты первой половины XVII в. находились на стадии перехода, говоря словами Энгельса, от варварства к цивилизации.

* * *

Этому переходному состоянию общественного строя соответствовали формы религиозных верований и культа. Религия якутов имела довольно сложный характер, в основном в ней отражался уже отживающий родовой быт, но намечались и новые формы верований, связанные с идеологией военной аристократии—тойонов.

У якутов целиком сохранялся древний шаманский культ, сложившийся на очень ранней ступени общественного развития и господствовавший у всех народов Севера. Якутское шаманство в частности ближе всего стояло к тунгусскому. Служители этого культа, шаманы, по-якутски—ойуун, не составляли наследственной группы, однако считалось, что шаманом нельзя сделаться по собственному желанию, а только по «призванию» со стороны духов предков-шаманов. Шаманам приписывали способность сноситься с духами, побеждать и изгонять тех из них, которые приносят зло (ӱӧр, абаагы), и призывать на помощь добрых. Обычные действия шамана состоят в «камлании»—экстатической пляске с пением и ударами в бубен, при помощи чего шаман якобы совершает путешествие к духам или вселяет их в себя. Главная цель таких камланий обычно состоит в лечении больных (людей и животных), а иногда также в гадании о будущем, о пропавших вещах и пр. За это шаманы получали определенное вознаграждение, обычно скотом, не считая того, что по их указаниям больной или его родные убивали скот в жертву «духам».

О таком шаманском «лечении» очень часто упоминается в документах XVII в., особенно в судебных. Так, один якут жаловался (в 1668 г.) на то, что враги ранили его отца,

сообщая при этом, что он, «убив коня да кобылу да быка да корову да теленка 2 годов, и те раны теми скотинами лечил» [42]. Другой якут, раненый своим соулусником, жаловался в своей челобитной, что он, «призываючи многих шаманов и лекарей, лечась, убил 10 скотин, да сверх того шаманом же и лекарем дал я... 5 скотин» [43]. Еще в одном судебном деле челобитчик пишет о том, как они своего раненого сородича «по своей якуцкой вере лечили и от шаманства шаманом и лекарю давали, что выбирали из мозгу кость, всего 30 скотин лошадей и кобыл и коров» [44].

Но, конечно, от такого «лечения» пользы не могло быть, и больные чаще умирали или оставались калеками. Как поступали в таких случаях с шаманом, мы, к сожалению, не знаем. Но нередко самую болезнь и смерть человека якуты приписывали «порче» со стороны какого-нибудь шамана. До нас от того времени дошло очень много жалоб на «шаманскую порчу». «Баря шаман...испортил волшебством своим родника моего Тонеся»[45]. «В прошлом де во 195 г. испортили у него Бодойка шаманством сына его Эрсюкая Байдутцкого роду якут Коней шаман Мокоев с Торкаем шаманом Быгыевым вместе»[46]. «А Моксогол испортил шаманством своим меня ...и от той его порчи стал я...увечен навек»[47] и т. д.

За «порчу» с шамана требовали «головщину», как за убийство. В одном судебном «сыске» того времени (1700 г.) приводится, например, такое показание якутов свидетелей: «Булгус де шаман испортил волшебством своим мужска и женска полу якутов 13 человек, да лошадь, и от той де его порчи те люди и лошадь вскоре померли, и одному человеку за жену головщину платил 10 скотин, да одному человеку за головщину малого сына его кобылу да корову...»[48]. Иногда же в подобных случаях применялся еще более древний обычай кровной мести: подозреваемого в «порче» человека шамана просто убивали. В 1645 г. кангаласский тойон Откурай, сын Тыгына, убил шамана Дуруна за то, что «в прошлом... в 152 г. зимою уморил де у меня тот Дурун шаман шаманством своим жену мою»; по этому поводу в русском судебном документе было записано, что «в якутах так прежсего велось, что шаманов и добрых за дурное шаманство побивали»[49].

Вместе с пережитками древней родовой организации у якутов сохранялись тотемические верования: каждый род имел своего священного покровителя в виде определенной породы животных: гуся, ворона, лебедя, орла, жеребца

и пр.; этого своего покровителя члены рода не могли употреблять в пищу*.

С тем же древним родовым устройством были связаны и другие религиозные обряды—летние «кумысные праздники», так называемые «ысыах»: они устраивались обычно в июне и состояли в общественных молениях, в питье кумыса и разных играх; смысл этих праздников состоял в обращении к божествам, покровителям скотоводства, с просьбами о ниспослании благополучия. В старину эти праздники имели чисто родовой характер—устраивались всем родом. Впоследствии их стали устраивать богачи—тойоны.

Почитание божеств-покровителей скота было у якутов вообще сильно развито. Из них особенно чтили богиню Нейехсит, дающую плодородие скоту. Жертвоприношения ей и другим «светлым» божествам («айыы») устраивали особые «белые» шаманы («айыы—ойууна»). Для сохранения скота от падежа в хлеву вешали изображения богов, обычно в виде шнурков с ленточками. Какое значение приписывали этим священным изображениям, хорошо видно из одного интересного судебного дела того времени: в 1653 г. намский тойон Ника Мымаков жаловался на одейских якутов Моксогола и других, что они «покрали боги мои, и как они Моксогол с отцом своим покрали боги мои, и того часу померли у меня напрасно кобыл и коров числом 70»[50].

Существовали и верования, связанные с охотничьим промыслом. Главным покровителем охоты считался лесной бог Баянай со своими «братьями». Ему охотники приносили жертвы, бросая в огонь куски мяса и пр., и просили об успехе промысла.

Наряду со всеми этими чрезвычайно древними и первобытными формами религиозного культа у якутов в XVII в. существовали и другие, отражающие более позднюю стадию общественного развития: в связи с ростом классового расслоения, с выделением военно-рабовладельческой знати, появились представления о великих небесных божествах. Таковы боги: Ӱрӱн-Аар-Тойон—«белый старец господин», высший из богов, восседающий на самом верхнем, девятом небе; Ӱрӱн-Айыы-Тойон—«белый творец господин», доброе боже-

---

* О тотемизме наши источники XVII в. не говорят ничего, но об этом сообщает в XVIII в. Страленберг, а остатки тотемических верований описывались у якутов еще и в XIX в. (Щукиным, Костровым, Г. роховым, Виташевским).

ство, сидящее на восьмом небе; Улуу-Тойон—«великий господин», грозное и карающее божество, покровитель шаманов— и целый ряд других. Эти божества составляли как бы небесную аристократию, соответственно земной тойонской аристократии. Тойоны старались часто выводить свое происхождение от того или иного из этих великих богов[51].

* * *

Соседями якутов были племена, стоявшие значительно ниже их по социально-экономическому и культурному развитию: тунгусы и юкагиры.

Тунгусы окружали якутов со всех сторон, но они сами делились на ряд племен (в русских документах эти племена называются «родами»). На Вилюе соседями якутов были тунгусы-кантакулы, киндигиры, нанагиры, мургаты, кункагиры и др. Некоторые из этих же племен (нанагиры, киндигиры и пр.) кочевали и в более южных районах, соприкасаясь с олекминскими якутами. На Алдане и далее к востоку были особые тунгусские племена: лалагиры, азяны и пр. Ниже впадения Алдана по Лене жили жиганские и долганские тунгусы.

На р. Яне соседями якутов были юкагиры, тоже распадавшиеся на ряд племен. Территория, заселенная ими, простиралась от Яны далеко на восток, охватывая бассейны Индигирки (где кроме них кочевали ламуты—племя близкое тунгусам), Алазеи, Колымы и доходя до верховьев Анадыря.

Как тунгусы, так и юкагиры были бродячими охотниками. Они имели небольшие стада оленей, но пользовались ими только для передвижения по тайге в поисках зверя. Пищей служило для них мясо лося, дикого оленя, зайца, пернатой дичи. Меха добываемых пушных зверей употребляли они на изготовление одежды, обуви, на покрытие своих чумов (кочевое коническое жилище), а также продавали их якутам, получая в обмен мясо и молочные продукты. У тунгусов были, по крайней мере в некоторых местах (например, на Охотском побережье), свои кузнецы, выделывавшие железное оружие: ножи, «пальмы», наконечники стрел и пр.

Каждое племя распадалось на отдельные роды, численностью по несколько десятков взрослых мужчин, т. е. по 100—200 и более человек. Во главе родов стояли старшины, которых русские документы тоже называют «князцами», как

и якутских тойонов, но которые на этих последних были весьма мало похожи. Тунгусские и юкагирские «князцы» не составляли господствующего класса, а были представителями патриархальной родовой власти. Их авторитет признавался лишь в рамках обычаев; принудительной власти они не имели. Когда, например, в 1640 г. казаки в верховьях Лены старались объясачить тунгусов, их князцы не всегда могли уговорить своих сородичей согласиться на уплату ясака: «А он Можеул («князец» тунгусского Налятского племени) про тех своих улусных людей ясачным сборщикам сказал, *что его не слушают*»[52].

Между собой тунгусские и юкагирские роды и племена нередко вели войны, состоявшие во взаимных нападениях с целью захвата добычи и рабов. О таких нападениях мы находим много упоминаний в документах. Например, в 1649 г. тунгусы трех вилюйских племен—шолоны, мургаты и кантакулы—рассказывали русским служилым людям о сделанном ими набеге на тетейских тунгусов: «что де были они на Н. Тунгуске в Тетейском зимовье и убили де Тетейского зимовья ясачных тунгусов... человек со 100 и больше, а жен и детей в полон взяли, и оленей у них всех ограбили...»[53].

Захваченных рабов тунгусы продавали другим родам и племенам, а также использовывали в своем хозяйстве, но как;—об этом наши источники, к сожалению, не говорят. Можно думать, впрочем, что рабство у тунгусов и юкагиров было более мягким, чем у якутов; это было патриархальное рабство, уживавшееся с господством родовых отношений.

Межродовые войны велись и из-за похищения женщин в жены, в связи с взаимной местью и т. д. Эти постоянные войны и взаимные набеги поддерживали у тунгусов и у юкагиров воинственность характера, отличавшую их от более мирных якутов.

Якутам тоже приходилось часто страдать от нападений тунгусов. Об этом немало упоминаний находим мы в наших источниках. Так, в декабре 1645 г. в ясачное зимовье в устье Вилюя «прибежали осекуйские пешие ясачный якут именем Гуля да Елича со всеми семьишками своими, и служилые люди... учали у них у якутов роспрашивать, для чего вы прибегли совсем к нам в зимовье? И оне якуты сказали: для того де мы бегаем, пришли де к нам в осекуи тунгусы кантакульские Шаханай с родом своим, человек 20 и больше, да бьют де нас и мучат, и корм поимали весь, и стрелы и луки у нас поимали, и железо и откасы (копья),

и жен наших и детей поимали к себе в холопи. И по те годы у нас оне тако же обидели нас... И впредь де оне нам тунгусы угрожают, поемлем де вас к собе в холопи»[54].

На р. Яне якутам приходилось испытывать такие же набеги со стороны юкагиров. Так, например, в 1639 г. русские казаки, посланные на Яну, узнали, что в низовьях этой реки юкагирский «князец» Ендарак «янских низовских ясачных якутов Анбина улуса и Колескова и Контугина и всех Олгенских мужиков убивает и обидит и своими холопи называет и рыбу у них и всякий корм отнимает, и жены их и дети в полон емлет...»[55].

Правда, и якуты иногда совершали такие же набеги на соседние тунгусские стойбища. Так, в 1648 г. мямяльские тунгусы (на Алдане) жаловались на то, что на них нападают одайские якуты[56]. В 1654 г. долганские тунгусы жаловались на такое же нападение со стороны кокуйских якутов[57]. Но подобные факты случались гораздо реже. Бродившие в глубине тайги охотничьи группы тунгусов и юкагиров представляли собой гораздо менее удобный объект нападения для оседлых якутов, чем обратно. А воинственность, храбрость, отличное умение стрелять из лука и прочие боевые качества тунгусско-юкагирских племен внушали якутам страх. У якутов, правда, было одно преимущество—конный военный строй, чего у тунгусов не было. Но в глухой тайге или при внезапных налетах тунгусских отрядов на юрты якутов конница не могла помочь последним. Военный перевес чаще бывал на стороне их воинственных соседей.

Впрочем, было бы большой ошибкой думать, что взаимоотношения якутов с их соседями состояли только во взаимных набегах и столкновениях. Мы уже видели выше, что между ними происходил более или менее регулярный обмен. Русские служилые люди сообщали, например, с Вилюя в 1644 г., что тунгусы охотно берут у якутов в обмен на меха их скот и молочные продукты: «те... тунгусы на скот, на быки и на коровы и на кобылы и на кумызы немерно патчивы (падки)»[58]. Сами якуты в 1660-х годах говорили русским, что они постоянно выменивают у тунгусов меха «на свои товаренка, что у нас есть, а им тунгусам надобно»[59].

Помимо обменных связей существовали и разные другие бытовые связи между якутами и их соседями—охотничьими племенами. Неустойчивость охотничьего хозяйства нередко, в неудачные годы, обрекала тунгусов на голодовки и заставляла их искать помощи у якутов. В 1648 г., например, 3 тун-

гуса-нанагирца говорили русским, что они пришли с Олекмы «в Намской улус к Нике Мымыкову в гости и для голоду, кормиться»[60]. В 1660-х годах один тунгус Озянского рода сообщал, что в прежние годы, после смерти своего отца, «сшел к родникам своим в Батурусской волости с матерью своею к якуту к Одене»[61]. Из последнего примера видно, что тунгусы иногда были связаны с якутами и узами родства, очевидно, через взаимные браки.

Таковы были разнообразные взаимоотношения между якутами и их менее развитыми соседями в эпоху царского завоевания.

Глава 4

ЗАВОЕВАНИЕ ЯКУТИИ ЦАРИЗМОМ

Много слуг и рабов было у богатого и могучего тойона Тыгына,—так рассказывает якутское предание.—Эти слуги были из разных племен и стран. И вот раз заметил Тыгын среди них двух странного вида людей, неведомо откуда пришедших. Эти люди совсем не были похожи на якутов. «Глаза—глубокосидящие, синие, носы—высокие, острые, лица—обросшие волосами, головы острижены, одежда — тесная, сжимающая, подобно водоросли. Разговорной речи они не понимали, а объяснялись посредством движений рук и путем догадок». Старуха, жена Тыгына, почуяв недоброе в этих странных гостях, предостерегала мужа и советовала их умертвить. Но Тыгын не видел вреда от своих новых работников и относился к ним дружелюбно. Прожив два года у Тыгына, незнакомцы попросили у него за свою работу две бычьи шкуры. Тыгын дал. Взяв шкуры и разостлав на земле, они, видимо, просили себе эту покрытую шкурами землю. Тыгын сказал: «Ну, возьмите». Тогда пришельцы разрезали обе шкуры на тонкие, как нитка, ремешки и обтянули ими большое поле, отметив границы его кольями. Якуты и в этом не видели вреда и оставили колья стоять. Странные же люди в то же лето исчезли. Якуты догадались, что они уплыли по реке на юг, к себе на родину. Подивившись странным поступкам незнакомцев, они вскоре забыли о них.

Однако на следующую весну якуты вдруг увидели, что неведомые гости появились вновь, но теперь их было очень много. На выпрошенной земле они построили много домов, соорудили крепость. Испугавшись, якуты порешили между собой перебить непрошенных пришельцев. Собравшись вместе, они начали обстреливать из луков новое поселение, но стрелы якутов, ударяясь в здания, падали, а чужеземцы оставались невредимы. В ответ на это чужеземцы начали производить громкие хлопающие звуки, и от каждого такого звука кто-нибудь из якутов падал мертвым.

Так погибло много якутского народа, погиб Тыгын и его сыновья, многие якуты разбежались, остальные покори-

лись незванным пришельцам. С этого-то времени якуты и попали под власть русских.

Так гласит старинное предание, сохранившееся среди якутов и с разными изменениями и добавлениями рассказываемое стариками в долгие зимние вечера перед горящим камельком. Это предание[1], хотя и сильно изукрашенное сказочными подробностями, в основном передает нам довольно точно крупнейшее событие в истории якутов: появление в их земле первых русских завоевателей. С приходом русских начался новый период истории якутского народа.

Завоевание Якутии царизмом было продолжением тех военных походов на восток и север, которые начались со времени похода Ермака в 1580-х годах. Захватив к началу XVII в. западную Сибирь—бассейн Оби, войска Московского царя в 1619 г. появляются на Енисее и в 1620-х годах овладевают почти всем бассейном этой реки. Главной целью этого завоевательного движения было стремление московского царизма захватить в свои руки земли, изобиловавшие ценным пушным зверем. Дорогие меха—соболи, лисьи, бобровые и др.—были в XVI—XVII вв. главным предметом вывоза из Московии за границу. Это был один из главных источников дохода царской казны. Чем дальше на восток и север шли русские завоеватели, тем более богатые пушным зверем места открывались перед ними. Покоряя туземные племена одно за другим, жестоко подавляя всякие попытки с их стороны оказать сопротивление, царские «служилые люди» на всех налагали «ясак»—дань мехами. Уже к 20-м годам XVII в. были «объясачены» западно-сибирские татары, остяки, вогулы бассейна Оби, часть самоедских племен, енисейские тунгусы и другие племена. И вот к 1630 г. завоеватели добрались до «великой реки Лены», до «якутской землицы».

Уже в 1620 г. в Мангазейском остроге (на р. Тазе) были получены от тунгусов, кочевавших по Нижней Тунгуске и верхнему Вилюю, сведения о якутах Вилюя и Лены. В 1630 г. мангазейские служилые люди проникли через Нижнюю Тунгуску на Вилюй и взяли первый ясак с тамошних якутов. Но одновременно продвигались в Якутскую землю завоеватели с другой стороны, с юго-запада, из Енисейска. В 1628 г. казачий десятник Енисейского острога Василий Бугор прошел с отрядом казаков вверх по Верхней Тунгуске и ее притоку Илиму и через «Ленский волок» вышел на р. Куту и по ней на Лену. По Лене Василий Бугор спустился только до р. Чан (ниже Киренги) и вернулся, оставив 4 казаков у устья Киренги для сбора ясака. Не эти ли спутники

Бугра попали первыми в Якутскую землю, и не о них ли сохранило память приведенное выше якутское предание, как о первых русских, пробравшихся во владения Тыгына?

В 1631 г. на Лене появился новый отряд под командой казачьего атамана Ивана Галкина. Этот атаман, повидимому, добрался по реке до самого центра расселения якутов—до земли кангаласцев, и не только начал собирать ясак с якутов, но делал это с большими жестокостями, грабя и разоряя население. В царской грамоте 1638 г. (наказ воеводе Головину) говорится о том, что «в прошлом де во 139 году (1631 г.) на великой реке Лене лутчие тайши, которые государю служили, Бодочь да Тынина (очевидно, тот самый знаменитый Тыгын) и алданские князцы, воровством служилых людей, Енисейского острогу атамана Ивашки Галкина с товарищи, от великих их обид, учинились от государя отгонны»[2].

Но эти первые походы в Якутскую землю сопровождались лишь грабежами и не приводили к покорению якутских племен. Покорение началось в 1632 г. В этом году, в мае, енисейский сотник Петр Бекетов спустился с отрядом казаков по Лене до якутских улусов и начал планомерное завоевание края[3].

Первыми подверглись нападению казаков бетунцы. Как писал впоследствии сам Бекетов, он приплыл по Лене «в Якутскую землю под якуцкого князца под Семена Улта и под брата ево Камыка, под их улусы пристал» и стал «призывать» их покориться Московскому царю и дать с себя и своих улусных людей ясак. Якуты однако не захотели покориться и завязали с русскими бой, стреляя в них из луков и стараясь отогнать от берега. Казакам удалось в этом бою захватить в плен сына тойона Камыка, по имени Докоя. Тогда Камык и Улта «со всеми своими людьми» покорились, согласились платить ясак и принесли «шерть» (присягу на верность) царю.

После этого Бекетов послал отряд казаков вниз по Лене в Жиганскую и Долганскую землю, где было поставлено зимовье и объясачены местные племена (тунгусы), а сам продолжал покорение якутских племен. Разбив в июле и августе несколько мелких князьков, он в сентябре напал на батулинского тойона Ногуя и после удачного сражения заставил его покориться, принести «шерть» и дать ясак. В конце сентября он построил на правом берегу Лены, против улуса намского тойона Мымака, «острог», первое русское укрепление в Якутии.

Опираясь на это укрепление*, Бекетов мог действовать в дальнейшем еще решительнее. 28 сентября он послал отряд казаков к мегинскому тойону Бурухе с требованием ясака. Буруха отказался подчиниться. Завязался бой, в котором якуты и на этот раз были разбиты, потеряв 20 чел. убитыми. Буруха прислал к русским в знак покорности своих двух племянников и двух мелких, зависимых от него тойонов— «князца Откона да князца Дурея». Послы Бурухи «принесли свою вину» и заплатили ясак.

Наступила зима, но русские продолжали шаг за шагом распространять свою власть в Якутской земле. Один тойон за другим после слабых и неудачных попыток сопротивления покорялись и давали «с себя и с своих улусных людей» ясак.

С трудом удалось казакам покорить племя дубсунцев, живших на левом берегу Алдана. В марте 1633 г. Бекетов послал к их главному тойону Оспеку казаков с требованием ясака. Дубсунцы приготовились защищаться и выставили «караульщиков» (дозорный отряд). Казаки разбили и прогнали этих «караульщиков», и те, бежав к своим, «в улусы свои весть подали; и якуцкие люди изо многих улусов Дубсунской волости сбежалися в один улус и поделали острожки (укрепления) и сели в острожках». Казаки, подойдя к острожкам, потребовали сдачи. В ответ на это якуты открыли стрельбу из луков. Казаки пошли на приступ. Один из острожков им удалось взять, и они «убили в том острожке лутчих людей 20 человек, и иные острожки взятьем взять не могли и зажгли со всеми якутскими людьми». Более 80 якутов сгорело в острожках, только трем женщинам удалось спастись, и русские захватили их в плен. Сам Оспек, хотя не был на месте побоища, но, узнав о нем, потерял дух и решил покориться. «И собрався с иными князцами тое Дубсунской волости и своими людьми, приехав в новой острог... принес свою вину». Все оставшиеся в живых дубсунские тойоны шертовали Московскому царю и дали ясак «с себя и с своих людей».

Когда весть о жестокой расправе с дубсунцами разнеслась по якутским улусам, большинство тойонов уже не смело и думать о сопротивлении. Один за другим покорились и шертовали в платеже ясака тойоны: намский Мымак, кангаласские Ника с сыновьями Еюком и Оттоем, сыновья Ты-

---

* Через 10 лет, в 1642 г., этот «острог» был перенесен на более удобное место, на левый берег Лены, за 70 *км* выше по ее течению. Этот новый острог послужил началом нынешнего Якутска.

Якутский острог в 60-х годах XVII в.

гына Бозеко, Откурай и Челай, баксинский Тюсюга, нюрюктейский Кириней и ряд других.

Так в течение немногих месяцев большая часть якутских племен была покорена и объясачена очень немногочисленным московским отрядом. В чем была причина такого сравнительно легкого успеха завоевания?

Во-первых, завоеватели обладали более высокой военной техникой—огнестрельным оружием, которое якутам не было до этого даже известно. Уже один гром выстрелов поражал их; якутское предание сохранило об этом память. Далее, мы видим, что сопротивление завоевателям со стороны якутов было неорганизованным и разрозненным: каждое племя, даже часть племени защищалась самостоятельно, попыток объединения для совместного отпора не было; здесь действовала старая межплеменная рознь. Казаки могли по частям бить ополчения отдельных якутских племен и родов.

Наконец, самое главное состояло в поведении тойонов. Они были военными предводителями племен, и только они могли руководить организованным сопротивлением. Многие тойоны, как мы видели, пытались сопротивляться. Но их сопротивление было очень нерешительным. После первых же неудач, они предпочитали добровольно покориться завоевателям. Завоеватели же вели простую и по своему умную политику. Они жестоко подавляли всякие попытки сопротивления, но все тойоны, согласившиеся покориться и приходившие с ясаком, встречали самый радушный прием. Их встречали с угощением и «подарочным жалованьем»—дарили им бисер и «одекуй» (бусы), иногда медные котлы, оловянные тарелки и пр. Позже русские власти начали наделять тойонов всякими правами и полномочиями, но об этом мы расскажем ниже.

Итак, уже Бекетову удалось, построив Якутский острог, в 1632/33 г. покорить и объясачить большую часть якутских племен. Но дальше дело осложнилось соперничеством и трениями в среде самих завоевателей.

Енисейские служилые люди во главе с Бекетовым и енисейские воеводы считали Якутскую землю своей добычей и писали об этом в Москву, ссылаясь на постройку в этой земле острога и на приведение князцов к «шерти». Но первыми-то, кто «открыл» Ленскую «землицу», были не они, а мангазейские казаки, которые вовсе не желали уступать эту богатейшую страну енисейцам.

Еще в 1630 г. из Мангазеи пришел на Лену первый каза-

чий отряд под командой Мартына Васильева, собравший с якутов первый ясак. В 1632 г. оттуда же был послан новый отряд во главе со Степаном Корытовым. Весной 1633 г. этот отряд столкнулся в устье Вилюя с отрядом казаков, посланным на Вилюй из Якутского острога Бекетовым. Вероятно, обе партии были немало удивлены этой неожиданной встречей, да и не слишком ею обрадованы: енисейцы видели в мангазейцах нежелательных конкурентов по ограблению туземцев, и мангазейцы так же смотрели на енисейцев. Мангазейцы оказались в данном случае сильнее, а кроме того им удалось захватить врасплох лодку енисейских казаков. Корытов заставил таким образом последних присоединиться к своему отряду и двинулся дальше на восток, на Алдан и Амгу, отделив часть отряда и послав ее вниз по Лене к долганским и жиганским тунгусам. И на Алдане и на Лене мангазейцы требовали с населения ясак.

«Якуты пришли от того в недоумение,—пишет по этому поводу историк Сибири Фишер,—и не знали, кого слушаться; притом чинимые в сборе ясака притеснения с обеих сторон привели народ в отчаяние и возбудили к ненависти, ослушанию и возмущению»[4].

Однако это положение было обычным явлением в ходе завоевания Сибири. Обложение местного населения ясаком было не только делом правительственного завоевания, но и делом частного предпринимательства различных «промышленников»—будь-то московского гостя или служилого человека, казака-воина или самого воеводы. Отсюда и эта частная конкуренция между ними.

Возмущение прорвалось в сентябре 1633 г., когда алданские якуты отказались платить ясак и убили 5 казаков, присланных к ним Корытовым за ясаком. Но это было только начало. Подготовлялось общее восстание якутских племен против поработителей.

В это время в Якутском остроге командовал вновь присланный из Енисейска атаман Иван Галкин, прибывший со свежими силами. Галкин принялся энергично собирать ясак. Он предпринял походы против мегинцев, намцев и др., громил их и заставлял платить ясак. Так, в декабре он послал казаков «на мегиев, на князца Дуруя и на Бодоевых улусных людей». Казаки, напавши на поселения мегинцев, «над ними учали промышлять». Бой длился целый день, и в результате «Дуруя убили до смерти и многих его и Бодоевых улусных людей побили и острожки и жон их и детей поимали», но ясака сумели собрать только 7 соболей, 12 лисиц и несколько

меховых шуб[3]. Другие походы сопровождались такими же жестокими погромами. Но в начале января 1634 г. Галкин вдруг получает известие о том, что недалеко от острога, на противоположном, левом берегу Лены, на территории намского племени собираются ополчения разных якутских племен для нападения на острог. Известие это было получено от одного из якутских рабов, перебежавшего из якутского лагеря к русским.

«Да генваря в 4 день,—говорится по этому поводу в челобитной казаков,—по вечеру поздно из Мымакова улусу Мымаковых улусных людей холоп в розговоре сказал атаману Ивану Галкину, что к Мымаку князцу в улус собрались многие якольские (якутские) князцы своими людми, с верху и с низу Лены реки, и с гор, кангаласы и меги, катулинцы и бетунцы и дурчинцы многих родов, а есть сот их с 6 и больше, а тоят (замышляют) де приходить и приступать к новому к Ленскому острожку всеми своими людми».

Как видим, общая беда—насилия и вымогательства завоевателей—заставила сплотиться для общего сопротивления разные якутские племена, которые до того действовали совершенно независимо друг от друга и часто даже враждовали между собой. Собралось внушительное, по тогдашним условиям, войско в 600—700 вооруженных людей (казачьи отряды обычно исчислялись десятками). Значительная часть войска состояла из конницы.

Положение русского отряда было очень опасным. Галкин решил не ждать нападения якутов, а напасть на них сам. Удалось собрать и посадить на коней всего 47 чел. 5 января отряд выступил и скоро встретился с якутским войском. Якуты вступили в бой, «учали стрелять (из луков) и напущаться великими конскими напуски, с копьи и с палмы». Бой был жаркий. Якуты потеряли убитыми около 40 чел. и многих ранеными, но из казаков двое тоже были убиты, большая часть получила ранения, казаки потеряли почти всех коней и вынуждены были отступить назад в острог. Через 4 дня, 9 января, восставшие подступили к острогу: «те ж якольские многие князцы всем своим собранием пришли со многими щитами и с сенами и с бересты под острожек на конях и пеши приступом». Якутов было более 700 воинов. Они обложили острог со всех сторон и держали его в осаде почти два месяца, до конца февраля. В остроге было очень мало припасов, и среди казаков скоро начался голод. Если бы осада продлилась еще несколько времени, осажденные по-

гибли бы от голода или вынуждены были бы сдаться. Но якуты 28 февраля вдруг сняли осаду и разошлись по своим улусам[6].

Мы не знаем точно, что помешало якутам довести восстание до полного успеха, от которого они были совсем близко. По всей вероятности, главные причины этого состояли, во-первых, в межплеменной розни, а во-вторых, в нерешительности и колебаниях военных вождей—тойонов. Мы знаем во всяком случае, что после неудачи осады острога часть якутов стояла за продолжение борьбы, а другая часть—за подчинение русским. Наиболее воинственно в этот момент были настроены кангаласцы: «А которые б князцы,—писал по этому поводу летом 1634 г. Галкин енисейскому воеводе,—с государевым ясаком и хотели приезжать ко государской милости, и тех князцов кайгалаские князцы, Тынины дети Аткурай с братьею, бьют на смерть и пальмами секут и к государской милости никому приезжать не велят»[6а].

Оправившись от пережитого страха, Галкин начал вновь посылать отряды на усмирение «ослушников» и на сбор с них ясака. Под влиянием неудачи восстания якуты, отчаявшись в открытой борьбе отстоять свою независимость, начали массами откочевывать в отдаленные районы: на Вилюй, Яну, Олекму. С этого-то времени и начинают появляться на этих реках якуты—выходцы из коренных якутских улусов: кангаласцы, намцы, мегинцы и др.

Галкин после ликвидации восстания расправился также и со своими конкурентами—мангазейскими казаками во главе с Корытовым, которые, кстати, не оказали никакой помощи его отряду во время осады. Галкин с 40 казаками погнался за Корытовым, шедшим вниз по Лене, догнал его и после настоящего сражения разбил и отнял награбленную им у якутов добычу.

Через 2 года после этих событий вспыхнуло новое восстание якутов, но на этот раз в нем особенно сильно сказалась межплеменная вражда. Ход восстания 1636—37 гг. нам приходится восстанавливать по отрывочным и неполным известиям. Повидимому, первым поднялось ближайшее к Якутскому острогу правобережное племя—бетунцы: летом 1636 г. они, под предводительством своих князцов Камука, Улты и Орту, перебили несколько ясачных сборщиков из отряда Парфена Ходырева. Некоторые роды, во главе с князцами Ногуем и Тусергой, откочевали от острога к востоку, на Татту и Амгу. Вскоре восстали кангаласцы, возглавляемые

сыновьями Тыгына—Откураем и Бозеко. Их ополчение, численностью в несколько сот воинов, подступило к городу. Нападению подвергся также старый враг и соперник кангаласских князей—борогонский тойон Логуй, ставший теперь союзником русских. По словам отписки того же Ивана Галкина, кангаласские князцы Откурай и Бозеко, «собрав своего войска ста с четыре, и под Ленским острожком погромили государевых ясачных людей и улусы, и князца Логуя, жены и дети и улусные его люди побили, и лошади и скот отогнали». Галкин послал в погоню за ними отряд служилых людей, «да якутов, которые государю послушны». Кангаласцы были разбиты и лишились захваченной добычи. Но это только усилило их энергию и направило ее непосредственно против русских. Откурай и Бозеко вновь собрали ополчение, на этот раз не только из кангаласцев, но и из соседних мелких, зависимых от них племен: «иных сторонних речных князцов собрали и с Мотмы (Ботомы?) и с Сини и с Лены рек, и нюрюптейского князца Киринея со всеми улусными людми, сот с шесть и больше». С этим войском они осадили Якутский острог, но, не будучи в состоянии его взять, сняли через некоторое время осаду и ограничились опять разгромом подгородных якутских улусов, державших сторону русских. Все это происходило уже зимой 1636/37 г. Отсидевшись в осаде, воевода опять пошел в погоню за отступившими кангаласцами, взяв с собой и на этот раз своих союзников—якутов. Роли переменились: теперь казаки стали осаждать укрепления кангаласцев. «А у тех де кангалайских князцов и улусных их людей,—писал Галкин,—сделаны острожки крепкие, в 2 стены, насыпаны хрящем и кругом снегом и водою улито». Два дня и две ночи штурмовали служилые люди эти ледяные крепостцы, и лишь на третий день удалось им взять один из острожков. Тогда кангаласские тойоны, упав духом, сдали остальные укрепления, покорились, принесли ясак и дали своих аманатов. Так кончилось неудачей и это второе якутское восстание[7].

Но завоевание коренных якутских улусов еще не было завершено. Восточные племена, жившие на Татте и Амге и далее к Алдану, еще не были покорены и не платили ясака. Из-за их объясачивания между завоевателями опять разгорелась борьба, и эта борьба переплелась с враждой между отдельными якутскими племенами.

В 1637 г. на Алдане появился отряд томских казаков во главе с атаманом Дмитрием Копыловым. Подвигаясь вверх по Алдану, Копылов построил (в 1638 г.) Бутальский острог

и, несмотря на ожесточенное сопротивление якутов и тунгусов, которые, соединясь вместе, производили на казаков неоднократные нападения, начал собирать с них ясак[8]. Для закрепления своей власти Копылов искусно воспользовался старинной межплеменной рознью среди якутов. Тойон племени накарцев Титко Киринеев, а также мегинский тойон Баргулак обратились к нему в 1639 г. с просьбой помочь им против их врагов — сыланских якутов. Копылов охотно послал против сыланцев отряд казаков в 20 чел., и этот отряд выступил совместно с ополчением накарцев, мегинцев и кангаласов, численностью в 220 чел., во главе с самим Титком. Соединенные силы якутов—названных выше племен—и русских напали на сыланцев, а также на батулинцев, разграбили у них скот, перебили несколько десятков людей и с добычей направились обратно. Это было в июне 1639 г. Но в это же время в этих краях появился отряд енисейских казаков под командой сына боярского Парфена Ходырева, управлявшего тогда Якутским острогом. Ходырев, подобно Копылову, объясачивал якутов бассейна Алдана, громя и избивая непокорных. Сыланцы и батулинцы принесли ему жалобу на произведенный у них томскими казаками и якутами-накарцами погром и просили защиты. Парфен Ходырев немедленно погнался вместе со своим отрядом и с присоединившимися сыланцами и батулинцами за нагруженными добычей победителями. Догнав их, он сначала обрушился на накарцев, перебив из них около 30 чел., отняв похищенный скот и их собственных коней и куяки (панцыри), а затем напал и на томских казаков, открыв по ним стрельбу, и принудил их к сдаче. Сдавшихся казаков Ходырев велел связать, избить палками и батогами и отобрал у них добычу, оружие и коней. Отнятую у похитителей добычу Ходырев, однако, не вернул пострадавшим якутам, а присвоил себе[9].

Этот интересный случай хорошо показывает, как завоеватели использовали межплеменную вражду местного населения для закрепления своей власти, а вместе с тем он показывает ожесточенную борьбу в среде самих завоевателей—борьбу за право грабежа туземцев.

Слухи о богатой соболями новой «Ленской землице» далеко разнеслись по Сибири, и на Лену стало наезжать все больше и больше искателей легкой добычи. Тут были и казачьи отряды вроде того отряда томских казаков во главе с Копыловым, о котором мы сейчас рассказывали. Но еще больше было тут «торговых и промышленных людей», колониаль-

ных хищников, шнырявших по всей Сибири в поисках новых, еще не разграбленных богатств, новых, еще не разоренных туземных улусов. Эти хищники приплывали по Лене в Якутский острог, а отсюда расходились партиями под командой атаманов, десятников, или со своими выборными вожаками, прихватывая с собой толмачей, по якутским улусам—«для приску новых неясачных землиц». Отряды служилых людей собирали «на великого государя» с туземцев ясак, но еще больше занимались просто грабежом населения в свою пользу и производили при этом всякие насилия. «Промышленные» люди не уступали им в этом. Те и другие пробирались все дальше в глубь Якутской земли, на Амгу и Алдан, на Вилюй. При первом натиске завоевателей, в 1631—1633 гг., грабежи и погромы почти не коснулись этих областей, и поэтому они не были вовлечены в восстание 1634 г. Теперь, к концу 1630-х годов и восточные якутские племена, и алданские тунгусы, и население Вилюя—все хорошо познакомились с ясачными вымогательствами и грабежами русских служилых и промышленных людей. В результате здесь повторилась попытка вооруженного отпора завоеванию.

В конце 1639 г. среди алданских якутов и тунгусов вспыхнуло восстание. В нем участвовали якутские племена: одайцы, бахсинцы, коринцы и др., «сослався с ламскими и майскими тунгусы». План восстания состоял в одновременном нападении на русские отряды: «совет де у них был впредь побивать русских людей, и люди де у них розвычены были, кому ково именем промышленных людей побивать было: коринцы де говорили, мы де убьем Титка с кораваном, а бахсинцы де хотели убить Иевка с кораваном, а сылана (сыланцы) де хотели убить Онтонка да Батрака с товарищи». Восставшие сделали себе укрепление—«острожек». План восстания удалось осуществить только частично: было истреблено несколько русских отрядов, убиты 4 казака, 22 промышленных человека. Широких размеров восстание не приняло. Но в нем интересно отметить две характерных черты. Во-первых, на этот раз якуты выступали совместно с тунгусами. Общая беда—казачьи грабежи—заставила объединиться эти часто враждовавшие между собой племена. Во-вторых, в восстании наряду с некоторыми тойонами (князец Одей) играли активную, а, быть может, и руководящую роль представители низов: таким был, например, один из активных участников восстания, якут Оилга, принадлежавший к улусной бедноте: он был бесскотный «балыхсыт» (рыболов).

С другой стороны, восстание 1639 г. не удалось отчасти потому, что другие племена, и особенно их тойоны, не поддержали его. Накарские князцы Ал и Барбулак, сын алданского князца Давани Сеган, выступали в роли русских шпионов, извещая казаков о действиях мятежников[10].

Однако это движение нашло широкий отклик в других районах. Нападения на царских угнетателей участились. Русские промышленники нигде не чувствовали себя в безопасности. Они жаловались правительству, что их якуты и тунгусы «побивают по вся годы»: «сверху по Лене шамагиры (тунгусы) родом своим побили 44 человека, а вниз по Лене реке побили в прошлом 148 г. (1639/40) 26 человек, а в нынешнем во 149 г. (1640/41) на Алдане побили 15 человек и зимовье совсем до основания разорили, а на Вилюе в 3 годы побили 64 человека, а в нынешнем во 149 г. на Вилюе убили 7 человек, а иных пограбили многих промышленных людей, а ныне промышленные люди в зимовье в осаде сидели [11]».

Еще раньше этих последних событий царское правительство убедилось в том, что если дальше будет продолжаться хозяйничанье в Якутской земле самостоятельных взаимно враждовавших казачьих и промышленных банд, которые грабили и озлобляли население, то край будет разорен без всякой выгоды для царской казны. Выход был найден в организации самостоятельного особого Якутского воеводства, непосредственно подчиненного Москве. Эта мера должна была заменить анархию централизованной и планомерной эксплоатацией туземцев.

В 1638 г. в Якутск были назначены воеводы Петр Головин и Матвей Глебов. Им был дан наказ — велено набрать из сибирских городов 395 казаков и стрельцов и итти со снаряжением и запасами на Лену. Воеводы отправились с огромным караваном и прибыли в Якутск только через 3 года — в сентябре 1641 г. Для якутов началась новая полоса, новые формы гнета. Они почувствовали это очень скоро и отнюдь не в смысле облегчения.

Новый управитель Якутского края, первый якутский воевода Петр Головин, скоро показал себя. Это был человек, даже в той среде беспощадных завоевателей выделявшийся своей исключительной свирепостью, зверской жестокостью.

Он сильно повысил ясачное обложение якутов: «ясак большой и свои поминки перед прошлыми годами мало не в четверо прибавил», писали в своей жалобе на него русские

жители Якутского острога. Сбор ясака он сопровождал насилиями и издевательствами над якутами: «многую налогу и тесноту делал, кнутьем бил...; а как приезжали якуты с ясаком, князцей и улусных людей на морозе морил, а государев ясак имал за правежем, а давал им якутом корму гнилую рыбу»[12].

При этом Головин изменил самую систему ясачного обложения. До этого ясаком облагались чаще целые роды, и ясак вносился князцом за весь его род и даже за все племя. Так например Иван Галкин сообщал, что на 1634/35 г. он собрал ясака «с тех кангаласских лутчих князцов с того князца Еюка да с отца его с Ники 100 соболей, да с Тынининых детей со князцов с Бозока да с Откурая с братьею 70 соболей, да 2 шубы собольи, да с верху Лёны реки с кангаласских же князцов со князца с Бойдоя 86 соболей, со князца Мондугея 2 шубы собольи да лисица красная, ... да с нерептеев со князца Кызылтая 20 соболей, да с Амги реки с катулинского князца Очея, да с детей его Каптака да с Намнака 72 соболи, да шуба соболья, да с Таты реки с якутцких лутчих князцов с накорей со князца Огуя 30 соболей, со князца Юрги 30 соболей...», и т. д.[13] Князцы уплачивали ясак за весь род, собирая этот ясак со своих улусных людей. Так как при этом сами они не упускали случая поживиться частью добычи (ибо кто мог их контролировать?), то этим отчасти объясняется, почему большинство тойонов сразу же и охотно подчинилось русским.

Но теперь воевода Головин предпринял переход к индивидуальному, поголовному обложению якутов ясаком. Он начал с того, что ясак, вносившийся тойонами за весь улус, стал записывать индивидуально за этими тойонами. «А которые якутские князцы и улусные лутчие якуты ваш, великих государей, ясак и поминки со всего роду приносили,—так писали по этому поводу впоследствии якутские тойоны,—по 100 соболей и по 50 и по 40 и меньше, и он Петр Петрович (Головин) тот ваш, великих государей, ясак и поминки *на тех якутов на одних в их оклад писал, а не на весь род*»[14].

Но, переходя на индивидуальное обложение ясаком, надо было установить какой-то принцип для определения размеров ясачных окладов. Якуты не представляли собой однородной массы, среди них были богатые и бедные. Брать ясак со всех поровну было и трудно и невыгодно. И вот Головин предписывает произвести всеобщую перепись населения якутских улусов, и притом перепись поимущественную,

с учетом количества скота и рабов у каждого князца и улусного человека. В феврале 1642 г. Головин рассылает по якутским волостям служилых людей с наказами переписывать всех «якутов подростков и захребетников», которые «государю ясаку с себя преже сего не давывали». «И то ему Осипу (Галкину, начальнику одной из таких партий служилых людей) сыскивать и розпрашивать накрепко, всякими мерами, сколько у кого у ясачных людей коров и кобыл и коней и боканов (рабов)». В этой поголовной и поимущественной переписи служилым людям должны были помогать сами князцы. «И он бы Мымак (Намский тойон),—требовал воевода,—государю послужил, ныне б ехал по всему своему улусу с ним Осипом», и всех неплатящих ясак «ему Осипу и целовальнику Юшке указывал, и скот у которого якута и захребетника и у подростка скота лошадей и кобыл и коров, и он бы то все сказывал ему Осипу и целовальнику»[15].

Словом, Головин наметил введение организованного обложения ясаком с учетом всех возможностей местного населения, всех его ресурсов, и так как он знал, что у якутов главное имущество—скот, то он и приказал произвести прежде всего перепись скота.

Для якутов эта мера была неслыханной и сильно их испугала. Особенно переполошились на первых порах сами тойоны. Они поняли это как покушение на свои права. Среди тойонов стали ходить слухи, будто воевода собирается истребить якутскую знать. «Теперь де пишут нас и скот наш,—говорил борогонский тойон Книга другим тойонам,—а нас де лутчих князцов хотят сажать в казенки, а иных де лутчих людей хотят к себе в холопи имать, а худых де якутов и старых и баб старых хотят убивать». «Скот де наш пишут,—говорил другой тойон, намский,—а нас де лутчих людей хотят ковать, чипей (цепей) де у них наковано бочка, и в казенку де нас хотят сажать, а скот де наш делить хотят по себе». «Скот де наш пишут,—говорил сам намский Мымак,—а нас де хотят в чипи ковать»[16].

Взволновалась и вся масса улусных якутов. Началась подготовка к новому вооруженному восстанию. Якуты хорошо понимали, насколько важно для успеха его добиться согласованности действий всех племен. Был составлен план восстания, согласно которому надлежало перебить одновременно в разных волостях посланные воеводой отряды казаков, а потом напасть на Якутский острог. От одного племени к другому разъезжали вестники и агитаторы, призывая примкнуть к восстанию. «Вы де Воина (Шахова, сына боярского)

убейте,—говорили бетунцы бояназейцам,—а письменного де голову Василия Пояркова убьют бетунцы, а Осипа де Галкина убьют вверху кангаласцы, а Остафья де Михалевского убьют на Амге»[17]. План нападения на Якутский острог и осады его был составлен так: «А сбирались де мы (говорил впоследствии один из участников восстания) в Намской улус войским, хотели острог взяти, и тоенов (воевод) и служилых людей всех побить; и говорили де мы, только де острогу взять не можем, и хотели делать острожки сверху и снизу и третей с горы, и из острогу никуда не выпущать, ни по сено, ни по дрова»[18]. Предполагалось также убить воеводу Головина, «большого тойона», которого якуты ненавидели и боялись больше всех русских, при помощи хитрости. «Пойдем де под острог,—советовал один из зачинщиков движения,—а ясаку де сберем, да пошлем с нарочитым боканом (с храбрым и преданным рабом), и велим де за рукав нож положить; и как де ясак станем давать, и в та де поры бокану велим заколоть тоена большого (Головина); а бокана де хотя и убьют, ино де его не жаль, бокан де не дорогой человек»[19]. Таким образом самое опасное поручение, связанное почти с верной гибелью, тойоны хотели дать одному из рабов, а сами держались позади.

Восстание началось по намеченному плану и вначале сопровождалось успехом. Было перебито несколько казачьих отрядов: в Кангаласской земле убили атамана Осипа Галкина с его отрядом, на Амге—Евстафья Михалевского, Алексея Гнутого и др., на Сите—Ивана Шахова. Это было в конце февраля 1642 г. Первый успех окрылил организаторов мятежа и они еще энергичнее начали втягивать в него другие племена. «На Сите де и в Борогонцах казаков убили,—говорил бордонский тойон кангаласскому,—везде завоевалась вся земля с русаками». «Везде де казаков побили,—так убеждали колеблющихся,—а вы де только не убьете, и вам де худо будет, на вас де будет войною вся земля, а вся де земля в совете казаков побивать»[20].

Таким образом первая часть плана была выполнена успешно. Но вторая часть—взятие Якутского острога—оказалась гораздо более трудной. В намеченное место сбора—в Намский улус, против Якутского острога — начали сходиться ополчения восставших племен. Первыми явились бетунцы, которые были самыми активными участниками движения; их ополчение пришло 2—3 марта 1642 г. 3 марта к вечеру подъехали кангаласцы, но их пришло немного. 5-го подошло войско мегинцев, более многочисленное. Пришли и одейцы,

но без своего тойона Сергуя. Намцы тоже участвовали в восстании, тем более, что именно на их территории собрались все силы мятежников. Всего вооруженных людей уже в самые первые дни собралось до 700, позже еще больше. Но более отдаленные племена не присылали своих ополчений, ограничившись нападениями на казачьи отряды в своих улусах. И из ближайших племен тоже далеко не все примкнули к движению. Ждали присоединения нюрюптейцев, но они так и не пришли. Оспеки сохранили верность русским. «И оспеки де все говорят добро,—так доносили воеводе его шпионы,—дурно ничего не думают, а говорят, мы де с якутами стоять не хотим на русаков». Не примкнули к движению и малягарцы. Повидимому, не участвовал в восстании и ряд других племен—игидейцы, емконцы, накарцы, сыланцы, чирюптейцы, ярканцы и пр.

Это пассивное и отрицательное отношение отдельных племен к восстанию было вызвано, очевидно, той старинной межплеменной рознью, которая и раньше ослабляла сопротивление якутов завоевателям. Уже одно это уменьшало надежды на успех восстания. Но еще более предрешило его неудачу то, что тойоны—военные вожди племен—сразу же обнаружили колебания и стали искать примирения с русскими.

Намский тойон Мымак, который был вождем еще первого восстания 1634 г., оказался со своим сыном Никой в центре движения; он и до начала восстания подстрекал других князцов на выступление. Но очутившись окруженным ополчениями союзных племен, он, видимо, помня неудачный опыт 1634 г., проявил нерешительность. Впрочем, Мымак сам был уже, повидимому, стар, и фактически главную роль играл его сын Ника. Настроения последнего хорошо показывает тот факт, что в тот день, когда стали подходить вооруженные силы мятежников, 3 марта, Ника посылает в город к воеводе своего раба с доносом. «Прислал де меня Ника Мымаков сын,—сказал раб,—а говорил де Ника добро все, а худа де Ника ничего не думает... А Ника де будет завтра в город». Таким образом «глава» восстания сразу же оказался предателем. Для восставших это, как видно, не было секретом, и они угрожали ему смертью. «А якуты де бетунцы говорят Нике: только де ты, Ника, поедешь к русакам, и мы де тебя убьем». «Только де вы с нами стоять на русаков не станете,—говорили они Нике и его отцу,—и мы де вас убьем». «Ты де собака,—кричали бетунцы тому же Нике,—казакам кони даешь жирны и с казаками де на нас стоишь». Намские тойоны

оказались, следовательно, не столько главарями, сколько пленниками восставших. «Сидели де они все в осаде с Мымаком от бетунцев да от кангаласов»,—говорили позже якуты. Чтобы воспрепятствовать сношениям своих тойонов с русскими, восставшие выставили караулы на дорогах в город. «Уехал де яз из Намского улуса одейскими дорогами,—заявил один приехавший в город перебежчик,—а по Намской де дороге ехать не смел, потому что де стоят караулы везде». Сидя в «осаде», Ника вместе с другими тойонами вел агитацию за прекращение восстания, уговаривал якутов расходиться по улусам, «розговаривал» их, как говорится в нашем источнике. Через несколько дней, однако, Нике удалось вырваться из этого плена, и 10 марта он явился в город и дал воеводе подробные показания.

Кангаласские тойоны Еюк Никин и сыновья Тыгына—Откурай, Бозеко и др., вели себя вначале более решительно. Это они перебили у себя в улусе казаков во главе с Осипом Галкиным и после этого повели свое войско в Намский улус для нападения на город. Но тут их воинственность сразу упала. Их испугало то, что борогонский тойон Логуй не присоединился к движению. «Только де Логуй не станет с ними стоять, и они де хотят назад ехать вскоре»,—говорили они. И, простояв у намцев всего 4—5 дней, 8 марта кангаласские тойоны увели назад свои дружины. Уже предчувствуя кровавое возмездие со стороны воеводы, тойоны совершенно упали духом. «И Откурай де плачет,—сообщалось о нем уже 18 марта,—и говорит: намутили де нам одейцы да намцы». Перетрусившие тойоны обратили свой гнев против зачинщиков мятежа: «Тыниненки (сыновья Тыгына) все теперь каются и говорят, погибли де мы все от Сергуя (одейского тойона, подстрекавшего к восстанию), только бы де его нам увидеть, и мы бы де его живого мясо съели». 18 марта тойон Еюк прислал в город свою жену, 21 марта приехал сам. 28 апреля Откурай тоже присылает свою жену, а 4 мая приезжает сам, и следом за ним, 9 мая, приезжают все остальные Тыгыновичи. Совершенно растерявшись, эти тойоны стараются переложить вину—убийство казаков—на других якутов и даже друг на друга: младшие сыновья Тыгына—Чабда и Этени—доказывают, что они «разговаривали свою братию» (старших братьев), не убивать казаков, но что те не послушались и убили их.

Одейский тойон Сергуй, хотя и агитировал вначале за восстание, но сам в нем не участвовал, и его улусные люди выступили в поход без него. Уже 14 марта он явился в Якут-

ский острог и заявил воеводе, что он не приезжал раньше лишь потому, что боялся восставших—бетунцев и кангаласов.

Мегинский тойон Оргуй почти с самого начала восстания стремился к примирению с русскими. Он посылал к воеводе заявить о своей покорности. «Скажи де ты тоену (воеводе),—говорил он посланному,—убили де Олешу Гнутово борогонцы Оюней да Оргузей, и будет де мне велит тоен, и я де приведу 10 лошадей и с куяками итти за ними». 14 марта он сам является в город, старается оправдаться в том, что не приехал раньше, и доказывает, что казаков «убили де глупые люди».

Роль борогонского тойона Логуя оказалась наиболее важной. Зачинщики восстания весьма рассчитывали на присоединение этого сильного и влиятельного тойона. Кангаласские князцы, как уже говорилось, только при этом условии соглашались продолжать участвовать в начатом деле. Но скоро выяснилось, что Логуй не склонен примкнуть к восставшим. Наиболее решительные из них—бетунцы—говорили поэтому: «Только де Логуй с нами не станет на русаков, мы де и Логуя убьем». Случилось, однако, так, что этого Логуя (неясно, каким образом) захватили и привезли в лагерь мятежников. Последние были обозлены его предательским поведением и хотели его убить. «Ты де, собака, станешь русакам кони давать, а русаки де нас опять станут громить по старому», — так говорили они Логую. Видимо, якуты очень хорошо понимали, какую помощь их тойоны оказывали завоевателям. Но и очутившись, против воли, в среде восставших, Логуй продолжал ту же предательскую политику: вместе с намскими тойонами он «разговаривал» мятежников, убеждал их прекратить сопротивление. 16 марта мы видим Логуя уже в городе, где он дает воеводе свои показания.

Даже бетунские князцы, наиболее стойко державшиеся, скоро капитулировали. 8 марта и они, видя всеобщее разложение в рядах восставших, отводят свои отряды домой. 14 марта они присылают к воеводе свою «улусную бабу» по имени Бычей для переговоров. «Прислали де меня бетунские князцы Ортуй да Чегунай, да Базарак,—сказала посланная,—и велели де говорить тоену (воеводе), будет де тоен добр, и он бы де к нам прислал якутов Юдуна шамана или Сыгынактака шамана». 18 марта Ортуй сам приезжает в город, 22 апреля приезжает Базарак. Последний старается свалить вину с себя на своих соплеменников, продолжающих

сопротивляться под руководством шамана Чимчи. «Живет де он Чимча с товарищи, сделали острожек, неподалеку от прежних своих юрт, и живут де тепере в острожке. А как де снег сойдет и те де убойцы Чимча с товарищи хотят бежать на Вилюй к неясачным тунгусам». Сын бетунского тойона Камыка, Акон, вскоре после этого тоже доказал делом свою преданность воеводе, поймав и конвоировав в город своего одноулусника Аканая, участвовавшего в убийствах, но тому удалось с дороги бежать.

Вот это-то предательское поведение тойонов вместе с межплеменной рознью больше всего и повлияло на неуспех этого, самого крупного из якутских восстаний. Прямые военные действия между якутами и русскими ограничились одной-двумя небольшими стычками, которые заметного урона якутам не причинили. Тем не менее якутское войско постепенно, как уже сказано, разошлось по домам. Якуты перешли к оборонительной тактике. Они, разошедшись по своим улусам, «собрався немногими родами, поделали в розных местах крепкие острожки»—укрепления — и засели в них. Тогда русские стали переходить в контрнаступление. Воевода послал отряд казаков во главе с Василием Поярковым на Амгу и Татту, и там казаки взяли 3 якутских острожка, «и многих изменников побили, а иные разбежалися»; однако по дороге обратно казаки с трудом отбились от бросившихся за ними в погоню якутов. После этого казаки с тем же Поярковым пошли против бетунцев и напали на большой, построенный их князцом Камыком «острожек», в котором сидело несколько сот якутов. Якуты, уже совершенно потерявшие мужество, не хотели оказывать сопротивления и выслали навстречу казакам парламентера с просьбой о пощаде, послав в дар Пояркову 50 соболей. Но Поярков «соболи у них взял, а в вине их якутов челобитья у них не принял и к городку их с служилыми людьми приступал и городок их якуцкой зжог». При этом было перебито и сгорело более 300 якутов с женами и детьми. Оставшиеся были захвачены в плен и привезены в Якутский острог. Казаки захватили скот и имущество мятежников.

Этот разгром Камыкова «острожка» окончательно демонализовал якутов, которые очень надеялись на неприступность подобных укреплений. «И говорили де у Бозека в юрте все лутчие якуты,—сообщали позже воеводе,—вот де у Камыка острожек сделан, и близко под городом, попытают де его имать русаки, и то де не отведают его имать. И как де к ним весть пришла, что взяли Камыка в острожке, и

стали де они боязны, острогу делать не стали и стали де жить врозь, инде юрта, инде две, инде скот, инде боканы».

В более отдаленных от Якутска районах восстание еще продолжалось. В устье Вилюя два местных якутских племени—тагусы и ковийцы, восставши, перебили высланный из Усть-Вилюйского зимовья отряд служилых людей и 16 марта приступили к самому зимовью. «И мы, государь,—писали позже русские служилые,—с ними дралися и сидели мы в зимовье в осаде 7 недель от них тагуских и ковийских многих якутцких людей». Хотя русский гарнизон зимовья был до крайности мал (в нем оставалось после гибели высланного отряда всего 5 человек), однако русским удалось отсидеться, и якуты так и не смогли взять укрепления.

Тем временем казаки разгромили еще два якутских острожка на р. Сите. Это было уже добиванием побежденного врага[21].

Началась свирепая расправа воеводы над мятежниками. Захваченных в плен якутов Головин «пытал и огнем жег и кнутом бил больше месяца, в три палача, без пощады». Положение якутов оказалось тем ужаснее, что воевода Головин помимо желания отомстить за попытку сопротивления стремился одновременно свести счеты со своими соперниками—другим воеводой Глебовым и дьяком Филатовым, с которыми он враждовал. От пленных якутов Головин добивался того, чтобы они оговорили Глебова и Филатова в их якобы подстрекательстве якутов к мятежу. Якуты, однако, едва ли понимали, чего от них требуют, и Головин стал свирепствовать еще более. «И Петр же Головин после того своего сыску тех якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека, а иных выбрав же лутчих людей бил кнутьем без пощады, и с того кнутья многие якуты померли, и тех мертвых Петр вешал же». «Да в том же изменном деле многие якуты с пыток и с холоду в тюрьмах померли... и Петр их якутов бил и морил голодом, чтоб они якуты измену и в убойстве говорили на них Матвея (Глебова) и Еуфимья (Филатова)»[22].

Террор воеводы Головина вызвал новую волну бегства якутов в отдаленные районы. Так, князец Бойдой со своими «родниками» в количестве около 200 чел. перекочевал в верховья Вилюя и скрывался там в горах вместе с присоединившимися к нему другими беглецами, якутами и тунгусами, несколько лет[23]. Но чаще люди бежали отдельными семьями.

С этого времени и в последующие годы ясачным сборщикам при объезде ими якутских улусов приходилось все чаще отмечать «сошлых» и «несыскных» якутов, о которых их соулусники говорили, что они «сошли в розные в дальние места», а куда именно, они «не ведают». Количество таких «сошлых» и «несыскных» доходило до половины всего населения улуса и даже выше.

Это обезлюдение коренных якутских улусов было результатом, конечно, не одних только военных погромов и казней, последовавших за восстанием 1642 г. Тут действовало и то, что вымогательства ясака после этого восстания не только не уменьшились, а даже увеличились. Если до воеводства Головина, например в 1633/34 г., Иваном Галкиным было собрано за год с Ленской земли ясака, поминков и десятинной пошлины всего 776 соболей, не считая лисиц, шуб и пр.[24], то при Головине в первый же год его управления одного ясака было собрано 9 665 соболей, а через 3 года, в 1644/45 г. ясака было собрано 11 531 соболь. Всего за первые 4 года воеводства Головина с Якутской земли было собрано и послано в Москву ясака и всяких иных сборов 102 131 соболь, не считая всякой другой пушнины[25].

Немудрено, что тем же ясачным сборщикам приходилось и позже на каждом шагу слышать жалобы якутов на то, что от чрезмерных вымогательств ясака при воеводе Головине они вынуждены были распродать последний свой скот и итти в рабство к своим более зажиточным соулусникам. Вот например в 1648 г. ясачные сборщики, переписывая плательщиков по Борогонской волости, отмечают некоего Метере Оргузеева, отец которого в 1642 г. был «за его измену повешен», а сам Метере платил за казненного отца ясак, «бояся Петра Головина, покупаючи на скот соболи покаместа было того скотишка, который от отца его остался»; когда же скот был весь распродан, Метере пошел в кабалу к сородичу: «ныне де у него Метере иного скота никакого нет, кормится де он у дяди своего Онюки Чюргулова, а иное кормится рыбою и сосною». По Батурусской волости те же ясачные сборщики записали группу бедняков, Ногуя, Камыка, Толому и др., с которых Головин требовал большой ясак, «а они де людишка все бедные, не скотные, и больше де того государевым ясаком промыслить не смогли. И в том же де во 153 (1644/45) году почали де они жить Ногуй Аймаков у Каяксыта Бадурова, Толома Бочюгуров у брата его Каяксытова у Толка Бадурова, Камык Туматов у Едейка Юргина *в холопех*»[26].

Таких бедняков, как этот Метере, как Ногуй, Толома и др., были тысячи. В ясачных росписях подобные факты встречаются на каждом шагу. Это означало, что система ясачного грабежа, введенная русскими завоевателями и особенно усилившаяся со времени первого якутского воеводы, приводила к обеднению, обнищанию широких масс якутского населения и тем самым к развитию кабальной зависимости бедняков, которые в связи с ясачным гнетом стали все больше и больше терять свою независимость и попадать в кабалу к тойонам.

Воевода своей политикой и прямо содействовал развитию этой кабалы. «А которые якуты бедны, и скота у них мало,— так писали в своей челобитной про Головина русские жители Якутска,—и ясаку за бедностью платить нечем, и у тех якутов (воевода Головин) *имал скот*, кони и коровы, *и отдавал тех же улусов князцом до выкупу*»[27]. Это, впрочем, была не личная политика Головина. Московское феодальное государство везде в завоеванных землях стремилось опереться на местную верхушку и поддерживало ее. Эта политика продолжалась в Якутии и при всех следующих воеводах.

Но воеводы поддерживали и укрепляли не только экономическое влияние якутских тойонов, но и их политическую роль. Завоеватели стремились опереться на этот господствующий класс якутского населения для того, чтобы самим укрепиться в завоеванной стране и удержать в покорности массы населения. Казалось бы, после восстания 1642 г., которое было подготовлено и начато самими тойонами, воевода не мог им доверять и опираться на них. Однако, как мы видели, большинство тойонов, особенно самые крупные, вскоре же после начала восстания, а некоторые и раньше, перешли на сторону русских и всячески содействовали срыву начавшегося движения. Воевода это учел и поспешил воспользоваться предательством тойонов, чтобы превратить их в своих агентов.

Сразу же после подавления восстания 1642 г. воевода передал намскому тойону Мымаку «печать государеву с тремя узлами» и поручил ему послать своего сына к бетунцам, чтобы убедить их вернуть захваченный ими во время восстания скот и самим вернуться на свои прежние места, с которых их прогнали казаки[28]. Воевода таким образом возлагал на Мымака полицейские права и обязанности, и притом даже по отношению не к его собственному, а к чужому племени; он знал, что Мымак пользуется авторитетом не

только среди своих намцев, но и среди других племен, и стремился использовать и поддержать этот авторитет. Что касается самих бетунцев, то тут воевода был в затруднении: их князцы были как раз самыми активными вождями восстания, можно ли было им доверять? Однако классовая политика московского правительства и тут возобладала: без тойона все же держать в подчинении бетунцев было нельзя. И вот Головин выбирает из бетунских тойонов одного, который, по его мнению, был более благонадежен, и ставит его во главе племени. «Апреля в 24 день Камыков брат большей Дергина отпущен (из плена) к себе в улус для того, что он Дергина *преже всех* из острожку (сделанного мятежниками) из осады вышел к письменному голове к Василию Пояркову, и для того, что у них тепере в улусе *не осталось нарочитого никого, бредут все врозь*. И велено ему Дергине собрать всех своего улуса людей вместе и жить на старом месте со всеми людьми без боязни». Воевода, конечно, не забыл, что Дергина все же участвовал в мятеже вместе с другими, и поэтому перед отправкой в улус он велел его «за то бить кнутом нещадно». Однако и высеченный тойон оставался в его глазах тойоном, и воевода без колебаний назначал его главой улуса[29].

Со времени восстания 1642 г. определился окончательный переход якутского тойонства на службу завоевателям. Эта служба состояла и в участии в сборе ясака и в полицейских функциях. Долго было бы перечислять многочисленные дошедшие до нас «изветы» (доносы), подававшиеся якутскими тойонами воеводе на своих соплеменников по поводу их побегов и других проступков. Тойоны оказывали русским в нужных случаях и военную помощь. Внук Мымака, сын Ники, тойон Нокто впоследствии (в 1675 г.) писал в своей челобитной царю, что «мой Нокточков отец, князец Ника Мымыков с братьями и с родниками своими и с улусными людьми тебе, великому государю, преж всех якутов твой государев ясак платили, а на иных непослушных якутов разных родов мой... отец князец Ника Мымаков с братьями и со всеми своими родниками и с улусными людьми вместе с служилыми людьми в походы ходили войною, и куяки и кони служилым людем давали..., а коней давали в один поход по 100 лошадей и по 150 и по штидесят (160)...»[30].

Но масса якутского населения вовсе не поддерживала своих тойонов в их стремлении выслужиться перед царской властью. Например, кангаласский тойон Еюк Никин сам заявлял (в 1646 г.), что «все якуты на него Еюка *сердиты*,

а говорят, пришел де Еюк всех прежде якутов в Якутский острог, а их де якутов он Еюк погубил»[31].

***

Подавление восстания 1642 г. можно считать окончательным покорением коренных якутских улусов. Одновременно с укреплением царского владычества над якутами, в конце 30-х и в 40-х годах XVII в., шло и распространение этого владычества на окраины теперешней Якутии, на север и восток. С 1636 по 1648 г. происходило завоевание якутского севера—бассейнов рек Анабары, Оленка, Яны, Индигирки и Колымы.

В 1636—1642 гг. казачий десятник Елисей Буза с отрядом служилых, а также промышленных людей плавал по низовьям Лены, по Оленку и по Яне, объясачивая живших там тунгусов и юкагиров; на Оленке и на Яне им были построены зимовья. На Яну и Индигирку ходил в 1630-х годах Иван Ребров с казаками. С янских и с индигирских юкагиров собирал ясак в 1638—1644 гг. Иван Эрастов. В 1642 г. под его командой казаки проникли еще дальше на восток, до Алазеи, и встретили здесь впервые жителей тундры—чукоч. В 1638—1639 гг. на Яне и Индигирке собирал ясак с туземцев Посник Иванов со своим отрядом. В 1641 г. из Якутска отправился на поиски новых землиц казак Михаил Стадухин. В 1644 г. он добрался до Колымы, основал здесь два зимовья и 2 года собирал ясак с туземцев. В 1648 г. казак Семен Дежнев со своими спутниками, плывя по морю из устья Колымы на восток, обогнул северо-восточную оконечность Азиатского материка, открыв пролив между Азией и Америкой и разрешив тем впервые крупнейшую географическую задачу, хотя его открытие долго после этого оставалось неизвестным.

Идя в другом направлении, на восток, русские достигли и берегов Тихого океана. В 1639 г. казак Иван Москвитин, посланный с Алдана известным уже нам атаманом Копыловым, дошел со своими спутниками до устья р. Охоты, впадающей в Охотское море, и объясачил живших там тунгусов.

Во всех этих «новых землицах» русские служилые люди ставили острожки и зимовья, захватывали «аманатов», держа их под крепким караулом в этих зимовьях и острожках, и этим самым заставляли местное население платить ясак. Правда, постройка этих укреплений, захват аманатов и

объясачивание населения еще далеко не означали полного покорения этих стран. Туземные племена еще долго и упорно сопротивлялись завоеванию, не раз и не два поднимая восстания, нападая на отряды казаков, иногда сжигая их укрепления и уводя своих аманатов.

Завоеватели первое время двигались исключительно по рекам и вдоль рек (реки—естественные дороги Якутии) и на их берегах ставили свои остроги и зимовья. В глубину тайги они вообще не проникали в силу бездорожья и в силу своей малочисленности; бродившие там охотничьи роды еще долго могли сохранять свою фактическую независимость. Однако завоевателям удалось к концу 40-х годов XVII в. создать прочные опорные базы по всему якутскому северу, дойдя до крайних северных и восточных пределов материка. За исключением Чукотки и Камчатки вся северо-восточная Азия к середине XVII в. была в основном завоевана царизмом.

Глава 5

ЯКУТЫ ПОД ЦАРСКОЙ ВЛАСТЬЮ В XVII в.

Порядок управления Якутским краем, установившийся при первом воеводе в 1640-х годах, продержался очень долго, до начала XVIII в., до эпохи Петра I. Политика, проводившаяся воеводой Головиным, политика беспощадной эксплоатации туземных масс, но одновременно поддержки местной знати,—эта политика также сохранялась и в дальнейшем. На плечи якутской улусной массы лег двойной гнет—ее эксплоатировали и русские власти и свои, якутские тойоны.

Главная цель завоевания Якутии царизмом состояла в стремлении получить колонию, богатую пушным сырьем. Естественно, что весь порядок управления завоеванной страной был целиком приспособлен к этой основной цели—добыть как можно больше «соболиной казны» или «мягкой рухляди», как еще называлась пушнина.

На якутов царские власти смотрели в XVII в. прежде всего как на «ясачных людей», плательщиков ясака. Ясаком, как мы уже знаем, называлась дань, уплачивавшаяся натурой, обычно соболиными или лисьими мехами. Вначале завоеватели брали ясак с князцов за целые роды и племена, но со времени воеводы Головина перешли на индивидуальное обложение, на ясачные «оклады». Как же устанавливались эти «оклады» ясака, каковы были их размеры, как собирался ясак, и что из этого получалось для якутского населения?

Определенного размера ясачного оклада для якутов не существовало. Тунгусы и другие племена, стоявшие на более низком уровне развития и не имевшие в своей среде резкого экономического расслоения, облагались ясаком обычно уравнительно: ясак платился ими с целого рода так, что с каждого лица (взрослого мужчины) приходилось по 3 или, в некоторых районах, по 5 соболей. У якутов уже шел процесс классового расслоения, и поэтому еще Головин пытался произвести поимущественную перепись якутского населения, и после него установился порядок обложения ясаком «по достаткам».

Конечно, это не было «пропорциональным» обложением, и бедняки платили в виде ясака несравненно бо́льшую часть своего валового дохода, чем тойоны; тем более, что последние умели нередко и свои ясачные оклады перекладывать на других. Однако считалось, что якуты платят ясак за то имущество—«скот и живот»,—которое им принадлежит. Поэтому, например, по смерти того или иного якута его ясачный оклад переходил на того, кому доставалось его наследство.

Поэтому и размеры ясачных окладов были самые разнообразные. Приведем только один пример. По Мегинской волости в 1671 г. один якут платил ясака 1 лисицу, другой—1 соболя, третий—5 соболей, четвертый—7 соболей, пятый—7 соболей и 1 лисицу и т. д.[1]

Самый сбор ясака производился двумя способами: нередко якуты, так же как и тунгусы и другие, сами привозили ясак в Якутский острог или в другие остроги и зимовья. Но наряду с этим был и другой способ: казаки объезжали время от времени якутские волости в качестве «ясачных сборщиков» и заставляли якутов тут же уплачивать ясак и «поминки», взыскивая за одно и «издо́нмку» за предыдущие годы.

Различие этих двух способов сбора ясака было не пустой формальностью, за каждым из них стояли определенные классовые интересы, и вокруг них шла постоянная борьба.

Воеводам было выгодно, чтобы якуты привозили ясак непосредственно в город и сдавали лично им. Воеводы требовали, чтобы якутские «князцы» и «лучшие якуты» приезжали в Якутский острог «к государеву милостивому слову». Приезжающих с ясаком якутов они угощали, «кормили государевыми запасы», дарили им блестящую мишуру—бисер и «одекуй» (бусы). Причина этого вполне понятна: при таком порядке воевода всегда имел возможность часть полученных соболей оставить себе.

С другой стороны, и для якутских тойо́нов этот способ уплаты ясака был наиболее выгодным. Каждый якут не мог везти в город свой ясак, так как это требовало поездки за несколько десятков, а то и сотен километров, и большинству, особенно бедноте, это было не под силу. Поэтому ясак привозился в город обычно тойонами—«князцами» и «лучшими улусными людьми»—за своих малоимущих сородичей и соулусников. Понятно, что тойонам очень легко было при этом часть соболиных шкурок приберегать для себя; улусная беднота никак не могла проверить, весь ли собранный в улусе тойоном ясак сдан им в городе воеводе. Неудивительно, что якутские тойоны дорожили своим правом самим

собирать и отвозить в город ясак. В 1660-х годах, например, тойоны в своей челобитной царю, желая угодить воеводе Голенищеву-Кутузову и расписывая всячески его к ним «доброту», писали, между прочим, что этот воевода «велит нам холопем твоим (ясак) платить самим в городе»[2].

Но в Якутский острог привозился ясак только из ближних улусов, расположенных на Амгинско-ленском нагорье и по левому берегу Лены. Здесь насчитывалось 35 якутских «волостей», т. е. племен и крупных родов; список этих волостей повторяется в одном и том же виде в ясачных книгах вплоть до начала XVIII в.: тут мы находим «волости»: Кангаласскую, Батурусскую, Нюрюптейскую, Мегинскую, Бетунскую, Намскую, Борогонскую, Атамайскую, Сыланскую, Емконскую, Накарскую, Успецкую, Батулинскую, Малягарскую, Одейскую, Игидейскую и ряд других. В более отдаленных местах русские завоеватели строили «острожки» и «зимовья», которые тоже служили прежде всего центрами сбора ясака. Таких укрепленных пунктов в разных местах Якутской земли было от 20 до 25. Часть их—Олекминский острожек, Янское верхнее зимовье, Вилюйское среднее и нижнее зимовья, Столбовское и Жиганское зимовья на нижней Лене—была построена среди якутского населения, остальные—Охотское, 2 Майских, 3 Индигирских, 3 Колымских и др. зимовья—были окружены тунгусско-ламутско-юкагирскими племенами и с них собирали ясак.

В этих зимовьях и острожках сидели посылавшиеся из Якутска отряды «служилых людей» во главе с «приказчиком», которым обычно был какой-нибудь казачий десятник или пятидесятник. В зимовье сидели и «аманаты»—заложники от местного населения, обычно родня местного «князца», старшины. Аманатов казаки должны были содержать «накрепко, с великим береженьем и в крепи, в железах (в цепях) и в казенке». Их кормили плохо, так как приказчики нередко присваивали себе отпускавшиеся им на «аманатский корм» средства. Аманаты часто умирали от болезней и дурных условий, иногда им удавалось бежать, но их стерегли строго. Когда сородичи аманата приносили ясак в зимовье, казаки «оказывали» им аманата, удостоверяя, что он жив.

Аманатство было чрезвычайно важным орудием выколачивания ясака из покоренного населения. В 1675 г. в 23 зимовьях Якутского края сидело всего 214 аманатов—заложников от тунгусских и юкагирских родов. В некоторых крупных зимовьях и острожках держали помногу аманатов:

в 3 Колымских зимовьях их было 25, в 3 Индигирских—40, а в одном Охотском—более 70 человек[3]. Почему так много? Потому что каждый аманат обеспечивал уплату ясака только своими сородичами, а мы знаем, что тунгусско-юкагирские племена распадались на большое количество мелких родов. Важность аманатства для царских властей объяснялась тем, что, во-первых, эти таежные охотничьи племена вели кочевой образ жизни и отыскать их в тайге для казаков было немыслимым делом, надо было заставить их самих прийти с ясаком. Во-вторых же, замирение этих племен было далеко не закончено, они то и дело возобновляли сопротивление завоевателям, отказывались платить ясак, нападали на казаков, и удержать их в покорности можно было, только захватывая заложников из их среды.

Но все это относится к тунгусско-ламутско-юкагирским охотничьим племенам. Совсем другое дело якуты. Якуты жили оседлым и полуоседлым бытом, сравнительно густо заселяя ближние к Якутску районы. Сверх того их покорение было завершено уже в 1642 г., при ликвидации известного нам восстания. Якутская знать окончательно перешла в этот момент на службу завоевателям и помогала удерживать население в покорности. Благодаря всему этому аманатство для якутов, как средство выколачивания ясака, очень скоро стало ненужным. Еще в 1640-х годах кое-где сидели якутские аманаты. В 1654 г. известен только один такой случай—в Усть-вилюйском зимовье сидел якутский аманат[4]. Позже аманатство для якутов фактически отменяется совсем: уже в упомянутом перечне зимовий 1675 г. ясно говорится, что якуты платят ясак «без аманатов». Тойоны привозили этот ясак сами.

Но был и другой способ сбора ясака, и как раз он применялся чаще в якутских улусах. Ясачные сборщики небольшими отрядами объезжали поселения якутов и брали с улусных людей ясак. Для воевод эти объезды имели ту невыгоду, что лишали их лишней наживы от якутов. Но за это воеводы вознаграждали себя тем, что брали «посулы», т. е. взятки, с казаков за разрешение ехать в улус за сбором ясака. Зато уж казаки, заплатив воеводе «посул», вели себя в якутских улусах как настоящие грабители, вымогая с якутов пушнину, скот и прочее имущество, притесняя и насильничая совершенно безнаказанно. Якуты пробовали жаловаться на эти грабительские наезды ясачных сборщиков, но эти жалобы, разумеется, не приводили ни к какому результату.

Вот как описывали сами якуты в одной из таких жалоб

разбойничьи действия казаков (жалоба относится уже к концу XVII в., но то, что в ней говорится, происходило и раньше—с первых же лет завоевания).

«С прошлого со 192 г.,—пишут якуты,—с приезду генерала и воеводы Матвея Кровкова, приезжают к нам холопем вашим в ясачные волости ясачные зборщики многолюдством, человек по 14 и по 15, и ездят в году по трижды и по четырежды. Да к нам же холопем вашим приезжают в волости служилые люди для выбою с ясаком в город, и по ярлыкам подъячие и денщики, нас, холопей ваших, и родников наших грабят и разоряют и берут на себя соболи и лисицы добрые, и скот и шубы наши якутцкие и санаяки и торбосы и малахаи и поясы бисерные и котлы и топоры и ножи и пешни и палмы и седла и узды. А у кого у нужных (бедных) людей в посул взять нечево, и у тех берут жен и дочерей и держат у себя в холопстве и блуд с ними творят. А как ясачным зборщиком приносим в ясак соболи и лисицы в волостях, и они ясачные зборщики тех соболей и лисиц в вашу великих государей казну в ясак не кладут, берут себе в посул, а ясак пишут на нас холопей ваших в доимку, и от того их грабежу мы холопи ваши разорились без остатка...». «Да якутцкие ж ясатчики берут с нас лошадми добрыми и рогатым скотом, а тот скот выбирают своими руками доброй жирной, а коров выбирают стельных, а не яловых. А у которых у нашей братьи у иноземцов скота малое число, и выбрать нечево, и которые скотины не жирны, и те быки и коровы сухие отдают нам сильно, а в то место выбирают себе жирные. А которые наша братья иноземцы скудные, и дать им ясатчиком нечево, и тех скудных они ясатчики бьют на правеже без милости, и связанных водят с собой из волости в волость, а ночною порою вяжут тем иноземцам назад руки, нагих, и заворотя руки вешают ко грядкам и стегают плетми. А как они ясатчики ездят по улусам, и тех битых иноземцов вяжут на аркан человеков по 10 друг за друга и за собою водят... А мучат нашу братью в улусах и разоряют не за государев ясак, за свою взятку, чтоб им выбрать воеводцкие посулы. А приезжают они ясачные зборщики в год по трижды по 14 и по 15 человек, и делят меж себя того грабленого скота по жеребьям, а на жеребей в делу достаетца на всякого человека по три скотины (?), а того у них делу бывает... трожды, в том числе прикащику 4 пая, подъячему и толмачу по 3 пая, служилым людям по паю»[5].

Не только для улусной якутской массы, но и для тойонов

такой метод сбора ясака был гораздо менее приемлемым, чем сдача ясака непосредственно в городе: тут ведь почти пропадала их посредническая роль в сборе и сдаче ясака и, значит, меньше была возможность наживы. Однако тойоны и здесь умели извлекать для себя выгоду. Воеводы, зная хорошо грабительские повадки своих подчиненных, «приказчиков», начали приставлять к ним во время их поездок по улусам за ясаком якутских «князцов» в качестве контролеров. Уже в наказе второму якутскому воеводе Василию Пушкину (1644 г.) ему предписывается за ясаком «посылать с служилыми людьми для береженья и для того, чтобы служилые люди не воровали, государевым ясаком не корыстовались, лутчих ясачных людей...» [6]. Позже эта политика привлечения тойонов к делу ясачного сбора стала проводиться еще более последовательно. В 1677 г. в Якутск был прислан царский указ следующего содержания: «Посылать для ясачного збору в якутцкие волости служилых людей перед прежним с убавкою, без сколких человек быть не можно, а с ними ясачными зборщики отпускати *князцем* вместо убавочных ясачных зборщиков для послушания ясачных якутов, сколько человек пригоже, поочередно, для збору и бережения, и велеть им с ясачными зборщики у ясачного збору быти вместе, чтоб ясачному збору недобору и ясачным зборщиком от ясачных людей, также и ясачным людем от ясачных зборщиков налог и обид никаких не было, и лишнего бы с них иноземцев не збирали и не переменяли...». И собранную мягкую рухлядь (ясак) «печатать ясачным зборщиком и князцом и лутчим людем своими печатьми, и отпускать за тою мягкою рухлядью с ясачными зборщики своих улусных выборных людей, чтоб тое мяхкую рухлядь ясачные зборщики не переменяли...»[7].

Но ведь достаточно было князцу и русскому «прикашику» сговориться между собой, и этот «контроль» со стороны князца превращался в полюбовный раздел добычи. Повидимому, это было очень частым явлением.

Для тойонов ясачное обложение имело и другие выгоды. Воевода нередко привлекал их в качестве поручителей в ясаке за своих малоимущих сородичей. А это означало настоящее закабаление тойоном тех, за кого он ручался. Бедняк якут часто не мог заплатить ясака. Тогда тойон-поручитель вносил за него, но уже после этого он держал в полной своей власти бедняка и мог его всячески эксплоатировать. Например, один такой случай известен из документа 1681 г., в котором кангаласский тойон Эрсюй жалуется на

одейца Ондеко, что он, Эрсюй, заплатил по поруке за Ондеко ясак, лисицу красную, а Ондеко должен был за это косить у Эрсюя сено, и, не скосивши сена, сбежал [8]. Воевода иногда сам помогал тойону в этом смысле. Мы уже рассказывали, что воевода Головин, например, поступал так: «которые якуты бедны и скота у них мало и ясаку за бедностью платить нечем, и у тех якутов (Головин) имал скот, кони и коровы, и отдавал тех же улусов князцам до выкупу»[9].

Если тойоны, таким образом, умели извлекать для себя пользу из ясачного обложения, то для рядовой улусной массы оно несло с собой разорение. Бедняки, особенно бесскотные, с трудом могли, а нередко и вовсе не могли промышлять соболей и лисиц в «государев ясак». На них год от году набирались «издоимки». Из Москвы время от времени присылались строгие указы воеводе—собрать всю «издоимку». Воевода тогда еще усиливал нажим, засаживал в тюрьму неплательщиков, вынуждал их распродавать последние пожитки. «А ныне, государь, бедные многие якуты,—писал по этому поводу воевода Голенищев-Кутузов в 1664 г.,—и на настоящие годы только платят в полы и в треть и в четверть против прежних платежев, потому что бедны и скота у них мало, а у иных и ничего нет. И я, холоп твой, тех якутов стращал, в тюрьму многих за то сажал, и у кого скотишко было, и они тот скот продавали и твой, великого государя, ясак платили не сполна» [10]. Трудно ярче выразить грабительскую сущность всей ясачной политики царизма, чем это сделал верный его слуга, воевода.

Впрочем, ясачное обложение было далеко не единственной бедой, обрушившейся на голову якутского населения. На него легли и разные повинности, прежде всего подводная. Разъезжая по улусам, казаки, подьячие и всякий служилый люд требовали от якутов «лошадей в подводы». Эта повинность очень тяготила якутов, особенно бедноту. Сохранилось много жалоб якутов на тяжесть подводной повинности, а также и на насилия казаков, которые иногда брали «в подводы» больше лошадей, чем полагалось, и иногда не возвращали их владельцам. Но порой вместо жалоб якуты отвечали на эти вымогательства казаков открытым сопротивлением. Тут уж, наоборот, казаки начинали подавать челобитные на тех, кто осмелился противиться их требованиям. Таких челобитных тоже сохранилось немало. Так например, в 1653 г. казак Терентьев жаловался на якута Толкоя, к которому он ездил «по лошадь в подводы служилому чело-

веку Дементию Дурову; и он... Толкой лошади в подводы не дал и бил меня холопа твоего кулаками по щекам неведомо за что...»[11]. В 1687 г. казак Годнев точно так же жаловался на батурусца Нирагая, который в ответ на требование подвод «учал меня холопа вашего бить и увечить и ножем махать и подводы мне холопу вашему не дал» [12].

Но что же говорить о насилиях и вымогательствах казаков—ясачных сборщиков, если сами воеводы, представители высшей власти в стране, которые, казалось бы, должны были следить за порядком и бороться с беззакониями, если сами они, почти все поголовно, были такими же грабителями и вымогателями. О первом воеводе, Головине, мы уже говорили: его воеводство было временем сплошного террора не только для якутов, которых он своими непомерными требованиями доводил до разорения, но и для многих русских, в особенности для тех, кто держал сторону его сотоварища и врага, воеводы Глебова. В результате доносов и жалоб царское правительство сменило Головина и в 1644 г. послало в Якутск новых воевод—Василия Пушкина и Кирилла Супонева, поручив им произвести «сыск» о преступлениях Головина. По приезде в Якутск, в 1646 г., Пушкину едва удалось справиться с Головиным, не желавшим признавать над собой никакой власти [13]. Но Пушкин и сам оказался немногим лучше своего предшественника, брал взятки и присваивал себе ясачные соболи, а якутов «бил батоги», выколачивая с них ясак[14]. О его действиях тоже был произведен сыск. Сменивший Пушкина воевода Дмитрий Францбеков (1649—1653 гг.) кончил тем же. Расследование обнаружило у него огромное, награбленное за время его воеводства, имущество: его «животы» были оценены на тогдашние деньги в 12 742 рубля 21 алтын 4 деньги, одних мехов было на 2 123 рубля [15]. После Францбекова воеводствовал Михаил Лодыженский (1653—1659 гг.), о злоупотреблениях которого писалось много доносов и жалоб: они с дьяком «чинили (якутам) налоги великие, имали с них посулы многие, денги и соболиную и всякую мягкую рухлядь», и т. д.[16] О грабительстве Лодыженского сохранилось огромное следственное дело, которое вел его преемник, князь Иван Голенищев-Кутузов. Но и последний (1659—1668 гг.), хотя благодаря своей политике особого покровительства якутским тойонам заслужил с их стороны много похвальных отзывов, однако тоже оказался казнокрадом и вымогателем. Он и его сыновья за время своего пребывания в Якутске успели награбить у якутов, как установило «сыскное дело»

1668 г., 596 соболей «добрых», много всякой другой пушнины, 709 голов разного скота и пр.; на самом деле он награбил, вероятно, еще больше, так как многие якуты, которых об этом спрашивали, из боязни не говорили о воеводских насилиях [17]. В этом покрывании воеводских хищений отчасти сказывалось, впрочем, и влияние тойонов, с которыми Голенищев-Кутузов всегда был в хороших отношениях. Из последующих воевод особенно выдавались своими жестокостями и вымогательствами Андрей Барнешлев (1675—1678 гг.), на которого якуты жаловались, что он «чинил им налоги и обиды и тесноты великие, имал насильством у них и соболи и скот и кони добрые и дочерей их девок и от живых мужей жен имал к себе в холопство и крестил» [18], Матвей Кровков (1684—1688 гг.), Петр Зиновьев (1688—1691 гг.), князь Иван Гагарин (1691—1695 гг.) и др. При двух последних воеводах в Якутске был специально присланный из Москвы для расследования их беззаконий «сыщик» Федор Качанов (впоследствии илимский воевода), который прямо писал в Москву, что в «ясачном недоборе» виноваты целиком сами воеводы, заботящиеся исключительно о самообогащении и разоряющие якутов своими вымогательствами [19]. По поводу этих расследований «сыщиком» воеводских злоупотреблений между ним и воеводой Гагариным разгорелась вражда, перешедшая в настоящие военные действия. Воевода со своими казаками подверг форменной осаде дом Качанова, у которого тоже была вооруженная сила—московские стрельцы. Он не выпускал Качанова и стрельцов из Якутска, велел изрубить снаряженный ими для отплытия дощаник и пр. Только с приездом в Якутск нового воеводы, Михаила Арсеньева (1695 г.), Качанову удалось вырваться из Якутска и привезти свой донос вместе со свидетелями-якутами в Москву [20].

Если даже в Московском государстве того времени, где произвол и злоупотребления администрации были вполне нормальным явлением, действия якутских воевод обращали на себя внимание, и почти все воеводы кончали свою карьеру судом, это значит, что в Якутске, даже по тогдашним понятиям, воеводские грабежи превосходили всякую меру. Причиной этого была прежде всего отдаленность края, куда ехать надо было по условиям того времени иногда 2—3 года, и где воевода чувствовал себя земным богом и мог, по крайней мере до поры до времени, совершенно не считаться ни с какими законами и ограничениями. Якутия же славилась тогда особым изобилием ценной пушнины, и туда

ехали в расчете как можно быстрее и как можно больше нажиться.

Не только царская эксплоатация угнетала якутов, тяжело доставалось им и от торговой деятельности русских купцов и тех же служилых людей. Купцы нахлынули в якутские улусы со своими товарами—железными изделиями, красивыми безделушками вроде бисера и «одекуя» (бус)—и всячески старались прельстить якутов этими новыми для них предметами. Блестящая мишура—бисер и т. п.—практичным якутам не особенно понравилась. Уже в 1647 г. воевода Пушкин сообщал в Москву, что якуты просят давать им «государево жалованье» за ясак не бисером, как это делала казна, а чем-нибудь другим: «а бисеру у них ясачных людей в твоих государевых подарках и от служилых и от торговых *поизполнилось, и делать им из него стало нечего*, и в иные иноземцы и меж себя походу у них на тот бисер нет же»[21]. Железо было им, конечно, нужно. Но и железо, и медь, и бисер продавались якутам по такой несообразно высокой цене, что и это не могло не вести к обеднению масс. Можно привести, например, такие цифры: в 1641 г. в Москву была прислана известным нам Петром Бекетовым «покупная рухлядь», которая была им «куплена» в Якутской земле в 1638/39 г.; эта «рухлядь» (пушнина) была оценена по «енисейской цене» в 1 247 рублей 5 алтын, дано же за нее якутам было деньгами 82 рубля 5 алтын 2 деньги да товаров—«меди зеленой в котлах и в тазах и олова в блюдах и в тарелах и бисеру белого»—на 28 рублей 31 алтын 4 деньги, всего, следовательно, на 111 рублей 3 алтына 4 деньги[22]. Таким образом на этой покупке была получена прибыль в 1 224%! Эта прибыль попала в казну. В других случаях она шла в частный карман. Такой выгодной «торговлей» стремились заняться не только торговые люди, но и казаки, которые попутно со сбором ясака, объезжая якутские волости, обычно торговали своими товарами, хотя царское правительство это и не одобряло, видя в этом ущерб своей собственной выгоде. Один из воевод Якутска, Приклонский, писал в Москву (в 1680-х годах), что при его предшественниках «ясачные сборщики, будучи в ясачных волостях, воровали, на малые свои и худые товары меняли и с ясачных людей имали лучших соболей и иного зверя на год сороков по 300 и больше, а вам великим государям в ясак имали сороков по 90»[23]. Это делалось часто прямо насильственным путем, так что такая «торговля» мало чем отличалась от самого простого грабежа.

Помимо всего этого, еще одно бедствие обрушилось на ту-

земцев,—бедствие, которое больше всего поразило охотничьи племена, тунгусов, юкагиров и пр., но в немалой степени и якутов. Это был захват и истощение пришлыми «промышленниками» их охотничьих, особенно соболиных угодий. В завоеванный Якутский край вместе с царскими служилыми людьми хлынули в еще гораздо большем числе «промышленные люди», искатели счастья, которые знали одну только цель в жизни—драгоценные собольи шкурки, и в погоне за ними не останавливались решительно ни перед чем. Среди них были и самостоятельные промышленники, были и «покрученники», наемные люди крупных торговых капиталистов, вроде богатого московского гостя Надея Светешникова. Но все они одинаково были хищниками, которые всего меньше заботились о сохранении пушных запасов тайги. Истребление соболя пошло неслыханными темпами. Русские промышленные люди уничтожали его в десятки раз больше, чем туземцы. Об этом дают понятие некоторые цифры. Так как казна собирала с русских промышленных людей так называемую «десятинную пошлину»—$^1/_{10}$ добытой пушнины, то по размерам «десятинного сбора» можно судить о количестве пушнины, добывавшейся промышленниками. Мы знаем, например, что за 4 года, 1641—1644 гг., в Якутском крае было получено в казну в виде «десятинного сбора» соболей на 57 192 рубля 15 алтын 2 деньги; это значит, что если даже промышленные люди ничего не утаили от казны, а заплатили $^1/_{10}$ своей добычи полностью, то и тогда они набили соболей больше чем на 570 тыс. тогдашних рублей, а по всей вероятности и еще больше. В ясак же за эти 4 года было собрано пушнины (вместе с «поминками» и «издоимкой» за прошлые годы) на 58 383 рубля[24]. А так как туземцы вынуждены были сдавать в ясак почти всю добываемую пушнину, то и получается, что русские промышленные люди за эти годы истребили в 10 раз больше соболей, чем туземцы!

Неудивительно, что Якутский край, ранее сказочно богатый драгоценной пушниной, очень скоро был истощен. Уже в 1649 г.—еще двух десятков лет не прошло со времени первого появления русских на Лене—мы читаем в царской грамоте, что на ближних к Якутскому городу реках торговые и промышленные люди всех соболей «опромышляли», и что якуты жалуются на то, что им теперь негде добывать ясак[25]. И в самом деле, нам известно много челобитий якутов о том, чтобы запретить русским промышлять на их угодьях. Но никакие запреты не могли помочь. Истощение

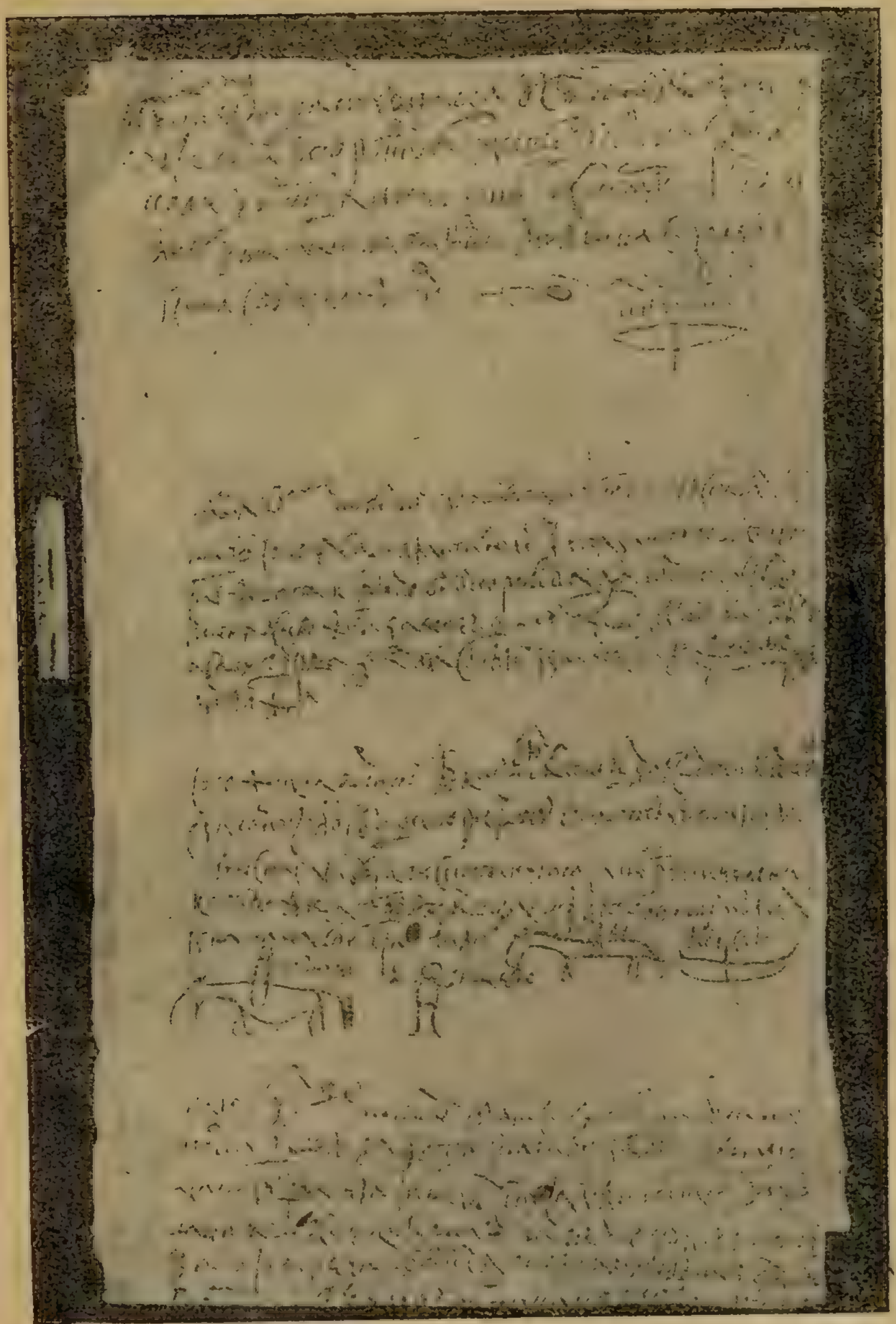
угодий хищническим промыслом шло все дальше. В 1675 г. якутский воевода доносил, что теперь уже и на дальних реках—в наиболее отдаленных районах—соболь истреблен: «ныне, государь, с *дальних заморских рек* промышленные люди все вышли в Якутской острог, потому что, государь, на тех реках соболиных промыслов не стало»[26].

Начиная с 80-х годов XVII в. якутам, да и тунгусам, в поисках соболя, приходилось забираться за тысячи километров, в Даурию, в бассейн реки Зеи. Сами якуты заявляли (в 1699 г.), что им «с сиденья в Якутском воеводы стольника Ивана Приклонского» (Приклонский был воеводой в 1681—1684 гг.) приходится ходить за соболем в Даурию: «и не токмо де они якуцкие улусные якуты и тунгусы ходят на Даурские покаты на Зию реку соболи промышлять, и Мангазейского де уезду с Нижней Тунгуски ходят тунгусы на те ж Даурские покаты на Зию реку промышлять соболей, для того, что по великой реке Лене и по Алдану, по Олекме и по Витиму, по Мае и по Юдоме, и по Тонторе и по иным сторонним рекам соболей и всякого зверя в промыслу стало малое число» [27].

Этим истощением охотничьих угодий наносился тяжелый удар тунгусам и другим охотничьим племенам: это подрывало самую основу их существования. Но и на якутах это истребление соболя отзывалось крайне тяжело. Добывать ясак становилось положительно негде, а воеводы требовали ясак с беспощадной настойчивостью.

Все это вместе взятое вело к неуклонному обеднению якутской массы. Сами русские власти это ясно видели, потому что ясак собирать становилось все труднее и труднее. «Сбираю я, холоп твой,—писал царю воевода Приклонский в 1682 г.,—в Якутском остроге твой, великого государя, ясак и поминки с ясачных якутов с великою нужею»; воевода указывал на то, что ему при всем старании удается собрать вместо окладов в 10—30 соболей всего по нескольку соболей, не больше десятка с человека. «И в том твоем, великого государя, недоплатном ясаке,—писал воевода,—те якуты стоят на правеже и в тюрьме сидят, потому что им за скудостью твоего, великого государя, ясаку и поминков платить нечем» [28].

И в самом деле, если подсчитать по сохранившимся ясачным книгам количество ясака, собранного с Якутской земли за отдельные годы, то мы увидим, что год от года шло падение его. Это видно из следующей небольшой таблицы [29]: (см. табл. на стр. 78).



Записи в документе XVII в. о невозможности собрать ясак с разорившихся якутов. Якутские «знамена» (рисунки-подписи)

Годы	Количество учтенных плательщиков ясака (якутов) в 35 волостях	На них ясака		На 1 плательщика	
		соболей	лисиц красных	соболей	лисиц красных
1655/6	3 236	8 186	1 872	2,53	0,56
1661/2	6 151	8 434	4 197	1,37	0,68
1680/1	7 584	7 215	5 035	0,95	0,66
1705	10 097	6 721	6 793	0,66	0,67

Таким образом за полстолетия, с 1655 по 1705 г., количество соболей, получаемых в ясак с 35 якутских волостей, упало с 8 186 до 6 721, и это несмотря на то, что количество объясаченных плательщиков увеличилось больше, чем втрое (с 3 236 до 10 097). Средний размер ясачного оклада упал еще более резко: в 1655 г. средний размер оклада составлял 2,53 соболя с 1 человека, а в 1705 г.—0,66 соболя. Вместо исчезающего соболя ясак стали платить менее ценной красной лисицей: за тот же промежуток времени количество лисьих шкурок, полученных в ясак, увеличилось с 1 872 штук в год до 6 793, но это далеко не покрыло убыли в соболях.

Это падение сбора ясака является прямым показателем обнищания массы якутского населения. Масса населения уже не находила пушнины для покрытия положенного на него оклада и не имела средств для приобретения ее на стороне. В результате за ясачным населением числилась все возраставшая недоимка, толкавшая разорявшихся улусных мужиков в кабальную зависимость как к русским служилым, торговым и промышленным людям, так и к своим тойонам и зажиточным общинникам.

Сами якуты, например, писали в одной из своих челобитных царю (60-е годы XVII в.): «А на которых на нашей братье якутах ваша, великих государей, ясачная доимка великая, и те якуты детей своих продают меж себя якутам и служилым людям»[30]. В другой челобитной того же времени говорится: «И многие из нас, сирот ваших, сбывая с себя за прошлые годы вашего, великих государей, ясаку и поминков доимку, обнищали и обедняли и в холопство по дворам иззапродались, и в конец погибли и разорились, что было скотишку, то испродали, и детей своих и жен и родников

служилым людям потому же иззапродали и иззакабалили в неокупные большие долги...»[31].

Сохранилась одна «закладная» от 1679 г., в которой бедняк-якут договаривается о займе у русского казака коня, кобылы и жеребенка, общей стоимостью в 21 рубль, и за это закладывает казаку «в работу» свою жену на 12 лет. «И ему Федору вольно тое мою... жену в те годы на сторону отдать и у себя держать»[32]. Продажа женщины в кабалу на 12 лет за 21 рубль—можно ли найти более ужасающий пример крайней нищеты, до которой доведена была якутская беднота?

Почти у каждого русского, подьячего, промышленника, уже не говоря о служилой и торговой верхушке русского населения, были в те годы якутские (и тунгусские) «ясыри», т. е. рабы. Ясырями первоначально назывались пленные туземцы, захваченные во время казачьих набегов и погромов туземных поселений в качестве военной добычи. Такие «погромные ясыри»—чаще всего женщины и подростки—становились рабами тех, кто их захватил, а потом они переходили из рук в руки: хозяева перепродавали их друг другу, менялись ими, закладывали и завещали, словом, смотрели на этих «ясырей», как на свою полную собственность. Таких «погромных ясырей» было очень много. Но скоро еще больше стало ясырей другого рода: *купленных* у самих туземцев их родственников, жен, детей и пр. Можно привести один пример. Сохранилась роспись «ясыря» 1640/41 г., где мы находим 132 имени туземных, главным образом якутских, ясырей, работавших у русских служилых, торговых и промышленных людей. О каждом из них говорится, каким образом ясырь приобретен. Из этих 132 человек о 80 нельзя сказать, как они стали рабами, так как о них известно только, что они куплены одними хозяевами у других; 17 человек—это ясыри, взятые «на погроме», т. е. пленные; 35 же ясырей, т. е. вдвое больше, были *куплены* от якутов. О них мы находим такие записи: «якутцкая женка именем Мундук... куплена из войска, а в войско ее продал одейский якут Бызыя»; «якуцкой парнек Дюнюк, купил у отца его у намского мужика у Сергуя»; «купил у мегинского якута Кисеня»; «купил у якута, у дяди его у Колчора»; «купил у брата ее у одейского якута у Носка»; «купил у дяди ее у Тыргена», и т. д. и т. д.[33]

Таким образом закабаление якутской бедноты у русских завоевателей стало массовым явлением. Но точно так же усилилось и закабаление якутской бедноты якутскими тойонами.

Отдельные факты этого рода не сохранились в документах, так как тойоны не нуждались в оформлении кабальных сделок русской властью. Но в общей форме якуты, как мы видели, сами заявляли, что бедняки среди них закабаляются и продают своих детей не только русским, но и «меж себя якутам».

Значит, обеднение и разорение массы бывших свободных общинников, «улусных мужиков», вело к их закабалению, к экономическому подчинению тойонам. Раньше тойоны, как мы знаем, эксплоатировали только своих рабов, которых притом было сравнительно немного, теперь они получали возможность эксплоатировать массу улусного населения.

Но и прежнее рабство не могло не изменяться под влиянием новых условий. Поскольку раб для тойона переставал быть единственным или даже главным объектом эксплоатации, тойон уже не имел основания так дорожить им, как раньше. А тут еще прибавилось новое обстоятельство, в свою очередь понижавшее экономическое значение рабского труда.

Дело в том, что воеводы стали облагать якутских рабов ясаком. Это началось еще при том же Петре Головине, который посылал казаков (в 1642 г.) переписывать у якутов не только скот, но и рабов («сколько у кого у ясачных людей коров и кобыл и коней и *боканов*»)[34]. Сотоварищ Головина, воевода Глебов, писал позже, что «в 50-м же (1642) году проведали мы... в улусах якуты многие живут в захребетниках *и холопи их*, а ясаку тебе, государю, не платят...»[35].

Но особенно строго начал требовать ясак с рабов воевода Лодыженский (1653—1659 гг.). Тойоны жаловались на него, что при нем «холопишек наших в домишках ни одного человека без ясачного платежу держать не велели, со всех холопишек наших по соболю и по лисице красной с человека имали»[36]. Следующий воевода, Голенищев-Кутузов (1659—1668 гг.), хотя вообще относился к тойонам с особенной внимательностью (тойоны в своих челобитных всячески его выхваливали), но и он требовал ясак с их рабов и даже несколько повысил обложение их, требуя в случае, если «кто не упромышляет... ясаку лисицы», замены ее деньгами в размере 1 рубля, тогда как раньше в таких случаях брали 60 коп. (20 алтын)[37]. Тойоны по этому поводу горько жаловались и просили хоть немного уменьшить ясак за их рабов, «чтоб нам, сиротам твоим, от больших окладов твоего, великого государя, ясаку и от прибавочных денег за лисицу, *оплачивая своих холопей*, вовсе не разориться и в конец не погинуть»[38]. Сам воевода в своей отписке царю под-

твердал правильность жалоб тойонов и признавал, что обложение их рабов ставит их в затруднительное положение: «И у многих, великий государь, якутов, которые бедны и бесскотны и лисиц промышлять им не на чем, а ныне живут у своей братьи у якутов же в холопех и *промышляют на хозяев соболи, а лисицы на себя промышлять не успевают*...» [39].

Словом, выходило так, что держать рабов становилось для тойонов менее выгодным, так как за них надо было платить ясак. Правда, платить приходилось обычно всего по 1 лисице, стоимостью в 1 рубль, в год за человека, и эксплоатация труда раба, вероятно, в большинстве случаев окупала этот расход. Но все же экономическая выгодность рабского труда уменьшалась.

Вместе с тем временное ослабление влияния тойонов в условиях колониального наступления царизма, было использовано рабами. Рабы немного подняли головы. Сами тойоны это скоро заметили и жаловались в своих челобитных воеводе: «...И они наши боканы нам *стали непослушны*, а говорят де они нам, что де *мы сами тоены*, потому что сами де мы государю ясак даем, и они де нас не слушают, и мы де тепере лутчие люди в Якутцком погибли» [40].

Тойоны, конечно, сильно преувеличивали и здесь и в жалобах на то, что они «вовсе разорились», платя ясак за своих рабов. Однако ясно, что тойонам действительно становилось все труднее так свободно и без всяких помех эксплоатировать своих рабов, как это они делали раньше. Учащались побеги рабов от своих хозяев. Воеводы, правда, в этих случаях становились большей частью на сторону их владельцев: когда тойон обращался в русский суд с жалобой на побег раба, то суд обычно возвращал беглеца прежнему хозяину. «Суд был с холопом,—читаем мы, например, судебную помету на одном из подобных исков о бежавшем рабе (1654 г.),—и холоп в холопстве вышился, и по тому ответу тот холоп отдан Ондрюшкину брату»[41]. «Суд был,—читаем в другом таком же деле,—ответчик в девке не запирался, и по тем речам девку у ответчика взять, отдать истцу»[42], и т. д. Иногда раба не только возвращали прежнему владельцу, но воевода приказывал жестоко наказывать раба за побег. Так, в 1680 г. по жалобе намского князца Бюкея Никина бежавшего от него раба Балтугура (который к тому же угнал у него скот) по приговору воеводы били кнутом, отрезали оба уха и вернули назад князцу[43]. В 1690 г. якут Булгуй за побег от своего хозяина был по приказу воеводы «бит батоги» [41], и т. д. Таким образом, царская админи-

страция вовсе не стремилась подрывать основы рабских отношений среди якутов. Она принципиально их поддерживала и даже расширяла, так как всей своей политикой приближала и положение свободного улусного населения к положению рабов.

Однако и тут ясачная политика приводила иногда к другому результату. Если беглецу удавалось доказать, что он может платить ясак сам за себя, воевода оставлял его на воле: ясак для русской администрации был важнее всего. Например, в 1654 г. иск тойона Делена о его беглом рабе Хорчо кончился не в его пользу. «Якут Хорчо сказал,—записано в судебном деле,—что отец его ясачной и он жил в балыксах (рыболовах), а ныне ясак *учнет платить*. И челобитчику в холопстве *отказано*» [45]. Таких случаев известно несколько.

В связи со всем этим тойоны начали иногда сами добровольно освобождать своих рабов, конечно, стараясь получить за это выкуп. Так в 1664 г. батулинец Селбуй соглашался отпустить на волю 8 своих рабов (которые, правда, от него сами бежали) с условием, чтобы они заплатили за него ясачную доимку в 57 соболей [46]. Были и другие подобные случаи.

Так, самая сущность тойонского хозяйства стала постепенно перестраиваться: элементы рабовладения все более сменялись в нем *феодальными* отношениями. Вместе с тем менялся и весь строй якутского общества.

* * *

Царская администрация еще более ускоряла эту перестройку тем, что наделяла тойонов новыми политическими правами, подчиняя им улусную массу в гораздо большей степени, чем она была подчинена им раньше.

В предыдущей главе уже рассказывалось о том, как воевода Головин сейчас же после подавления восстания якутов 1642 г. давал отдельным тойонам поручения полицейского характера. Такие поручения давались вначале от случая к случаю. Но позже, в 1680-х годах, воеводы начали проводить политику систематического наделения тойонов судебно-полицейскими полномочиями.

Собственно говоря, воеводы могли бы вовсе не вмешиваться во внутреннюю жизнь якутского населения. Ведь для них достаточно было обеспечить поступление ясака и не

допускать мятежа со стороны якутов. До вопросов внутреннего управления в якутских улусах воеводам было мало дела. Якуты, как и другие народы Сибири, не считались в XVII в. подданными царя, а считались покоренными племенами: их, например, не приводили к присяге новому царю. Другие сибирские народы и в самом деле очень долго жили вне всякого вмешательства царских властей в их внутренние дела.

Но с якутами получилось иначе. Мы уже знаем, что в якутских улусах еще до царского завоевания кипела социальная борьба. Неравномерное распределение собственности (скота и т. п.) создавало массу конфликтов как межродовых, так и внутри отдельных родов. Тойоны не имели уже авторитета родовых старшин,—они были только военачальниками,—и к ним не обращались их соулусники за разбором своих споров и тяжб. Последние обычно разрешались по способу «самосправы»: обиженный и потерпевший сам старался восстановить свои права, вернуть себе похищенное имущество и т. п.

Русские власти с первых же годов завоевания оказались втянутыми в разбор и решение этих споров и конфликтов. Якуты стали подавать русским многочисленные исковые челобитные друг на друга. Эти челобитные нахлынули в огромном количестве. До нас дошли далеко не все они, но и те, которые дошли, исчисляются тысячами. За отдельные годы XVII в. сохранилось по 100, по 200 и более якутских судебных дел (например, за 1644/45 г. их сохранилось 155 [47], за 1653/54 г.—215 [48], за 1665/66 г.—139 [49] и т. д.). Подавляющее большинство их (70—80%), как и следовало ожидать, касается похищения скота. Большинство исков было обращено не к одноулусникам, а к якутам чужих волостей. Однако сохранились и дела, возникавшие между якутами одной и той же волости (и даже между близкими сородичами); таких дел, говорящих о внутреннем разложении родоплеменных связей, можно насчитать в период 30—40-х годов XVII в. 13%, в 50-е годы 15%, в 60-е годы 19% и т. д. Что это означало? Это означало растущий распад родовых связей, обострение классовых противоречий среди якутского населения.

Все эти дела поступали в русский суд. Якуты обращались к воеводе с челобитными через головы своих тойонов, которые для них, очевидно, достаточного авторитета не имели. С другой стороны, и тойоны обращались к тому же воеводе, жалуясь на своих соулусников и друг на друга (в числе

судебных челобитных немало есть и тойонских). Какую же позицию заняла русская власть в этой социальной борьбе? На чью сторону она стала?

Она стала на сторону тойонов. Во многих судебных делах хорошо видно, как русский суд поддерживал тойонов и прижимал «улусных мужиков». За убийство или увечье бедняка с тойона строго не взыскивали, к искам же «князцов» суд обычно подходил более внимательно.

К участию в самом суде в качестве судей русская администрация тойонов сначала не привлекала. Это было отчасти, вероятно, потому, что воевода не хотел ни с кем делиться судебными доходами (с каждого судебного дела брали пошлину в размере 8 алтын 2 деньги, т. е. 25 коп.), отчасти же потому, что первое время воеводы еще не вполне доверяли «благонадежности» тойонов. Но к 1670-м годам положение изменилось. Преданность тойонов царю уже не вызывала никаких сомнений, а с другой стороны, многие судебные дела стали разбираться не в Якутске, а непосредственно на месте посылавшимися в улусы ясачными сборщиками, а им самим воеводы не очень-то доверяли. И вот тогда-то русская власть и начала систематически привлекать тойонов к судебно-полицейской деятельности.

Непосредственным толчком к этому послужили домогательства самих тойонов. В 1676—1677 гг. несколько крупнейших тойонов—«лутчие князцы» Мазары Бозеков (кангалласский), Нокто Никин (намский) и Трек Орсюкаев (мегинский) были в Москве и подали в Сибирском приказе обширную челобитную. В этой челобитной они, во-первых, жаловались на насилия и притеснения со стороны воевод Волконского и Барнешлева, а во-вторых, выставили ряд требований политического характера.

Эти требования чрезвычайно характерны сами по себе. Князцы добивались прежде всего передачи в их руки судебно-административной власти над улусным населением. Ссылаясь на вымогательства, чинимые ясачными сборщиками при разборе судебных дел, они просили, «чтоб великий государь пожаловал их, князцов..., не велел ясачным сборщикам якуцким служилым людем в улусах судить, *а судить бы их не в больших делах меж себя им князцам в своих волостях, а в иных волостях иным князцам*, чтоб им от ясачных сборщиков и от приставов в разоренье не быть» [50]. Мало того, князцы прямо требовали, чтобы их считали не ясачными людьми, а органами местной власти: «Да те ж князцы, Нокто Никин, Мазары Бозеков, Трек Орсюкаев бьют челом

великому государю, чтоб великий государь их пожаловал, велел их от своего государева ясаку *отставить*, и быть бы им *над родниками своими судьями* и по ясак волостных ясачных родников им наряжать и меж их *суд и расправа чинить* без градцкие волокиты (т. е. не ездя в город Якутск)» [51].

Царское правительство, разумеется, не могло пойти на удовлетворение столь далеко идущих требований. Однако оно согласилось значительно расширить судебно-политические права тойонов,—оно решило привлечь их к разбору и решению судебных дел якутского населения. 9 февраля 1677 г. по этой челобитной был издан царский указ. В этом указе якутскому воеводе, между прочим, предписывалось: из ближних улусов вызывать в Якутск ответчиков по судебным искам не через «посыльщиков»—служилых людей, а через самих князцов, а последних извещать о том через якутов же, «которые в то время прилучатца в Якуцком». Что же касается дальних улусов, то в них ясачным сборщикам разрешалось «иноземцов судить по их иноземскому челобитью не в больших истцовых делех»,—но не иначе как «вместе с их иноземскими князцы и с лутчими людми; а без их князцов и лутчих людей одиолично ясачным сборщиком и в малых делех не судить, чтоб им иноземцом от сборщиков, которые посылаютца, убытков и обид не было» [52].

Получив из Москвы соответствующую грамоту, якутский воевода Фома Бибиков, а в дальнейшем его преемники—стали руководиться установленным в ней порядком. Так например, в «наказной памяти» ясачному сборщику Леонтию Трифонову, посылавшемуся в якутские волости в 1682 г., воевода приказывал ему: «...А будет которые якуты учнут бить челом великому государю друг на друга в исках своих, ценою в 5 р., тебе в таких исках им якутам суд давать...», и тут же строго предписывал—«судить... *вместе с их иноземскими князцы и с лутчими людьми, а без них тебе... и в малых делах не судити*» [53]. Подобные предписания повторяются и в других позднейших наказных памятях [54].

Таким образом было твердо установлено участие местных тойонов в судебных разбирательствах дел якутского населения в улусах. Этот факт имел огромнейшее значение для дальнейшего развития якутского тойоната: ведь раньше, как мы знаем, тойоны не несли судебных функций. Это должно было в сильнейшей степени повысить их власть среди населения. Ясное дело, что это шло навстречу стремлениям самих тойонов. Челобитная 1677 года была не случайным фактом. Сохранилось и еще несколько челобитных от 80 и 90-х годов

XVII в., в которых тойоны сами просят присвоить им судебно-административные права над улусным населением, «Чтоб великие государи пожаловали его...,—пишет один тойон в 1685 г.,—велели ведать теми своими родниками и с ясаком к ясачному зимовью тех своих родников приводити и высылати...», и т. д. [55] По такой же челобитной кангаласского тойона Мазары Бозекова в 1680 г. воевода Приклонский писал: «...Да ему ж Мазаре по указу великого государя, где сведает воров, татей, убойцев, и ему тех воров, татей и убойцев имая присылать в Якутцкой к стольнику и воеводе И. В. Приклонскому с улусными людьми. А тем ворам указ в Якутцком будет. А которые улусные люди за ворами за татями по следу не поедут, и тех якутов присылать в Якутцкой. Да ему ж Мазаре высылать улусных людей своей волости на соболиный промысел по вся годы, у которых есть лошади, и опроче старых и увечных» [56].

Наделение тойонов судебно-административными правами весьма усиливало власть их над улусным населением, и тем самым ускоряло их развитие как класса феодалов.

К сожалению, мы очень мало знаем конкретного о деятельности якутских тойонов в своих улусах в эту эпоху. Мы знаем в большинстве случаев только их имена. По этим именам можно, по крайней мере, сделать тот вывод, что те «князцы», которые управляли в якутских волостях во второй половине XVII в., были прямыми потомками тех тойонов, которых застало русское завоевание. Никакого «истребления» старой якутской знати, о котором говорили некоторые историки, не было.

Так, в Намской волости власть в течение всего этого времени сохранялась в руках потомков знаменитого Мымака. До 1642 г. правил улусом сам Мымак, потом власть перешла к его старшему сыну Нике, который, верой и правдой служа царю, управлял своими соплеменниками до начала 1670-х годов, после чего его сменил его сын Нокто, умерший в 1677г., а с этого времени другой сын того же Ники, Бюкей, правивший до начала XVIII в. и считавшийся одним из влиятельнейших тойонов не только среди намцев, но и во всей Якутии.

В Кангаласской волости после гибели Тыгына остались его сыновья, которые, однако, не имели такой власти, как их могучий отец. На первом месте по влиянию и власти оказался племянник Тыгына, сын его родного брата Ники, Еюк. Однако и старшие сыновья Тыгына—Откурай и Бозеко*—

---

* Бозеко был казнен воеводой Головиным за «измену» в 1642 г.

именуются в документах «князцами» вплоть до 1640-х годов. В 1660-х годах мы встречаем в Кангаласской волости в качестве «князцов» одного из младших сыновей Тыгына, Ибаку, а также внука Тыгына, сына Откурая, Калгия. И наконец, с 1670-х годов и до начала XVIII в. главным «князцом» становится внук Тыгына от другого его сына, известный Мазары Бозеков, ревностный слуга царя, пользовавшийся большим авторитетом и у русской администрации.

В Борогонской волости знаменитый Логуй, сын Амыкая, по преданию соперник Тыгына, при приходе русских одним из первых безоговорочно перешел на их сторону, чем заслужил среди потомства нелестную память («Лёгёй—тойон продал нас русским»). Он долго еще жил и правил своим улусом, имя его встречается в документах до конца 1640-х годов. Позже, в 1660-х годах, мы находим в качестве главного князца борогонцев Логуева сына Торонея, который был убит своими противниками, мегинскими тойонами, в 1672 г. В дальнейшем, хотя потомство Торонея было довольно многочисленным, князцовская власть перешла к боковой ветви того же рода: князцом в 1680—1690-х годах был здесь внук родного брата Торонея, Чука Капчинов, сын Капчина Октова. В конце XVII в. князцами были здесь брат Чуки Тыкы и племянник их, Турчак Бочуков.

В Батурусской волости главную роль играл в эпоху завоевания Очей Табутаев из катылинского рода. Сын этого Очея, Немняк становится князцом в 1640-х годах и правит долго, до 80-х годов; в 90-х годах его сменяет его сын, Сетей Немняков; таким образом прямая нисходящая линия здесь не прерывается все время.

В Мегинской волости мы находим несколько знатных князцовских фамилий, члены которых наследственно правят своими соулусниками. Одна из этих фамилий восходила к тойону Киртею, которого сменил (в 1630-х годах) его сын Отека, потом племянник последнего Торе Орлов, далее брат Торе Декси, потом сын этого Декси Иделги, продолжительное правление которого захватывает два последние десятилетия XVII в. Другой была фамилия князца Бурухи, после которого управляли его сыновья Тотома, Оргузей, позже сын Тотомы Тоекой и т. д.

Точно так же в Нюрюптейской волости господствовал тойонский род князца Кирпнея, в Успецкой—князца Амура, и т. д.

Из того немногого, что известно о деятельности этих князцов, можно упомянуть еще об их настойчивых стремлениях

связаться, минуя местную воеводскую власть, непосредственно с Москвой. Князцы не один раз подавали челобитные воеводам с просьбой пропустить их «к Москве» для челобитья великому государю «о всяких своих нужах». Воеводы, вполне естественно, отказывали в этом тойонам. Однако иногда последним удавалось добиться отправки их в Москву. Так, в 1660 г. Намский тойон Ника Мымаков со своими братьями приехал в Москву и подал здесь челобитную от имени всех якутов 10 волостей с просьбой об уменьшении ясака и о том, чтобы за умерших его не взимать [57]. Далее, в 1676 г. воевода Барнешлев был вынужден «по указу великого государя» послать «к Москве» трех виднейших тойонов: намского Нокто Никина*, кангаласского Мазары Бозекова и мегинского Трека Орсюкаева, с их 6 «холопами» и с русским конвоем из казаков, выдав им даже «кормовое жалованье» на дорогу на 4 месяца (до Тобольска),—князцам по 10 денег на день на человека, а «холопам» «вполы», по 5 денег в день [58].

Приехав в Москву, тойоны подали уже известную нам челобитную, имевшую важные последствия в смысле расширения политических прав тойоната. Помимо этого, они добились еще ряда льгот. В частности, правительство разрешило отпускать князцов из Якутска в Москву в любое время, но не более как по два человека, и выдавать для этого подводы [59].

Этим правом уже через два года воспользовались несколько виднейших тойонов—тот же Мазары, борогонский Чука Капчинов и мегинский Чугун Бодоев, которые в 1679 г. прибыли в Москву. Главная цель их приезда на этот раз не вполне ясна: в поданной ими челобитной повторялась лишь прежняя просьба—не брать ясак за умерших [60]. Ради этого едва ли стоило вновь предпринимать столь далекое путешествие. Быть может, это было лишь предлогом для другого: тойоны привезли с собой, пользуясь предоставленным им правом, довольно большое количество ценной пушнины: одних соболиных шкурок было ими привезено почти 1½ тысячи (34 сорока 32 соболя), не считая всякой другой «мягкой рухляди». По их собственным словам, эту «мягкую рухлядь» с ними «послали многих волостей родники на покупку всяких нуж, на котлы и на топоры и на ножи и на одежу...» [61].—Проще говоря, князцы занялись торговым делом, используя свои политические права для выгодной продажи мехов на московском рынке. Какой процент тор-

---

* Нокто умер во время пребывания в Москве, 8 января 1677 г.

говой прибыли достался им от продажи порученных им их земляками соболей,—об этом можно лишь догадываться.

О других подобных поездках известий не сохранилось. Мы только знаем, что в 1695 г. Борогонскому тойону Турчаку Бочукову удалось пробраться «тайным обычаем» из Якутска в Москву (вместе с сыщиком Качановым) для жалобы на воеводу князя Гагарина [62].

Эти поездки достигали цели: правительство, отчасти под влиянием этих непосредственных тойонских обращений, давало тойонам ряд льгот и прав. Например, именно с поездкой тойонов в Москву в 1676 г. была связана та приводившаяся выше царская грамота (1677 г.), которая расширяла права тойонов по сбору ясака, привлекала их к участию в судебных разбирательствах.

Словом, тойоны не только старались дружить с ясачными сборщиками, не только умели поддерживать хорошие отношения с воеводами, но им удалось добиться прямой связи и с центральной властью в Москве, и через нее получать нужные им права и привилегии.

Глава 6

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В те же первые десятилетия после царского завоевания происходили и другие чрезвычайно важные изменения в якутской жизни, изменения, до поры до времени не очень заметные, но последствия их позже—в XVIII в.—оказали решающее влияние на весь ход истории якутского народа: это было развитие *частной земельной собственности.*

До царского завоевания земля у якутов в основном была общинной (родовой или племенной) собственностью. Охотничьи угодья—таежные соболиные промыслища—находились во всеобщем свободном пользовании или—те, которые были поближе,—считались владениями отдельных племен. При этом, например, правобережные якутские улусы старались не допускать на свои угодья якутов из улусов с левого берега Лены (об этом даже сохранились судебные челобитные). Рыболовные угодья—по озерам и рекам—были в пользовании отдельных родовых групп, но по мере разложения родовых связей рыболовные угодья начали переходить в семейное владение. Пастбищные угодья, где летом, а отчасти и зимой пасся скот, находились тоже в нераздельном пользовании всей общины. Всякий имел по обычаю право пасти свой скот на общих выгонах и лугах. Но, конечно, у кого больше было скота, тот больше всего и пользовался этими угодьями; значит, хотя формально пастбищные земли были общинной собственностью, но фактически они были главным образом в тойонском пользовании.

А как обстояло дело с сенокосными угодьями? Это вопрос наиболее интересный, но он недостаточно ясен. По-видимому, сенокосные угодья первоначально тоже находились в пользовании родовых групп. До русского завоевания якуты мало косили сено; сохранилось предание о том, что работали тогда костяными косами. Но уже тогда отдельные тойоны начали захватывать участки сенокосных земель в свое личное владение. Это видно из ряда судебных дел середины XVII в., в которых мы находим жалобы тойонов, а иногда и простых общинников на то, что такой-то якут

захватил «деда моего и отца моего сенные покосы» или «мои старинные вотчинные сенные покосы» и т. п. [1]; подобные выражения свидетельствуют о том, что наследственное право владения сенокосными землями складывалось уже до прихода русских.

Но после русского завоевания развитие частной земельной собственности у якутов пошло ускоренным темпом. Это произошло вследствие нескольких причин. Во-первых, русские служилые торговые и промышленные люди стали захватывать земли якутов под сенокосы для собственного скота. «...И чтобы великие государи их пожаловали, велели им около Якуцкого на сенные покосы и на скотный выпуск и на 3 островах под сенные же покосы земли дать, чтоб им скотишка своего с голоду не поморить...»,—так писали в своей челобитной в 1666 г. попы и служилые люди Якутска [2]. Отбирали землю у якутов и под пашню, так как правительство с самых же первых лет стало заботиться о том, чтобы завести пашню во вновь завоеванной стране. С этой целью на Лену переселяли «пашенных крестьян», которых заставляли пахать «десятинную пашню» (т. е. платить в казну $^1/_{10}$ своего урожая). Этих пашенных крестьян селили главным образом по течению Лены, больше всего их было около устья Олекмы и около Якутского острога. Якуты сильно страдали от того, что их земли захватывались русскими колонистами. В 1657 г., например, из Олекминска писали якутскому воеводе, что у «пашенных крестьян» с якутами «о сенных покосах без престани брань», «а олекминским якутом сенными покосы гораздо нужно, потому что место у них тесное... и пашенные де многих якутов сенными покосы потеснили» [3]. В 1661 г. сами олекминские якуты писали в своей жалобе-челобитной, что по царскому указу «посажены пашенные крестьяне по всему нашему лугу,... и наши сенные покосы и луги отведены пашенным крестьянам лутчие места. И мы, сироты твои, свое же сенные покосы у них покупаем, даем быками и коровами и собольми... да и того, государь, купить стало негде, да и нечем, что было, то все у нас пашенные перевели... А нам, сиротам, стало тесно, и юртишка где доведется поставить, и мы, сироты, у них же у пашенных купим место дорогою ценою...» [4].

Вот это-то отнятие земли у якутов, с одной стороны, содействовало общему упадку их хозяйства, а с другой стороны, ускоряло переход от общинной к частной земельной собственности. Раз земли становилось меньше, на всех ее не стало хватать, понятно, что отдельные хозяйства, особен-

но тойонские, стали стремиться закрепить в наследственное владение сенокосные угодья.

Другой причиной, вызывавшей переход к частной земельной собственности, была та массовая передвижка населения, которая была вызвана насилиями и вымогательствами царских властей. Отдельные семьи переселялись в чужие волости, роды дробились и расселялись, на родовых угодьях поселялись чужеродные семьи. Вот, например, какой случай находим мы в одном судебном деле (1668 г.): борогонский якут Чучугур Онюкеев, переселившийся в предыдущие годы из своей волости в район Олекминского острожка, бил челом на малягарского якута Одурея Изикеева, который тоже переселился в эти места, но позже. «В нынешнем... в 176 г. (1668 г.) летом прикочевал он Одурей на мои, сироты твоего, жилища, и сенные мои покосы скотом своим потравил, а достальные мои сенные покосы покосил, и меня, сироту твоего, с тех моих жилищ насильством изгнал. А я, сирота твой, на тех своих жилищах жил 13 лет до его изгони, не съезжая»; далее в челобитной говорится, что Одурей обещал заплатить за потраву покосов жеребенка или 3 соболей и не платит. Таким образом мы видим здесь, что челобитчик считает данные земли своей собственностью по праву давности: он владеет ими уже 13 лет. Но он сам, очевидно, захватил эти земли, переселившись на Олекму со своей родины из Борогонской волости. Что касается Одурея, то тот, переселившись позже, уже не нашел свободных земель и захватил под пастбище и сенокос угодья, уже раньше освоенные Чучугуром. Возник конфликт. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что Одурей не отрицал прав Чучугура как первого, захватившего данную землю, но хотел выкупить у него эту землю соболями или жеребенком. Чучугур же рассматривал этот выкуп только как плату за потраву сена, а землю уступать не собирался, заявив по этому поводу, что «земля великого государя, как де мне те сенные покосы продавать?» Тем самым Чучугур сам признал, что земля в сущности общинная («земля великого государя»—так в XVII в. говорили крестьяне о земле, находившейся в их общинном пользовании). Тут ясно видно, как эта общинная земля, в результате передвижки населения, переходила в частные руки[5].

Вот еще один случай, который показывает еще более ясно, как происходило превращение общинно-родовой земельной собственности в частно-семейную.

В 1698 г. меитский якут (около того же Олекминска) Сергуней Теткуев подал жалобу на борогонца Сабуя Онде-

кова: «Продал он Сабуй сенные мои покосы по речке Сунтаре, а назвище тем моим покосам по-якутски Кулуттай да Емник да Тюбе да Кордюгес да Ой да Амаксик Колей, и с иными посторонними покосами, Малягарской волости якуту Огонпуку Одюрееву, а сам он Сабуй сбежал, неведомо куды». Судя по этой челобитной, дело как будто идет о настоящей частной земельной собственности. Однако показания свидетелей осветили это дело с другой стороны. Свидетели—более 26 человек—заявили: «На сенных де покосах, назвищем Кулуттай... (и другие), жили преж Менцкой волости якута Сергуя (Сергунея) отец его и родники (значит, это был родовой участок!) и сошли вверх по иным речкам. И после мейтских якутов пришли из Якутского и жили Борогонской волости якуты Ондек Онюкеев с родниками». Значит, на опустевшей земле поселилась опять-таки родовая группа, но уже пришлая. Но один из этой группы, видимо, ее главарь (после смерти своего отца Ондека?) Сабуй, начинает распоряжаться занятой землей, как своей личной собственностью, и продает ее третьему лицу, притом принадлежащему к чужому, Малягарскому племени. Тогда возвращаются первые владельцы, и один из них—Сергуней—требует возвращения своей прежней земли. Русский суд стал на его сторону и определил: покосами владеть «по прежнему владенью отца его челобитчикова ему челобитчику». Тогда последний старается закрепить землю в свою личную собственность и просит суд выдать ему «данную» на эту землю. «Данная» Сергунею действительно была выдана 16 июля 1701 г.; эта «данная», вместе со всем делом, до нас дошла (она является самым ранним из известных документов этого рода), и в ней написано, что «по розыскному вершеному делу, сенными покосы по урочищам, которые написаны в сей данной выше сего, Сергунею Теткуеву владеть велели, и для владенья ему Сергунею ся данная дана, и пошлины великого государя... с него взяты»[6].

Мы видим, таким образом, что русская власть сама непосредственно содействовала укреплению частной земельной собственности и тем самым ускоряла разложение древнего общинного землевладения.

В первую очередь от этого выиграли тойоны. У нас имеется множество фактов, говорящих о том, что именно тойоны больше всего и захватывали земли. Самое раннее упоминание о частной земельной собственности (1654 г.) относится к двум мегинским тойонам, Нокочо Чермокову и Девуни Онкудееву, поспорившим о праве владения одним сено-

косным участком. Оба тойона одновременно послали на спорную землю своих рабов с косами, и рабы между собой подрались. Нокочо по этому поводу жаловался на рабов Девуни (Домолто, Енекая и Чудара), что они 23 июля 1654 г. «отняли у меня... 4 луга сенных покосов. Да они ж Домолто с товарищи били у меня... холопа моего Курдюгеся и пальмами его в 3 местах голову просекли и правую руку прокололи. А те, государь, луги мои, а кошу на тех лугах лет с 10». Но тойон Девуни подал встречный иск, утверждая, что, напротив, рабы Нокочо «били и увечили» его, Девуниных, рабов, толкали их на огонь и причинили им ожоги, «отнимаючи насильством отца моего Онкудея да дяди моего Орла сенные покосы неведомо за что» [7]. Надо сказать, что Девуни принадлежал к знатному тойонскому роду князя Киртея, а Нокочо был тойоном средней руки.

Известно также о захвате земель членами другого тойонского рода Мегинской волости—князца Бурухи [8], также членами рода намского тойона Мымака [9], кангаласского—Тыгына [10], борогонского—Лёгёя [11] и многих других.

Захват тойонами земель в частную собственность был одним из крупных шагов по пути феодального развития.

Глава 7

БОРЬБА ЯКУТОВ ПРОТИВ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Восстание 1642 г. было последним широким массовым движением якутских племен, направленным против царского колониального гнета. Это восстание, как и более ранние движения, потерпело неудачу от двух основных причин: несогласованности действия отдельных племен из-за межплеменной розни, и от измены тойонов, которые перешли на сторону русских и тем дезорганизовали борьбу масс. В дальнейшем обе эти причины, особенно вторая, привели к тому, что нового широкого восстания против царизма якуты поднять уже не сумели. Переход тойонской знати на сторону завоевателей лишил якутский народ даже той слабой военной организации, которая состояла в ополчениях отдельных племен под командой военачальников-тойонов.

Однако, мы уже знаем (см. гл. 5), что царский ясачный и торгово-хищнический гнет в якутских улусах во второй половине XVII в. не ослабевал, а усиливался, и он не мог не усилить сопротивления якутских масс. Но это сопротивление после 1642 г. приняло иные формы: оно выражалось в многочисленных, очень частых, но мелких и разрозненных выступлениях отдельных родов, а еще чаще отдельных лиц против насилий и вымогательств царской администрации. Это была неорганизованная, но упорная борьба.

Отметим более крупные из этих выступлений.

Уже вскоре после разгрома восстания 1642 г., когда якутские беглецы укрылись в отдаленных местах, в 1644 г. стало известно о нападениях тунгусов и якутов на русских служилых людей; эти нападения, сопровождавшиеся убийствами, происходили на реках Вилюе, Яне, Витиме, на двух Мамах (северное Прибайкалье) и в других местах [1]. В 1652 г. якуты напали на казачий отряд Герасима Осколкова, везший с Колымы собранный ясак, и перебили всех казаков [2]. В 1654 г. было совершено нападение на Усть-вилюйское зимовье: «якуты Тукуй да Лапчанко шаман с родом своим 12 человек» напали на зимовье, «вломились» в него, осво-

бодили сидевшего там своего аманата и избили казаков. «Нас двоих связанных,—писал об этом казак Моисеев,—...били батыями (копьями) по рукам и по ногам больно и зубами по шее грызли». Однако вскоре Тукуй и его родня вновь покорились царю и дали нового аманата [3].

Еще более мелкие, но очень частые попытки сопротивления со стороны якутов были связаны с постоянными вымогательствами ясачных сборщиков, с вызовами якутов в город, с требованиями подвод и т. п. Приведем для примера несколько случаев. В 1648 г. казаки ездили в Малягарскую волость для вызова в суд якутов Тунуя и Ахтана Малдугаевых, но те оказали казакам вооруженное сопротивление: собравшись со своими сородичами «скопом с товарищи человек их с 40 и больше», они «приехали с ружьем (т. е. с оружием) с луками и с пальмами к юрте к сеням и учали служилых людей бить ослопьем» [4]. Такое же сопротивление было оказано в том же году казакам батурусскими якутами Чекой и Мазарой, которых они хотели взять в острог в аманаты [5]. И в том же 1648 г. казак Симон Головачев, который ездил за мегницем Оргузеем «для расправного дела», тоже наткнулся на сопротивление: Оргузей кинулся на казака с ножом, «и ево де Симанка хотел ножем ткнути в грудь... и у него де Симанка он Оргузейко изрезал ножем у левой руки передний перст» [6]. В 1654 г. казак Денис Иванов ездил вызывать в суд якута Мутука, но тот «от него Дениска отбился» [7]. В 1661 г. казаки ловили на нижнем Вилюе якутов, обвиненных в грабеже, и нашли их «в юртах у Тунуя, и оне под суд не дались, а тот Тунуй от нас их отбил» [8]. В 1665 г. Юрий Крыжановский ездил для вызова в суд борогонца Боркока, но тот по дороге заехал в юрты к своим друзьям и с ними вместе напал на своего конвойного: «меня, холопа вашего,—жаловался Крыжановский,—били и увечили, немного до смерти не убили, а он Боркок вашему, великих государей, указу учинился силен, со мною, холопем вашим, в Якутской острог не поехал» [9]. В 1673 г. таким же образом вызывавшиеся в город накарцы Кулуттай и Тогон «учинились сильны» и «отбились», не поехавши в Якутск с казаком[10]. В том же году такое же сопротивление было оказано казакам группой батулинцев, которые «учинились сильны» и в казаков «из лука стреляли», убив под одним из них коня[11]. Тогда же катырыцкие якуты Чирикан и Куттан, за которыми был послан подьячий Логин Титов, «учинились непослушны и в город не поехали и собрався с родниками своими... человек с 20, и меня, холопа твоего, связав за руку держали и

ограбили сагадак (налучье) с луком костяным и роженцом и стрелами да хлеб печеной...» [12] Подобных случаев можно было бы привести еще немалое число.

Из этих фактов видно, что якуты далеко не так покорно сносили вымогательства, насилия и издевательства служилых людей, как могло бы казаться. В приведенных случаях, правда, поводом для активного сопротивления служили не прямые вымогательства казаков, а вызовы якутов в город, в аманаты, в суд и пр. Но это только потому, что в этих-то случаях казаки сейчас же подавали жалобы воеводе, а из этих жалоб мы и узнаем суть дела, в тех же случаях, когда сопротивление якутов бывало вызвано обычными грабежами казаков, казаки, конечно, опасались сообщать об этом воеводе и, вероятно, старались расправиться с «бунтовщиками» при помощи собственных средств.

Расскажем отдельно о двух, сравнительно более крупных попытках вооруженного сопротивления якутов царской власти, хотя эти попытки были совершенно различны: это движение Балтуги Тимиреева 1675/76 г. и движение Орюкана Секуева 1684 г.

Балтуга Тимиреев, живший на Вилюе, был одним из мелких тойонов Яркайской волости*. Он стоял во главе рода и имел довольно крупное хозяйство: у него было около 100 кобыл с 6 жеребцами, 35 ездовых коней, около 100 голов рогатого скота. Он имел 5 сыновей и 1 дочь. Род его состоял из его ближних и дальних родственников; туда входили его женатые братья, один из которых, Байга, имел 2 жен и 2 сыновей и владел несколькими десятками голов скота, а другой брат—Мавра—был бездетным и имел тоже десятки голов скота; у него были 2 дяди, Далдуй и Быки, последний—с 5 взрослыми сыновьями, и все они имели по 1—3 десятка голов скота; к этому же роду примыкали и другие его родственники, а также и рабы и зависимые люди. Всего эта родовая группа насчитывала 70—80 одних взрослых мужчин, способных носить оружие. Стоя во главе этой группы, Балтуга мог чувствовать себя довольно независимым, и вот он-то и попытался оказать сопротивление русским властям.

---

* По происхождению, впрочем, Балтуга не был яркайцем, а принадлежал к Гурменскому роду, который, кажется, составлял самостоятельную группу. В ясачной книге 1648/49 г. имена Балтуги, его отца Тимирея Куреякова, братьев последнего Быки и Далдыя, самого Куреяка—деда Балтуги, и др.—числятся по Гурменской волости [12а]. Но в 1670-х годах Балтуга занимал влиятельное положение среди яркайцев.

Дело началось с того, что Балтуга осенью 1675 г. послал на соболиный промысел своих младших родственников— двоих братьев, троих сыновей и еще одного сородича. В тайге якуты встретились с русскими промышленниками, и у них дело дошло до ссоры. С обеих сторон были убитые. Когда об этом стало известно в Олекминском остроге, оттуда был послан к Балтуге небольшой отряд из казаков с участием нескольких местных тойонов. Казаки занялись грабежом и вымогательствами. Балтуга не покорился, и его сородичи, напав на казаков, одного закололи, а другой, просидев раненым в осаде в юрте 3 дня, едва спасся. Дело принимало серьезный оборот, Балтуга стал, по мнению русских властей, «изменником». Тогда уже из Якутска против него посылается отряд из 27 служилых людей и опять с участием якутской знати. Узнав о походе против него, Балтуга растерялся и не знал, что делать. Он прислал через постороннего якута ясак русским, обещал дать в аманаты своих младших сыновей. Но в то же время он готовился к отпору и собрал вокруг себя всех своих сородичей, к ним присоединилось и несколько тунгусов. Балтуга перешел на походный режим, стал колоть свой скот, за исключением лучших ездовых коней, кормить им своих сотоварищей и готовился уйти с ними вместе к тунгусам. Казакам Балтуга посылал сказать, что «он де всех побьет и учнет де драться до последнего робенка, а живым де он русским людям на дастся», и старался запугать их тем, что «у него де есть тунгусов много на отводе, и они де тунгусы русских людей всех побьют и якутов, которые с ними будут». (Надо сказать, что тунгусы в эти годы далеко еще не были приведены в покорность; этот воинственный народ не раз поднимал восстания и наводил страх своими набегами и на русских и на якутов.) Тем временем Балтуга сам готовился к обороне, делал засеки— заграждения из деревьев. Когда карательный отряд приблизился, к Балтуге были посланы якуты-парламентеры («разговорщики»), чтобы уговорить его сдаться. Посланные встретили «изменника Балтугу с родниками, человек с 70 и больше, с копьи и с луками, а иные в куяках (панцырях)... идет войною на русских людей встречу и хотят побить». От сдачи Балтуга отказался. На берегу Вилюя казаки нагнали войско Балтуги и вступили с ним в бой. Победа досталась русским; ими были взяты 9 пленных, 50 лошадей, 4 куяка и пр., однако Балтуга «ушел боем». Продолжая преследование, казаки напали на небольшой отряд товарищей Балтуги во главе с его братом, Маврой, и разбили его, захватив часть

в плен. 20 марта казакам наконец удалось вновь нагнать самого Балтугу и после ожесточенного боя взять его в плен. Разделавшись с «изменником», казаки забрали с собой его скот, а также и скот его сородичей и с трофеями вернулись в Якутск. Начался суд. Воевода Андрей Барнешлев долго вел сыск, допрашивал захваченных якутов, а также и казаков, подвергал жестоким пыткам пленных и приговорил главных виновников к наказанию: «бить кнутом на козле и в проводку», после чего они были выпущены на поруки якутской знати с обязательством жить поблизости от острога, на «Кангаласском лугу».

Так кончилась эта «измена», эта смелая, но совершенно безнадежная попытка защититься с оружием в руках от притеснений царских хищников. Эта попытка была безнадежной потому, что движение Балтуги было совершенно изолированно; из-за межплеменной розни оно не вышло за пределы маленькой Ярканской волости, а тойоны других волостей прямо помогали русским его подавлять. Обреченность движения Балтуги сказалась и в том, что оно носило чисто оборонительный характер и в сущности никаких положительных целей, положительной программы перед собой не ставило [13].

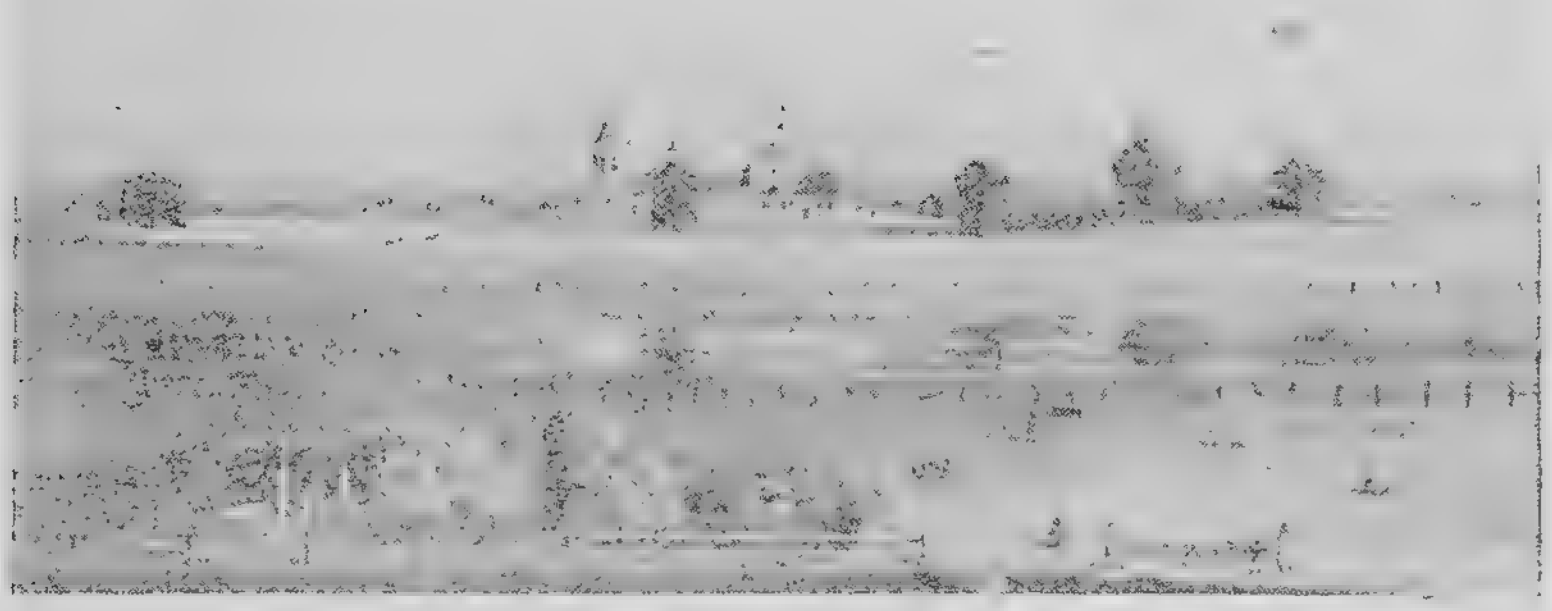
Совсем другой характер носило выступление батулинского тойона Орюкана Секуева. Орюкан, как и Балтуга, тоже был тойоном средней руки, стоял во главе одного из батулинских родов. Но он отличался необыкновенной драчливостью. Это был типичный представитель старой якутской военно-рабовладельческой знати, главное занятие свое видевшей в грабительских набегах на окружающее население. Имя этого Орюкана не раз встречается на разных документах в числе «лутчих людей» (тойонов) Батулинской волости. Но еще чаще его имя, начиная с 1660-х годов, попадается в разных жалобах-челобитных якутов той же Батулинской и других волостей. Больше всего жаловался на Орюкана другой батулинский же тойон, Кунней Тымкин. Между родом Орюкана и родом Куннея шла упорная многолетняя вражда. Оба рода поочередно нападали вооруженными отрядами на владения противной стороны и подавали воеводе друг на друга челобитные. «Да он же Орюкан с родники и с детми своими,—жаловался, например, Кунней в 1669 г.,—сенные наши прежние покосы отнимают и сенные покосы скотом своим травят и молока и сметану и рыбу из ям крадут и всякую обиду нам... тот Орюкан чинит с братьею и с родниками и с детми своими, и сенные стоги жгут, и рыб-

ные ловли пустошат и холопишек наших он Орюкан с товарищи своими обидят и всячески бьют... и иных сторонних якутов на нас холопей твоих приводят и научают скотишко красть наше. А бить челом тебе великому государю мы, холопи твои, на того Орюкана... не смеем, потому что людишка не семейные, и попротивиться нам холопем твоим с ним Орюканом с родники некем». Но Орюкан со своей стороны подавал такие же челобитные на Куннея, жалуясь, что «он Кунней всякие обиды и тесноты мне холопу твоему и сородичам моим и над скотишком нашим кражи многие наводит и грабеж чинит и впредь похваляется он Кунней на меня холопа твоего с теми братьями и сродичи своими смертным убойством» [14]. Оба тойона друг друга стоили. Но Кунней, на которого тоже не раз жаловались и якуты других волостей [15], по крайней мере к старости стал вести себя спокойнее; к русской же власти он всегда относился лойяльно и именовался в русских документах «князцом». Орюкан же с годами не уменьшал своей военно-грабительской деятельности и, мало того, стал держать себя вызывающе и с русской властью.

История подвигов Орюкана закончилась в 1684 г. кровавой трагедией. В этом году Орюкан с братом Дачиною и с родниками напал на игидейских якутов Тока и его родню, разграбил их скот, а потом оказал сопротивление посланному против них небольшому русскому отряду. Тогда воевода Кровков послал против «изменников» усиленный отряд, включив в него старых врагов Орюкана—«Куннея Тымкина и родников его, лутчих людей» [16]. Однако Орюкан со своей дружиной перехитрил своих врагов, напав на них ночью: «Маия де в 11 день тот Орюканко с братьями и с детми и с родниками, скопясь человек с 30..., лутчих людей Куннея Тымкина с братьями и с детми и с родниками, 9 человек мужеска пола да женска полу 5 человек, ночною порою закололи до смерти». Количество захваченных при этом трофеев показывает, что Кунней со своими родниками не даром именовались «лутчими людми»: мятежники захватили в полон 6 женщин, взяли 16 соболей, пожитки, «да они ж отогнали лошадей и кобыл с 300, да рогатого скота коров и быков прикололи 110 скотин». После этого Орюкан со своим отрядом обрушился еще на жителей третьей волости—Батурусской. Сын князца этой волости Сетей Немняков доносил, что «те ж де изменники Орюканко с родниками побили Батурусской волости якутов Ондрюшку Делвеева с товарищи 4 человек, да в полон взяли двух человек, и у иных

родников его Ондрюшкиных скот же пограбили и ушли на-Омокон реку в тунгусские жилища» [17].

Однако кончилась эта история для Орюкана плохо. Он стал для царской власти «вором и изменником», и воевода решил во чтобы то ни стало с ним покончить. Против Орюкана был послан крупный отряд Артемия Крупецкого, который догнал «изменника», разбил его и взял в плен вместе с 15 сообщниками. Пойманных «изменников» доставили в Якутск, где воевода Кровков, подвергнув их допросу и



Остатки Якутского острога, построенного в 1683/84 г. воеводой Приклонским (вид в полов. XIX в.)

пытке, велел четвертовать главных виновников—Орюкана, его племянника и его раба Куттака, несколько других были повешены [18].

Некоторые историки считают движение Орюкана классовым восстанием, направленным одновременно против царизма и против местной знати. Это совершенно неверно. Орюкан был сам тойоном старого закала, и он только потому оказался в конфликте с русской властью, что не признавал никаких сдержек в своей военно-разбойничьей деятельности. Смешивать это движение с борьбой якутских эксплоатируемых масс никак нельзя.

Сохранилось предание о том, что, за несколько лет до описанных только что событий, в 1681/82 г., происходило последнее восстание якутов. Это было движение кангаласцев под руководством Дженника, и в этом движении будто бы принимали участие некоторые русские казаки и ссыльные старообрядцы—угнетенные слои русского населения. Воевода, однако, разгромил это восстание, захватил и казнил его вожаков. Такие сведения мы находим в преданиях, но в документах о восстании 1681/82 г. ничего не упоминается, и о нем нельзя с уверенностью говорить.

Зато хорошо известно, что мысль о поголовном восстании и в эти годы и позже не исчезала из сознания якутов. Слишком тяжело становилось их положение. Ясачные сборщики чинили всяческие насилия, грабили и разоряли якутов, а жалобы воеводе не приносили никаких результатов. Воеводе Кровкову якуты (в 1680-х годах) прямо угрожали восстанием: «И в то время они иноземцы при многих русских людях перед приказом Матвею Кровкову говорили, что де они иноземцы с ними прикащики *впредь будут управляться собою*, и в острожках де и в зимовьях и на дорогах *будут побивать* их прикащиков и служилых людей для того, что де из города их иноземцев Матвей Кровков выслал, а суда им на тех людей не дал»[19]. Когда при воеводе князе Гагарине (1691—1695 гг.) насилия и грабежи служилых людей еще усилились, мысль о восстании стала еще более популярной: «И если де великие государи от воевод и от ясачных сборщиков и от толмачей и от подьячих не укажут их оборонить, и у них де иноземцев промеж собою положено: *самим всем пропасть и русских людей погубить*; и от того де Якуцкая страна разорится до основания»[20].

Почему эта мысль о восстании не переходила в дело? Из-за отсутствия организованности. Тойоны, предводители племен, давно уже были на стороне царской власти. Как раз в эти годы, когда забитые и ограбленные якутские массы приходили к мысли, что нужно «самим всем пропасть и русских людей погубить», знатнейшие якутские тойоны были заняты тем, что помогали усмирять восстание другого народа—ламутов; самые влиятельные князцы—Мазары Бозеков кангаласский и Чука Капчинов борогонский—ездили в 1693 г. вместе с казаками на Индигирку к «изменникам к ламуткам для уговору» [20а].

Смычка тойонов с русской администрацией стала настолько крепкой, что они даже отказывались жаловаться

воеводе на обиды, причиняемые их одноулусникам казаками. Вот один характерный случай.

В 1690 г. один якут кангаласец написал письмо своему тойону—Мазары Бозекову (это самое раннее из известных писем между якутами).

В этом письме говорится:

«Государю моему якутцкому князю Мазаре Мозюковичю Кангалаской волости якут Сюпсючко Тевелгин. Как тебя бог милует, а про меня изволишь спросить, и я на Усть-Олекмы марта в 1 день телесно здрав. Милости у тебя прошу,

Башня Якутского острога, сохранившаяся до настоящего времени

пожалуй, помоги моей нужде. Дошел до меня слух, ездя вилюйские ясачные зборщики Иван Крыженовский с товарищи взяли без меня в юртах моих 2 коня добрых, да 2 кобылы... Да казаки Офонасей Баишев да Панкраша Леонтьев взяли без меня в юрте моей лисицу красную ясачную да 100 белок неведомо за что. Да у отца моего он же Иван Крыженовский взял 2 коня... Да у братана моего у Сылаки взял кобылу бережую неведомо за что. И ты пожалуй, государь, по сей моей грамотке побей челом великому государю в Якутцком и воеводе Михайле Офонасьевичу напиши челобитную на мое имя и подай, чтоб послать память на Вилюй, чтоб они Иван тот наш скот отдали нам лицом, и казаки бы отдали лисицу и белки, и жену

мою перебили (?). А я на тебя надежен, только ты за нас не постоишь, худо стало наше житье. По сем будь здрав» [21].

Как видим, пострадавший от казачьих насилий якут просит своего тойона вступиться и защитить его. Мазары, едва ли не самый крупный и влиятельный из якутских князцов в конце XVII в., подававший сам множество челобитных о своих делах, пользовавшийся большим авторитетом у русской власти, конечно, мог бы помочь своему одноулуснику. Но Мазары, очевидно, сознавал свою солидарность не с угнетаемым соплеменником, а с грабителями казаками: «И он Мазара,—читаем в том же деле,—*не бил челом по той грамотке, прислал к нему назад*» [22].

Итак, тойоны не защищали своих улусных людей от произвола русской администрации. Вернее сказать, они совместно с нею их обижали. В этих условиях у якутского эксплоатируемого населения оставалась только одна форма протеста и самозащиты—это бегство от обид и грабежей, уход в «дальние незнаемые места». Бегство якутов из своих улусов началось, как мы уже знаем, с самых первых лет завоевания. В дальнейшем это бегство становится все более массовым явлением. Ясачные сборщики, объезжавшие якутские волости, вынуждены были составлять все более длинные росписи «сошлых» и «несыскных» якутов, о которых их оставшиеся соулусники заявляли, «что де те якуты родники их сошли из их волостей в розные в дальние места, и где оне ныне живут, и про то оне, сказали, не ведают». При этом, если в первые годы после завоевания якуты бежали из своих улусов на Вилюй, Олекму, Яну, то к концу XVII в. перекочевка в эти районы уже не спасала от казачьего грабежа, так как казаки сидели и там. Тогда якуты начали перекочевывать в более отдаленные места—в Дауры и «в Китайскую сторону» * [23].

Коренные якутские волости пустели. По некоторым сохранившимся росписям можно видеть, что число «сошлых» и «несыскных» составляло очень высокий процент по отношению ко всему населению данной волости. Например по росписи 1682/83 г. по отдельным волостям можно составить такую таблицу[24]:

---

* Граница с Китаем проходила согласно Нерчинскому миру 1689 г. по водораздельному Становому хребту, оставляя бассейн Амура (Зею, Бурею и др.) в пределах Китайского государства. Приамурье было присоединено к России только в 1858 г.

Волости	Всего ясачных якутов	Из них «сошлых» и «несысковых»	В %
Мегинская	876	315	35,9
Борогонская	651	298	45,8
Успецкая	231	105	45,4
Чириктейская	208	135	64,9
Дубчинская	138	96	69,9
Баягантайская	249	97	36,5

Из этой таблицы видно, что население якутских улусов в результате бегства отдельных родов и семей сокращалось на 40—70%.

Обезлюдение коренных якутских улусов—такова была форма борьбы, хотя и пассивной, но все же борьбы якутских масс против царского гнета, таков был итог колониального режима царизма в Якутии в XVII в.

Глава 8

РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЯКУТИИ XVIII в.

Сибирские экспедиции

XVIII век принес много нового для истории народов царской России. Начало этого столетия было ознаменовано известными реформами Петра I, которые начали переделывать старую азиатскую крепостническую боярско-купеческую Русь на европейский лад, хотя при этом крепостнический характер государства оставался прежним. Своими реформами Петр, по выражению В. И. Ленина, «ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» *.

Петровское правительство ставило перед собой широкие задачи—задачи внешнего территориального расширения и широких «колониальных» захватов, с одной стороны, внутреннего административного, военного, хозяйственного и культурного преобразования—с другой; и то и другое в целях «...укрепления национального государства помещиков и торговцев» (Сталин)**.

Хотя Якутия—отдаленнейшая из окраин тогдашней России—не в такой степени подверглась действию петровских преобразований, как центральные области страны, однако и на ней не могли не сказаться новые политические, экономические и культурные условия. XVIII век поэтому и для истории якутов представляет новую эпоху.

Внешнее административное положение Якутии с эпохи Петра меняется. В XVII в. якутские воеводы подчинялись непосредственно центру в лице Сибирского приказа в Москве. Последний в 1710 г. был упразднен вместе с другими приказами Московского государства (позже, в 1730 г., он был восстановлен, но в 1763 г. окончательно уничтожен). А за два года до этого, в 1708 г., государство было разделено

---

* *Ленин*, т. XXII, стр. 517.

** *Сталин*, Беседа с нем. писателем Эмилем Людвигом, Партиздат, 1938 г., стр. 3.

на 8 губерний, одной из которых была Сибирская губер-ния. Якутия была подчинена сибирскому губернатору. При разделении Сибирской губернии на 3 провинции (1719—1724 гг.) Якутия вошла в состав Иркутской провинции. Значительно позже, в 1775 г., Якутия сама превратилась в особую провинцию в составе образованной с 1764 г. Иркутской губернии.

Что касается внутренней истории якутов в первую половину XVIII в., то она, к сожалению, весьма плохо известна. Для более раннего времени, для XVII в., у нас сохранилось очень много письменных источников. Период с 60-х годов XVIII в. и позже тоже хорошо освещен источниками. Но вот эпоха от 1700 до 1760-х годов остается в значительной мере темным пятном в якутской истории: документов по этой эпохе сохранилось чрезвычайно мало.

Нам придется поэтому изложить этот период якутской истории гораздо более кратко, чем мы излагали события предыдущего периода.

Первое, что бросается в глаза, если сравнить положение Якутии XVIII в. с положением этой страны в XVII в.,— это сильное падение ясачных сборов, особенно сборов «соболиной казны». Хищническое истребление соболя, в погоне за которым и завоевывался Якутский край царизмом, привело почти к полному исчезновению его в коренных якутских районах и к сильному обеднению соболиных угодий на окраинах Якутии. Уже к концу XVII в., как мы говорили выше, очень сильно уменьшилось количество собираемой пушнины, особенно соболей. В начале XVIII в. это уменьшение стало еще заметнее. В центральных якутских районах, в 35 «подгородних» волостях, еще в 1680/81 г. было собрано 7 215 соболей, а в 1705 г.—6 721. Но уже в 1737/38 г. в этих же районах (которые к этому времени были сведены в 5 улусов—Кангаласский, Батурусский, Намский, Борогонский и Мегинский—с приписанными к ним остальными волостями) было собрано в ясак всего 1 283 соболя. За исчезновением соболей ясак все чаще стали брать лисицами, и количество лисичных ясаков до конца XVII в. все росло, но потом и лисиц стало негде добывать. В 1680/81 г. в тех же районах получено в ясак 5 035 лисиц, в 1705 г.—6 793, а уже в 1737/38 г.—всего-навсего 2 816.

Даже на далеких окраинах Якутии, в острожках и зимовьях, все меньше удавалось собрать пушнины. В этих районах было собрано соболей в 1680/81 г. 8 153, а в 1737/38 г. всего-навсего 1 576. Правда, красных лисиц там было еще

много, истребить их не успели: за тот же промежуток времени количество собранных в ясак лисиц выросло с 784 до 4 234 шкурок в год[1].

Но красная лисица не особенно ценилась, да и ее в центральных якутских улусах становилось все меньше. Якутия явно теряла в глазах царского правительства интерес в качестве источника выкачивания ценной пушнины, но именно поэтому выдвигались здесь новые цели и новые методы. К тому же внимание правительства уже с первых годов XVIII в. было привлечено к новым, еще не разграбленным, богатейшим территориям далее на северо-восток: как раз в 1697—1700 гг. походы казаков (Владимира Атласова и др.) открыли новую страну—сказочно богатую соболями Камчатку с многолюдным населением, покорить и объясачить которое оказалось делом довольно легким. У завоевателей закружились головы от драгоценных мехов, которые без труда можно было получать у племен, населявших Камчатку. Там началась та же оргия грабежей и вымогательств, какая до того совершалась в Якутии.

Но эксплоатация этих новых богатств сильно затруднялась соседством воинственных и свободолюбивых племен—коряков и чукч, которые не только сами не соглашались платить ясак, но нападали и на караваны с соболиной казной, которую везли с Камчатки. Война с коряками, а особенно с чукчами оказалась чрезвычайно трудной и растянулась до 60-х годов XVIII в. Одна за другой экспедиции направлялись на Чукотку, где они часто терпели поражения от коряцких и чукотских ополчений. Соседние с этими районами юкагиры Алазеи, Колымы и Анадыря тоже долго продолжали беспокоить завоевателей своими «изменами»—восстаниями. Словом, на крайнем северо-востоке не затихала война.

В этой войне Якутия была для царских завоевателей ближайшим тылом и базой. Все отряды войск, их снаряжение, продовольствие и пр.—все это шло через Якутск. Вновь завоеванные области — Камчатка, Чукотка — находились в ведении якутского воеводы (в 1732 г. Охотско-камчатский край был выделен в особое «Охотское правление»).

Помимо этого в первой же четверти XVIII в. начались и попытки русских овладеть морем и пробраться в Америку. В 1713 г. Петр I издал указ о поисках морского пути из Охотска в Камчатку, так как сухопутное сообщение с ней затруднялось нападениями коряков. Незадолго до своей смерти, в 1724 г., Петр издал указ о снаряжении экспедиции

Якутск в середине XVIII в.

для отыскания морского пути в Америку и для решения важного географического вопроса, соединяется ли сушей Азия с Америкой, или они разделены морем (эта задача была поставлена по инициативе немецкого ученого Лейбница).

Экспедиция под начальством знаменитого мореплавателя командора Беринга началась в 1726 г. Это было огромное предприятие. Снаряжение экспедиции было отправлено из Якутска частью вьюками на 663 лошадях прямо на Охотск, а частью (более громоздкие вещи)—водой вверх по Алдану, Мае и Юдоме, откуда груз уже зимним путем на 100 нартах (санях) повезли в Охотск. Подготовка экспедиции шла два года, а самое плавание было сравнительно коротким: в 1728 г. построенный в Нижнекамчатске бот «Св. Гавриил» проплыл, двигаясь на север, пролив между Азией и Америкой, названный позже именем Беринга, и, достигнув 67°18′ северной широты, вернулся назад. Американского берега экспедиция не достигла, и вообще полностью поставленная задача решена не была.

Вскоре же по возвращении Беринга началась подготовка второй, еще более крупной экспедиции. 17 апреля 1732 г. был издан указ о ней. План этой экспедиции был чрезвычайно обширен. Открытие морского пути из Сибири в Америку и открытие новых земель на Тихом океане—все это представляло только часть поставленных задач. Другая часть задач состояла в разностороннем изучении материка Сибири, с географическим описанием его, с собиранием архивных материалов, с изучением быта туземных народов и пр. В состав экспедиции были включены крупные исследователи, главным образом иностранцы: помимо начальника экспедиции командора Беринга и его помощников моряков Чирикова и Шпанберга, в экспедиции участвовали натуралисты Штеллер и Гмелин, историки Миллер и Фишер и ряд других. Полный состав экспедиции, собравшейся к концу 1736 г. в Якутске, насчитывал, включая команду и транспортную силу, до 800 чел. Вся эта масса людей вместе с продовольствием, снаряжением и пр. в 1737 г. была переправлена в Охотск, а экспедиции требовалось одного продовольствия на каждый год до 16 тыс. пудов.

Экспедиция длилась целых 10 лет (1733—1743 гг.). Результаты ее, и научные и практические, были очень велики. На море главнейшими результатами были: открытие путей в Японию (Шпанберг, 1738/39 г.), а особенно открытие Берингом Алеутских островов и Аляски (1741 г.) и превращение этих стран в российские владения; кроме того, другими

отрядами экспедиции—особенно работами Прончищева, Челюскина, Харитона и Дмитрия Лаптевых и др.—были изучены, описаны и нанесены на точные карты берега Полярного моря. На материке одновременно шла большая работа по географическому описанию разных частей Сибири, в том числе Якутии, по собиранию богатых архивных материалов и пр. Последней работой руководил талантливый и образованнейший по тому времени историк Миллер, который лично и через своих помощников сумел собрать, скопировать, а частично и обработать огромнейшие архивные фонды, хранившиеся (а отчасти просто гибнувшие) в разных городах Сибири. Именно Миллеру и его «портфелям» с собранными документами мы обязаны в значительной мере знанием истории Сибири и в частности Якутии за XVII—XVIII вв.[2].

«Великая академическая экспедиция» таким образом имела большое значение для исследования Сибири. Но помимо научной стороны тут была и политическая: результаты экспедиции помогли царизму закрепить за собой завоеванную страну и нащупать пути дальнейшего завоевательного движения на восток, в Америку.

Итак, первая половина XVIII в. ознаменовалась для Якутии, а отчасти и для всей Сибири тем, что фронт завоевательной борьбы царизма в это время уже переместился далее на северо-восток. Там, в чукотских тундрах, на реках Камчатки, на островах Алеутского архипелага шли сражения, восстания, карательные экспедиции. Якутия была лишь тылом в этой борьбе. Ее, как и всю Сибирь, царизму нужно было теперь закрепить политически. Это и сказалось в том несколько новом повороте политики царизма, какой начинается с первой четверти XVIII в. в Якутии.

На первый взгляд в этом отношении здесь ничего не изменилось. Наказ якутским воеводам, данный в 1697 г., наказ, в котором повторялись почти буквально все предписания, дававшиеся еще первым воеводам—Головину, Пушкину,—этот наказ продолжал действовать вплоть до середины XVIII в.; его переписывали в инструкциях ясачным сборщикам еще в 1752 г.[3] Все так же ездили эти сборщики по якутским улусам и занимались грабежом населения. Особенно нагло вели они себя при воеводе Жадовском (1730—1733 гг.), который сам был страшнейшим взяточником и, «забыв страх божий и свою присяжную должность», чинил «богомерзкие и проклятые корысти», грабя и притесняя якутов [4]. Однако не все оставалось по-старому в якутском улусе.

Якуты впоследствии сохранили предание, что при Петре I некоторые князцы «отличаемы были почестью дворянства по московскому списку с жалованьем» и получали о том грамоты. Может быть, это и преувеличение: нам неизвестны дворянские фамилии из якутов. Но якутское предание верно отметило то, что с эпохи Петра I царизм начал больше покровительствовать тойонской знати и наделять ее политическими правами, чем это было раньше. Мы видели выше (гл. 5), что уже с 70—80-х годов XVII в. царское правительство стало привлекать тойонов к судебно-административным функциям в улусах и укреплять их власть над населением. Теперь политические права тойонов еще более расширяются.

В конце 1732 г. в Якутске был получен указ из иркутской провинциальной канцелярии (Якутск был с 1708 г., со времени учреждения Сибирской губернии, подчинен Иркутску) о том, что мелкие судебные дела якутов—воровство скота, побои и пр.—должны разбираться и разрешаться старшинами родов (т. е. тойонами), причем для более крупных дел следует «выбрать из трех родов по два начальника». Русская низовая администрация—«комиссары», как они стали называться,—совершенно отстранялись от участия в этих судебных делах якутского населения, и только в случае жалоб якутов на неправильное решение этого тойонского суда воевода и комиссары могли принимать и разбирать эти апелляции [5].

Таким образом тойоны получали в своих улусах то, что называется правом «иммунитета»—типично феодальное право невмешательства высшей власти во внутренние дела подчиненного им населения.

Этот указ был вызван инструкцией, данной местным сибирским властям полномочным послом России, графом Саввой Рагузинским. Этот Рагузинский, искусный дипломат, заключивший в 1727 г. договор с Китаем (Буринский), умело проводил, пользуясь широкими полномочиями, данными ему правительством, политику покровительства национальной верхушке с целью привлечь ее в пограничных районах на свою сторону. Составленная им в 1728 г. инструкция о порядке управления местными племенами была применена и к якутам.

Но тойонам этого было теперь уже мало. Они стали добиваться более широкого иммунитета. Около 1752 г. катылинский князец Кутуях Кытчиев подал челобитную в иркутскую провинциальную канцелярию об отмене права обжалования приговоров тойонского суда, так как эти обжалования

казались тойонам «обидными». И иркутская власть охотно пошла навстречу новым требованиям тойонов. «А вновь якутской воеводской канцелярии,—так говорится в указе 1752 г.,—таких дел (решенных князцовским судом) *не пересуживать*, дабы то не могли оные иноверцы (читай: тойоны) причитать себе за обиду». Значит, право апелляции на князцовский суд было у якутов отнято, и они были головой выданы своим тойонам. Вдобавок в том же указе тойонам было разрешено употреблять по отношению к осужденным жестокие телесные наказания: «наказывать батожьем или, по важности вины, плетьми, иных же смирять содержанием в кандалах или в деревянных смыках» [6]. Таких жестоких наказаний якутское обычное право ранее не знало.

* * *

Итак, тойонат в первой половине XVIII в. благодаря политике царского правительства необычайно усилился политически. Но одновременно шло и экономическое его усиление. Это было вызвано многими причинами. Одной из них была роль тойонов в ясачном обложении.

Еще в XVII в. часто применялась так называемая «порука» князцов за своих соулусников в уплате ясака, и это было для них одним из средств эксплоатации. В первой половине XVIII в. это еще усилилось, особенно когда правительство указом от 1727 г. разрешило платить ясак пушниной по рыночной расценке или деньгами по установленному окладу [7]. Это допущение денежной уплаты ясака было прямым поощрением спекуляций тойонов. Пользуясь обеднением и закабаленностью населения, тойоны создали настоящую систему откупа ясака. Уплатив за неимущего родовича ясак деньгами по окладу, тойон впоследствии по произвольной цене отбирал у него пушнину. Правительство своими указами прямо узаконяло это. В инструкции 1731 г. сборщикам предписывается в тех случаях, когда бедняк не может заплатить ясак, брать этот ясак с других, более зажиточных якутов с тем, чтобы последним «велеть с тех скудных людей оной долг выбрать по времени им самим» [8]. Таким образом беднота прямо отдавалась тойонам в долговую кабалу. Что из этого получалось, об этом впоследствии (в 1769 г.) писала сама русская администрация: «А потом те князьки для своей корысти вздумали и принимают намерение, а особливо в тех волостях, в коих издревле соболей не было, взносить за те соболи по достатку своему собственные

деньги, а после збирать себе белкою ценою не свыше 2 копеек. И так за 7 рублев или за соболя может получить 300 белок, и потому от 7 рублев прибыли достается 3 р. 50 к.; таким образом и от лисиц корыстоваться будут. Сверх того збирать на себя яко на проезд и другие издержки и за провоз мягкой рухляди деньгами и белкой» [9].

Итак, для тойонов ясачное обложение в эту эпоху было одним из условий, способствовавших росту экономической их силы.

Но еще больше этот экономический рост тойоната был связан с развитием тойонского землевладения.

***

В первой половине XVIII в. продолжалось быстрым темпом то развитие частной земельной собственности, которое началось еще до русского завоевания и давало себя сильно чувствовать в конце XVII в. Тойоны продолжали захватывать под свои сенокосы общинную землю. Это часто делалось в форме прямого захвата общинной земли, но иногда в форме «покупки» тойонами того или иного сенокосного участка у группы владельцев—родовичей. До нас от этой эпохи дошло несколько «купчих» на землю.

Очень интересна, например, одна такая «купчая» от 1714 г., по которой катырыцкий тойон Калтаха Кортуин приобрел от группы совладельцев-сородичей их «старинные сенные покосы» по «яланям» («елань», по-якутски «алас»—лесная луговина, см. стр. 7) и речкам, которые все перечисляются в купчей с указанием, сколько сена ставится на каждом урочище: всего перечислено 39 урочищ с общим количеством сена—71 стог [10]. Надо сказать, что величина якутского стога была различной, колеблясь между 10—20 и 40—60 возами. Если считать средним размером стога 30—40 возов, то получается, что тойон Калтаха приобрел по этой «купчей» земли на 2 000—2 800 возов сена. По якутской норме кормления скота (5 возов сена на 1 голову в среднем), этого количества могло хватить на 420—560 коров. Кроме того многие из этих урочищ были с «рыбными ловлями». Мы видим, что тут перед нами довольно крупный тойон. Что же он заплатил за «купленную» землю? 3 соболя по 12 рублей, 2 лошади по 8 рублей и 3 кобылы по 9 рублей—всего, стало быть, на 79 рублей. Ясно, что это был под видом покупки простой грабеж тойоном земли общинников.

Такие «купчие», а также и закладные на землю,—их сохранилась не одна,—составлявшиеся с участием русских

властей, свидетельствуют о том, что, во-первых, тойоны деятельно прибирали к рукам общинную землю, и, во-вторых, царская администрация им в этом помогала. Тойоны малопомалу превращались в заправских помещиков.

Если бы царское правительство продолжало и в дальнейшем так же содействовать превращению тойоната в землевладельческий класс, у якутов, быть может, сложилось бы такое же дворянство, какое было у некоторых других народов—у татар, грузин, кабардинцев и пр.

У нас, к сожалению, нет цифровых данных, которые бы говорили о распространенности тойонского землевладения в эту эпоху, но, судя по многочисленным документам—купчим, закладным и пр., можно думать, что к середине XVIII в. очень значительная часть сенокосных угодий уже была захвачена тойонами.

Но царская политика в Якутии руководилась не одними только соображениями покровительства тойонскому классу: у нее был и ряд других мотивов и соображений, под влиянием которых эта политика претерпевала подчас сильные колебания. Сейчас мы подходим к изложению событий той эпохи, когда особенно заметно сказалась эта сложность и противоречивость царской политики в Якутии. Речь идет о знаменитых в якутской истории реформах 60-х годов XVIII в.

Глава 9

РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЯКУТИИ XVIII в.

Первая ясачная комиссия. Охотский тракт

Правительство Екатерины II с самого ее воцарения было озабочено приведением в порядок хаотического состояния государственного бюджета и административной системы. Екатерина вскоре обратила внимание и на тот страшнейший произвол, какой царил в управлении Сибирью, на обнищание населения Сибири и на упадок в связи с этим ясачных и других сборов. И вот намечена была широкая программа реформы ясачного обложения народов Сибири. Во главе этого дела Екатерина поставила секунд-майора Щербачева, специально командированного ею в 1763 г. в Сибирь. Щербачев получил от Екатерины особую инструкцию [1], содержание которой чрезвычайно характерно: главная мысль ее состояла в том, что все дело ясачного обложения нужно целиком передать в руки местных князьков, совершенно устранивши от этого русскую низовую администрацию. «... Стараться,—писала императрица в своей инструкции,—*призвавши одних только их князцов и старшин*, увещевать, чтобы они для собственного своего облегчения от чинимых им при выезде в их улусы и кочевья от сборщиков обид и разоренья приняли полагаемый на них по числу действительных плательщиков оклад платить повсегодно в казну нашу зверем или деньгами, не с каждого плательщика порознь, но суммою со всего улуса, привлекая их к тому ласкою и небольшими, потребными для них подарками...» [2] Конечно, в таком деле князцов и «увещевать» не надо было: передача всего ясачного сбора в их руки целиком отвечала их интересам. И эти их интересы тут совпали с интересами правительства, которое стремилось поднять доходы казны. Передача сборов в руки туземных тойонов в глазах народной массы должна была прикрыть грабительскую сущность реформы.

В этом-то духе и начали действовать по всем воеводским городам Сибири «Комиссии о расположении ясака». В Якутии такая комиссия начала работать под председательством

бывшего якутского воеводы Мирона Черкашенинова. Черкашенинов удачно справился со своей задачей. Но по отношению к якутам задача «Ясачной комиссии» была гораздо сложнее, чем в других областях Сибири: тут приходилось приводить в порядок не только ясачное обложение, но и вопрос о землепользовании, который оказался тесно связанным с тем же ясаком.

Черкашенинов начал с того, что еще в бытность свою воеводой, в 1765 г., указом от 20 сентября запретил якутам продавать и покупать земельные участки. Этот чрезвычайно важный акт был, вероятно, непосредственно вызван бесконечными спорами о земле, связанными с тем, что тойоны «покупали» у общинников сенокосные земли. Но вместе с тем этот указ, очевидно, стоял в связи с тем, что по всему государству правительством проводилась в то время политика, направленная к тому, чтобы ограничить землевладельческие права недворянских сословий и сделать землевладение привилегией дворянства.

Тойонское землевладение от этого мероприятия, собственно говоря, не страдало: об отобрании захваченных или купленных тойонами земель не было и речи. Но дальнейший рост тойонской земельной собственности должен был принять какие-то другие формы. «Покупать» землю тойоны уже не могли.

Работа же по переобложению ясаком началась в 1767 г. Согласно духу екатерининской инструкции было решено перейти целиком на коллективное обложение ясаком целых волостей и родов, предоставив их князцам самим раскладывать внутри своего общества этот ясак. Для этой цели надо было установить численность населения каждой волости и рода, его экономическое состояние, размер фактически платимого ясака, возможность его увеличения. Откуда же было взять все эти сведения? Конечно, от самих князцов. И вот работа комиссии пошла следующим образом:

В октябре—ноябре 1767 г. в Якутск начали вызывать князцов со старшинами, у которых и отбирали обстоятельные письменные показания. Часть этих показаний до нас дошла [3]. Интересно, что все они составлены в абсолютно одинаковых выражениях—знак того, что шаблон работы ясачной комиссии был вполне точно выработан.

Приведем, с некоторыми сокращениями, одно из таких показаний, ибо в них, с одной стороны, хорошо отражается хозяйство и быт якутов того времени, а с другой стороны, видно, чего требовала от тойонов ясачная комиссия.

«1767 г. ноября 14 дня,—так начинается документ,— в находящейся в г. Якутске о расположении ясака комиссии в присутствии коллежского советника Черкашенинова, Якутского ведомства Мегинского улусу Меллексинского роду князец Егупья Дебенин с нижеподписавшимися старшинами сею подпискою объявили в том, что они с родниками своими жительства имеют по речке Соле и по разным озерам и еланям, в расстоянии от г. Якутска в 30 верстах, своими юртами. Скотоводство конное и рогатое, и для прокормления оного сенных покосов посредственно имеют, и для езды употребляют лошадей, а в работы поблизости быков. Питаются скотоводные молоком и разным зверем и рыбой, а неимеющие скота сосновою корою, сваря с таром, зделанным из кислого молока, и кореньями по якуцкому званию сарана. В их жилищах местами леса имеются: лисвяк (лиственница), березняк, ельник, чернотал, тополь ник, в них звери бывают годом набеглые, лисицы красные, горностай, белка и зайцы, и то самое малое число, а соболей в их местах, как они и старожилы запомнят, нет (соболя истребили, как мы знаем, еще в середине XVII в.—*С. Т.*), и они... для промыслу оных по непривычке не ходят. Для битья же зверей употребляют луки со стрелами, а огненного ружья не имеют, и им оное и пороху не потребно. За неуловом же зверя и по неимению в их местах соболей покупают в городе Якуцке у купцов, а особливо лисицы красные, из привезенных сверху Лены реки, из таких, которые и прежде от них в ясак положены были (как видим, якуты уже давно перестали быть охотниками, и обложение их пушным ясаком совершенно не соответствовало их хозяйственному укладу—*С. Т.*). До сего с родниками своими платили они в казну ее императорского величества ясаку: соболей 18, лисиц красных 11, денег 25 рублев...» (Далее говорится о перечислении отдельных окладов из «наслегов» и в «наслеги» * других князьков.) «А ныне, чувствуя высочайшую ее императорского величества к ним милость и защищенье, желают они с родниками своими добровольно (!) без всякого принуждения (!) и себе с родниками без отягощения (!) к тому прежнему платежу прибавить соболей 3, лисиц красных 5, да сверх окладу денег 1 р. 50 к., вместо коих, також и за окладные 25 р. 50 к., лисиц красных 14,—и тако имеет быть соболей 21, лисиц красных 30 (это «добровольное желание» увеличить свой ясак, повторяющееся во всех показаниях, означает, что комиссия предва-

---

[1] Что такое «наслег», будет объяснено дальше, стр. 121.

рительно оказывала соответствующий нажим на князцов. Для казны в этом увеличении ясака и был смысл реформы, а что выгадывали от этого тойоны, это видно из тут же следующих слов документа.—*С. Т.*)...*не с каждого порознь, по суммою* (вот в чем дело! тойоны могли отныне сами раскладывать ясак), кои оклады по общему согласию (это «общее согласие» было пустой фразой, на деле тойоны распоряжались по усмотрению) располагать должны, смотря тех своих родников по достатку и промыслам...». Далее говорится о дополнительном «добровольном» ясаке с самого князца и старшин, потом о порядке сдачи ясака и замене соболей и лисиц деньгами и пр.—дальше документ нам пока неинтересен.

Итак, судя по этому документу (а все остальные «показания» в точности, кроме цифр, на него похожи), реформа ясака состояла прежде всего в двух мероприятиях: во-первых, общая сумма ясака увеличивалась—по всему Мегинскому улусу, например, она возросла в $2^1/_2$ раза—с 1 139 рублей до 2 871 рубля; это было в пользу казны; во-вторых, казна отказывалась от вмешательства в дело внутренней раскладки ясака среди населения, передавая это целиком в руки тойонов, это была прямая выгода тойонов. Ясачной реформой, таким образом, окончательно закреплялся политический союз тойоната с русской властью. Это было узаконено в 1769 г. двумя указами: один из них отменял объезд якутских улусов ясачными сборщиками, другой—окончательно упразднял аманатство, которое впрочем на практике уже давно вышло из употребления.

Каким же образом тойоны распределяли ясак в своих волостях и родах? В цитированном документе очень глухо говорится о распределении ясака «по общему согласию», «по достаткам и промыслам». В указах этого же времени, исходивших от ясачной комиссии, князцам даются такие же неопределенные указания раскладывать «ясак и протчие поборы» между родниками, «смотря всякого по достатку и пожиткам, по их возможности» [4]. Это был не новый принцип. Как мы знаем, с самого русского завоевания воеводы старались брать ясак «по достаткам», сколько с кого можно было взять. Главным имуществом тогда у якутов был скот, они и платили ясак «за скот» (хотя воеводы старались, конечно, брать ясак и с бесскотных).

Но к половине XVIII в., как мы знаем, необычайно возросло значение земельной собственности. Тойоны захватили большую часть покосных угодий. Кто не имел совсем сенокосов, уже не мог держать и скота: общинных угодий,

видимо, осталось слишком мало. И вот, при перераспределении ясака в 1767—1768 гг. обнаружилось, что обладание землей есть гораздо более важный признак имущественной обеспеченности, чем владение скотом. И мы видим, что сразу же после произведенной реформы земельные владения начали рассматриваться как *наделы*, даваемые за платимый ясак. В 1770-х годах в указах попадаются уже такие выражения: «И по числу платимого ясака и скотоводства отвести ему подлежащее число сенных покосов...». «...А по числу платимого их ясаку в твоем наслеге сенными покосами не удовольствованы...» [5], и т. п.

Этим отнюдь не отменялась сложившаяся тойонская собственность на землю. Наследственные права на те или иные участки всегда признавались. Напротив, тойоны в этом новом порядке распределения земли по ясаку нашли для себя неожиданно новое и чрезвычайно важное для них подкрепление своих «прав» на землю. Если раньше они просто захватывали землю, вызывая часто протесты общинников, то теперь они могли спокойно ссылаться на то, что они владеют землей за то, что платят более крупный ясак.

Правда, фактически различия величины ясачных окладов были к этому времени очень малы. Например, в окладной ведомости Мойрутского наслега Мегинского улуса от 1789 г. мы находим всего 2 категории плательщиков: одни, «состоящие в соболях», из них каждый платил по $^1/_4$ соболя, т. е. 1 руб. 75 коп., другие, «состоящие в лисицах», из которых каждый платил по $^1/_2$ лисицы—по 1 руб. Как видим, и суммы эти невелики, и различия между ними незначительны. В других случаях разница между высшим и низшим окладом ясака была немного больше ($^1/_2$ соболя—3 руб. 50 коп. и $^1/_2$ лисицы—1 руб.), но для улусной верхушки это были гроши. Мы уже знаем, что ясак вообще к этому времени потерял большую часть своего значения. Зато в нем-то и нашли тойоны обоснование и оправдание своим земельным захватам. Платя какие-нибудь 3 руб. 50 коп. в год ясака, тойон, для которого это был совершенно ничтожный расход, гордо указывал на то, что он «состоит в соболях» и потому имеет все права на лучшие земли.

Формально частная собственность на землю у якутов уже не существовала. Она была отменена и указом 1765 г. (о запрещении продажи земли) и тем, что землей стали *наделять* за ясак. Земля считалась принадлежащей всему роду (волости, наслегу). Это было, следовательно, по форме общинное землевладение и даже с частичными переделами земли (о них

мы будем говорить ниже). Но эта община далеко уже не была та старая родовая община, которая у якутов существовала еще в эпоху русского завоевания, но уже тогда разлагалась под влиянием тойонских захватов. Это было общинное землевладение особого рода, искусственно введенное русской администрацией, которая, конечно, опиралась на то, что остатки древней общины еще не совсем исчезли. Это общинное землевладение оказалось весьма удобным и для тойонов, которым оно не мешало фактически держать в своих руках лучшие земли. Никакого равенства в этой «общине» не было. Напротив, здесь узаконялось крайне неравномерное распределение земли. Принцип этого распределения—по платимому ясаку—был установлен, таким образом, в 60-х годах XVIII в.

Но самая система землепользования, основанная на этом принципе, оформилась позже. В начале XIX в. входит в употребление выражение «классы» для обозначения разрядов плательщиков. В первом «классе» состояли тойоны, они платили несколько больше казенных сборов, но зато владели наиболее обширными и лучшими сенокосными угодьями. Во втором «классе» были родовичи среднего достатка и в третьем—бедняки, не имевшие или почти не имевшие земли и платившие за то минимальные оклады. В 1825 г. было установлено (иркутским губернским правлением) деление якутов на 5 «классов» по платимым повинностям, причем тойоны (платящие соболиные оклады) попадали в первый класс, менее богатые родовичи (с лисичными окладами)—во второй, в третьем оказывались «мастера и промышленники», в четвертом—«служащие в работниках» и в пятом—«дряхлые, калеки и нищие» [6].

Это деление на «классы», узаконенное окончательно в 1825 г., продержалось затем, с отдельными поправками, которые вносила сама жизнь, вплоть до революции 1917 г. Оно стало и оставалось все время основой распределения земли в якутском улусе. Это была та «классная система» землепользования, которая к концу XIX и в начале XX в. стала предметом ожесточенной борьбы в улусах и наслегах (об этом мы будем говорить в гл. 15 и 16). Начало этой «классной системы» было положено, как мы видим, реформами 60-х годов XVIII в.

Итак, тот «общинный» земельный строй, который был введен в 1760-х годах, очень мало походил на настоящую земельную общину. Он был выгоден только тойонам.

Часть тойоната, однако, и этим порядком, узаконявшим

их землевладение, не удовлетворилась. Многие хотели большего, и в дополнение к записанным уже за ними землям продолжали захватывать новые. В 1780 г. кангаласские князцы сами жаловались на крупнейшего тойона из своей среды, Софрона Сыранова,—потомка знаменитого Тыгына!—который захватывал незаконно много покосных угодий. В 1785 г. 15 родовичей «наслегу княска (князька) Алексея Притчина» Кангаласской волости жаловались на незаконные действия их собственного князька, который «неведомо с какого позволения из владений их (общинных?), отняв немалое количество сенокосных мест, выкосив оные и взяв к себе сено, причинил... собственному их скоту великий упадок» [7].

* * *

Так шаг за шагом и неуклонно усиливались экономические позиции якутского тойоната. Первая ясачная комиссия была важным этапом в этом усилении. Понятно, что о «Мироне» (Черкашенинове) у якутских тойонов сохранились хорошие воспоминания. «С Мироновых времен»—такая ссылка на давность каких-нибудь прав признавалась убедительной еще в начале XX в.

В ту же эпоху, в 1760-х годах и в последующие годы, тойоны делали также настойчивые попытки закрепить и усилить свои *политические* позиции. В 1767 г. от якутов был избран «депутатом» в екатерининскую Комиссию по составлению нового уложения кангаласский князец Софрон Сыранов, правнук Тыгына, влиятельнейший тойон. Его деятельность в Петербурге нам неизвестна, но в самой Якутии он отличался тем, что—как уже упоминалось выше—использовал свой политический авторитет для самого беззастенчивого захвата земель. «Возвратясь из Петербурга,—говорится в одной записке того времени,—он принял снова неограниченную власть и сделался ужасом якутов». Сыранов домогался даже через иркутского вице-губернатора Цедельмана, чтобы его назначили якутским областным головой, создав специально эту новую должность, но получил в этом отказ [8].

В те же годы крупные тойоны, располагавшие влиянием в улусах, стали именоваться официально «улусными головами» и «присвоили себе власть над целыми улусами», как говорится в упомянутой выше записке.

В 1789 г. имела место наиболее смелая попытка якутского тойоната добиться привилегированного политического положения. В этом году знатнейший тойон, борогонской улусный

голова Алексей Аржаков отправился в Петербург и подал там императрице докладную записку—«план о якутах», в котором содержатся чрезвычайно характерные требования.

Содержание этого «плана» следующее. После вводных замечаний об административном делении якутов, о их старшинах, князцах и улусных головах и о том, что еще при Петре I многие тойоны получали от правительства дворянское достоинство, автор записки переходит к своим требованиям: 1) «чтобы повелено было из голов и князцов якутских выбрать одного начальника под именем областного головы или областного якутского предводителя», который бы подчинялся только главному наместнику и одновременно имел бы в своих руках суд (чрезвычайно любопытное тойонское требование независимости от всех местных русских властей: фактически тойоны добивались полновластного положения в своей стране); 2) создать «совестный якутский суд» из областного и улусных голов с участием при разборе каждого дела князцов соответствующих улусов; 3) отменить лодочную повинность якутов; 4) освободить якутов от содержания 36 почтовых «станков», возложив то и другое на осужденных преступников; 5) назначать исправниками только тех, кто знает местные якутские обычаи, язык и пр.; 6) создать училище для якутов; 7) отменить земельные переделы, закрепив «на вечное владение» земли, «расчищенные на пастьбу, и между ими сберегаемые леса», за теми, кто их расчистил или ими владеет (фактически это означало домогательство установления настоящей помещичьей земельной собственности за тойонами) [9].

«План» Аржакова рассматривался в сенате [10], но остался почти неосуществленным. Однако попытка осуществить некоторые требования была сделана. 17 ноября 1792 г. в Якутске были произведены «на основании ее императорского величества соизволения» выборы, «находившимися здесь в городе улусными головами и наслежными князцами с поверенными», якутского областного головы. Выбранным оказался кангаласский улусный голова Василий Вениаминович Сыранов,—тот же князец Софрон, принявший за это время крещение [11]. Таким образом, самое существенное требование тойоната правительство согласилось выполнить. Впрочем, едва ли эта должность «областного головы» долго существовала. О дальнейшей судьбе ее, к сожалению, ничего неизвестно.

На местах же, в улусах, тойоны крепко держали власть в своих руках. До 60-х годов XVIII в. русская администра-

ция вообще не вмешивалась в вопрос о замещении князцовских должностей. Эти должности переходили по наследству от отца к сыну. Со времени реформ 1760-х годов русские власти начали утверждать князцов в их званиях, но они утверждали всегда тех, кто по старым якутским обычаям, «по природе деда и отца своего» (как говорится в документах), считался князцом.

Это относится к старым «волостям», которые в конце XVIII в. начали именоваться «наслегами». Названия этих наслегов в эту эпоху обычно писались по именам князцов: «Намской волости наслегу князца Мочоя Кусегеева», «Кангаласского улуса Октомского роду, наслегу князца Жуля» и т. д.

Но что касается улусов, то самые эти деления были, собственно, заново созданы русской администрацией в 20—30-х годах XVIII в. путем объединения групп «волостей». У якутов ранее не было такой власти, которая бы распространялась на несколько волостей. И вот, после реформ 60-х годов, создается должность «улусного головы». Это была выборная должность: в улусные головы избирали на несколько лет того или иного из князцов данного улуса. Но фактически и здесь нередко устанавливалось очень длительное закрепление власти за одними и теми же лицами и семьями. Это были так называемые «вечные» головы—самые знатные и влиятельные из тойонов. Такими «вечными головами» в конце XVIII в. были Аржаков и Васильев в Борогонском улусе, Сыранов в Кангаласском, Павел Сивцев в Намском и др. [12]

Еще более усилилась политическая власть тойонов над населением, когда русская администрация ввела систему «билетов» или «видов»—нечто вроде паспортов, выдававшихся князцами своим соулусникам при их отлучке. Без такого «вида» ни один якут не имел права никуда выезжать из своего наслега. «Вид» выдавался князцом на определенный срок для выезда на определенные заработки и с рядом ограничительных условий. Вот один из таких «билетов»: «Билет Батурусского улуса Сулгабинской волости от князца Муруки Кытахова роднику своему якуту Куту Чирахину—в том, что дозволяю тебе Чирахину находитца з женой своей в работе у якутского урядника казака Ег. Замятина в послушании во всякой ево при городовой (работе) или по ево наряду и в других отлучных от города местах безоговорочно и ни в чем не прекословить. От сего 1783 г. впредь на 3 года...» (и т. д.). Другой «вид» гласит: «1784 г. февр.

20 дня ведомства Якутской провинции Кангаласского улусу Нерюктейской волости князец Тумус Ожин дал сей вид роднику своему крещену Фед. Белопоносову, жить в Якутске и робить всякую работу какую ты можешь для платимого своего в казну ясака также и протчих разных конных поборов, считая от сего вышепис. 784 г. до предбудущего 1786 г. И жить тебе добропорядочным образом и никаких шалостей не чинить в чем сей и вид дан» [13].

Система билетов была введена в ту же эпоху 1760-х годов. Она означала фактическое закрепощение общинников, прикрепление их к своим наслегам и к князцам. Последние, правда, сами были ответственны перед русской администрацией за соблюдение установленного порядка. Но, наделяя этими новыми полномочиями прежнюю тойонскую знать, закрепляя за нею полную власть над общинниками, правительство тем самым окончательно превращало тойонов в феодалов-помещиков, а улусное население—в крепостное крестьянство.

* * *

Реформы 1760-х годов были вызваны в основном местными условиями, хотя толчок для них пришел извне—от правительства, добивавшегося увеличения казенного дохода с Якутии. Но в ту же эпоху, во 2-ю половину XVIII века якутская экономика начала испытывать все более сильное влияние своих растущих связей с Российским государством в целом. Якутия постепенно втягивалась в систему экономических отношений императорской России, созданных завоевательной и преобразовательной политикой Петра I в предыдущий период. Это не могло не привести к некоторым сдвигам в хозяйственном укладе якутов: как раз с последних десятилетий XVIII в. мы наблюдаем в нем появление элементов товарно-денежных отношений.

Для того чтобы перейти к этому важному вопросу, мы должны вернуться несколько назад. Вспомним, что мы знаем о знаменитых экспедициях Беринга 1726—1743 гг., об экспедициях, положивших начало энергичной военной и экономической колонизации тихоокеанских стран: Камчатки, Чукотки, Алеутских островов и Аляски.

Якутск, как мы уже говорили, был базой этих экспедиций: отсюда, через якутские улусы, перевозилось их огромное снаряжение. Недалеко от Якутска, на р. Ботоме, был сооружен в 1732 г. даже особый железорудный завод,

со специальной целью снабжать экспедицию железом (завод просуществовал всего 12 лет, до 1744 г.). Но экспедиция только проложила пути на восток, по которым затем началось оживленное движение. Охотск был первым морским портом России на Тихом океане, отсюда направлялись купцы, промышленники, моряки, военные, двигавшиеся на Камчатку и во вновь захваченные американские колонии. Движение через Якутск в Охотск становилось регулярным и с каждым годом возрастало. К середине XVIII в. в Охотск ежегодно отправлялось по 4—5 тыс. лошадей с хлебом и прочим продовольствием, со снаряжением и товарами.

Все это шло через якутские улусы по проложенному Охотскому тракту, и все это двигалось *на якутских лошадях*. Вот тут-то и была главная причина глубоких изменений в хозяйстве якутов, в частности в тойонском хозяйстве.

Обязанность перевозить казенные грузы в Охотск была возложена на якутов в порядке той же подводной повинности, которую они несли еще в XVII в. Эта повинность легла на них страшным бременем *. Это бремя увеличивалось с каждым годом. Якуты изнемогали от невыполнимых требований выставлять ежегодно тысячи подвод под казенные грузы. Хлеб для Охотска сплошь и рядом завозился в совершенно недостаточном количестве, и жители очень часто должны были питаться падалью и кореньями. Доходило до того, что сибирский губернатор генерал Киндерман выдвинул замечательное предложение—вместо хлеба, «во избежание казне ее императорского величества ущерба, продовольствовать войска северо-восточной Сибири толченою березовою корою» (!).

Все это побудило правительство перейти к новой системе перевозок: в 1763 г. за провоз грузов в Охотск была назначена прогонная плата. Она, правда, была невелика—3 руб. 15 коп. за лошадь (63 коп. с пуда), да и ту якуты не всегда получали: чиновники ее нередко разворовывали. Но для якутов—вернее сказать, для якутских тойонов—эта первая уступка правительства послужила поводом к тому, чтобы добиваться гораздо большего. Они начали подавать жалобы за жалобами на неправильное распределение повинностей, на малость платы, стали отказываться выставлять лошадей.

---

* Не этим ли резким отягощением повинностей объясняется сокращение населения якутских улусов между 1720 и 1737 гг.? По Кангаласскому улусу количество ясачных людей за это время упало с 2 025 до 1 942, по Батурусскому улусу—с 2 704 до 2 507. В более раннее время такого сокращения численности, несмотря на все грабежи ясачных сборщиков, не было.

Правительство тогда (в 1773 г.) попробовало было вместо якутов договориться о доставке грузов с русскими купцами-подрядчиками, но это оказалось для казны менее выгодно. С начала 80-х годов XVIII в. грузы опять перевозились на якутских подводах.

Тойоны продолжали бороться за более выгодные условия. Еще в 1774 г. они добились, чтобы казна им платила и за грузы, отправлявшиеся на Колыму. В 1784 г. платной стала

Перевозка грузов по Охотскому тракту в середине XIX в.

доставка кладей и в остальные места. Постепенно повышался и размер платы. В 1785 г. якуты требовали по 10 руб. за лошадь, а через несколько лет, когда отправившаяся на север новая экспедиция Биллингса (1785—1793 гг.) оказалась в сильной нужде, и срочно потребовалось отправить для нее и для других надобностей 60 тыс. пуд. груза, якуты 3 улусов заломили неслыханную в то время цену—по 30 руб. за лошадь, и их насилу уговорили взять по 20 руб. Позже—в начале XIX в.—расценки на лошадей поднялись еще выше.

Почему мы говорим, что эта гонка цен была создана именно тойонами? Потому что с самого перехода к системе платных перевозок тойоны взяли все это дело в свои руки.

Содержали «станки» (станции) и выставляли лошадей только «родоначальники» (князцы). Они и получали от казны плату. Но они не довольствовались этим, а, ссылаясь на то, что перевозка грузов для них якобы убыточна, накладывали на свои общества (волости) добавочные поборы для приплаты за содержание лошадей. Так, уже в 1773 г. в Баягантайском улусе к казенной плате за лошадь (3 руб. 15 коп.) общество от себя приплачивало 3 руб. И самое замечательное то, что по мере возрастания казенной платы за провоз приплата содержателям станков от общества тоже воз-

Зимняя «станция» по Охотскому тракту (середина XIX в.)

растала. В том же Баягантайском улусе в 1798 г. общество приплачивало к казенной цене за каждую лошадь уже 26 руб., а в дальнейшем приплата росла еще больше. В Намском улусе в 1800 г. приплата общества за 1 лошадь доходила до 40—48 руб., а в других улусах—до 50—55 руб.

Все это шло в карманы князцов. Они становились в самом настоящем смысле подрядчиками: ездили с грузами, конечно, не они сами, а нанятые ими ямщики. Но ямщикам князцы-подрядчики платили гроши, а при своих расчетах с казной они ставили содержание ямщиков в огромные суммы—по 15—30—40 руб. на каждого ямщика.

Эти охотские перевозки оказались для тойонов настоящим кладом. Они вели к неимоверному обогащению тойонской

верхушки, особенно более оборотистых, хитрых и пронырливых тойонов.

Но мало того, что тойоны богатели. Самое хозяйство их перестраивалось. Из чисто натурального оно стало все больше превращаться в денежное. Получил широкое распространение обычай сдачи лошадей в аренду—«в тело», как говорят в Якутии. Тойоны—содержатели станков—брали лошадей «в тело» для использования их на охотских перевозках. Они нанимали рабочую силу—ямщиков. Они брали деньги и с казны и со своих соулусников за доставку кладей. Старые тойоны-феодалы понемногу превращались в хищников-подрядчиков.

Все это тойонское благополучие строилось на спинах улусной массы. Тяжесть обложения ее все возрастала. Новые повинности—особенно оплата обществом тойонских транспортных поставок—во много раз превысили старый ясак вместе с казенным подушным сбором. Достаточно привести несколько цифр:

В Намском улусе в 1799 г. ясак равнялся 1 руб. 20 коп.—1 руб. 25 коп. с души, а вместе с подушной податью—1 руб. 50 коп. Подводная же и прочие повинности (из которых главной была именно оплата доставки грузов в Охотск) составляли на 1 душу в 1799 г. 19 руб. 27 коп., в 1800 г.—уже 25 руб. 89 коп., а в 1801 г.—34 руб. 26 коп. Значит, вымогательства тойонов под видом оплаты подводной и других повинностей превышали ясачное обложение в 20—30 раз! Вот каким свинцовым грузом сидел на шее якута-улусника его тойон, занявшийся транспортными подрядами![14].

Глава 10

КРЕЩЕНИЕ ЯКУТОВ

В первый период своего хозяйничанья в Якутии в XVII в. царские власти не ставили своей задачей распространять православие среди туземцев. Правда, попы были уже в составе первых отрядов служилых людей, появившихся в Якутии, но эти попы обслуживали только русское население. Скоро появились и «новокрещены» из якутов и отчасти тунгусов, но кто были эти новокрещены? Это были чаще всего «ясыри»—рабы, захваченные казаками «на погроме»; хозяева нередко крестили их, чтобы тем еще больше закрепить их за собой (крещеным труднее было бежать и вернуться в свой улус); особенно часто эта участь постигала женщин-ясырок, становившихся наложницами своих хозяев, а также их «прижитков» (детей). Крестились иногда и добровольно отдельные обнищавшие, лишившиеся родни якуты и якутки, которые в этом видели единственный выход, последнее средство спасения от голодной смерти. Такой новокрещен обычно тоже попадал в кабалу к русским. Словом, все те, кто крестился, так или иначе отрывались от своих соплеменников и жили в городе среди русских. В улусы православие не проникало. Правительство не только не стремилось к этому, но ставило всякие ограничения крещению туземцев, и по вполне понятной причине: новокрещен выходил из ясака, а ясак в XVII в. был главной целью колониальной политики Московского государства.

В XVIII в. все это сильно изменилось. Как мы уже знаем, ясак перестал играть такую важную роль в политике царизма. С другой стороны (отчасти поэтому), во всем государстве со времени Петра I начала проводиться новая политика в отношении покоренных народов: правительство стало стремиться к их постепенному слиянию с русским населением, и в первую очередь принялось искоренять «языческие» верования этих народов и насаждать среди них православие. Это имело определенный политический смысл: путем обрусения покоренных народов, и прежде всего путем их христианизации, царизм пытался подавить в самом зародыше борьбу этих народов за свое освобождение.

Любопытно, что в XVII в. народы Сибири обычно назывались у русских *«иноземцами»* (их земли только еще завоевывались), а в XVIII в. их стали называть *«иноверцами»*, подчеркивая тем основное религиозное различие с русским населением. В XIX же веке, когда это различие исчезло,—большая часть была крещена,—народы Сибири стали называться *«инородцами»*.

Первым пришлось познакомиться с новой политикой царизма хантэ—остякам и манси—вогулам р. Оби, которых в силу специального указа Петра I, в 1712—1717 гг., массами крестил миссионер Филофей Лещинский, крестил в большинстве случаев насильственно.

Несколько позже начинается миссионерская деятельность и среди якутов. Около 1720 г. впервые начинают креститься некоторые якутские князьки, чего раньше совершенно не было: в этом году мы, например, находим в Кангаласской волости «новокрещеных князцов»—Бориса Матвеева Эртина и Павла Федорова Балгуева[1]. В 1731 г. была учреждена особая епархия (епископство) в Иркутске, и Якутия причислена к ней. Иркутский епископ Иннокентий (Нерунович) с необычайной ревностью занимался обращением «язычников» в христианство. Он дважды (в 1735 и в 1741 г.) сам приезжал в Якутию, назначал миссионеров и всячески старался распространять православие. Миссионеры не особенно полагались на силу своего убеждения, а больше действовали материальными средствами. Согласно императорским указам подвергающимся крещению полагалось давать подарки: медный крест, холщевую рубаху и штаны, шапку, сермяжный зипун, рукавицы, обувь; знатные же якуты при крещении получали серебряный крест, зипун из сукна и сапоги; крестившимся выдавались и деньги, от 50 коп. до 1 р. 50 коп. на человека; помимо этого принимавший крещение получал освобождение от ясака на 5 лет.

Все эти меры приводили к определенному результату. Число крещеных стало быстро расти. В 1764 г. в Якутию был назначен особый «веропроповедник», который должен был специально заботиться о крещении туземцев. Около этого же времени, с 1763 г., льготы новокрещенам были несколько изменены: подарки деньгами и вещами были отменены (кроме крестов), льгота по ясаку установлена в 3 года, но зато распространена на все повинности. Новокрещеный получал от священника особую квитанцию с правом передавать ее другому, если сам новокрещеный не платил ясака. Некоторые якуты этим пользовались довольно остроумно: человек кре-

стился и получал 3-летнюю льготу по ясаку и повинностям, потом крестил свою жену и получал за нее еще льготу на 3 года, после чего крестил сына и т. д., за каждого члена семьи освобождаясь на 3 года от повинностей.

Это, однако, имело свою обратную сторону; все эти повинности ложились увеличенным бременем на некрещеных, благодаря чему сеялись новый раздор и взаимная вражда в якутских улусах. Кроме того, и правительство ощутило дурные последствия своей политики: стало нехватать людей для ямской гоньбы. В 1767 г. названные выше льготы были несколько сокращены.

С 60-х годов XVIII в. крещение становится массовым. В Верхневилюйском зимовье, например, за 6 лет, 1768—1773 гг., было крещено 1 831 чел. Один миссионер за 2 года, объезжая волости по р. Алдану, крестил 838 чел. В концу XVIII в. оказалась крещеной добрая половина якутского населения. К середине XIX в. некрещеных якутов почти не осталось.

Таким образом, миссионеры, казалось бы, могли здесь похвастаться полным и довольно быстрым успехом, в отличие от некоторых других областей Сибири, например Алтая и особенно Бурятии, где дело подвигалось у них очень и очень туго. Но в действительности и тут, среди якутов, успех миссионерства был в сущности только видимый: переход якутов в православие совершался лишь формально. Иначе и не могло быть: ведь мы знаем, какими методами попы убеждали якутов креститься. Новой религии никто из якутов не понимал. От старой они и не думали отказываться. Правда, шаманов русские попы и полицейские власти нередко преследовали, и им приходилось совершать свои камлания не так открыто, как раньше. Но шаманы все же существовали, народ им так же верил, все прежние обряды и верования сохранились у якутов целиком. Они сохранились не только в течение XVIII в., но и позже—до XX в., до самой революции, а частью и вплоть до наших дней.

Конечно, мало-помалу христианские верования через проповедь попов, через церковь, позже через церковную школу стали проникать в якутскую массу, переплетаясь в сознании якутов с образами древних якутских божеств. Так, якутское доброе божество—Үрүн-Айыы-Тойон—приняло до известной степени черты христианского бога-отца. Злые духи—абаагы—слились в якутском религиозном сознании с христианскими бесами. Но все эти влияния были не слишком глубоки. Можно сказать, что под покровом

казенно-поповского православия в массе якутского населения до новейшего времени сохранилась древняя шаманская религия.

* * *

Со времени христианизации якутов их старые национальные имена начинают исчезать, заменяясь русскими именами и фамилиями. Имена давались священниками при крещении, а что касается фамилий, то новокрещеные очень часто получали фамилии своих «восприемников», каковыми были обычно русские чиновники, купцы, казаки и пр. Поэтому среди якутов и сейчас нередки такие фамилии, как Кривогорницын, Скрябин, Гоголев, Эверстов и др. Однако наряду с официальными «православными» именами у якутов обычно сохранялись и свои национальные прозвища, которые были в обращении только в среде самих якутов, а в официальные документы попадали очень редко.

Глава 11

РЕФОРМА 1822 г.

В начале XIX в., в первые годы царствования Александра I, во внутренней политике царского правительства стали обозначаться некоторые новые течения. Александр I, никогда не отказываясь от сохранения крепостнической основы государства и от самодержавной власти, в то же время поддавался влиянию кружка аристократии, замышлявшего ряд реформ государственного управления. Целью реформ было ввести хоть некоторый порядок в хаотическое состояние всей системы управления. Здесь было несомненное влияние со стороны буржуазной наполеоновской Франции; это влияние особенно усилилось после Тильзитского мира с Наполеоном (1807 г.). Сказывалось также и отраженное влияние росших в России буржуазных отношений. В период 1807—1812 гг. происходила разработка планов государственных реформ, которой руководил крупный государственный деятель М. М. Сперанский, разночинец родом (сын священника), выступавший в первый период своей деятельности сторонником буржуазно-либеральных реформ.

Фактически намеченные преобразования (кроме учреждения Государственного совета в 1810 г.) осуществлены не были. Возобладала реакционно-дворянская партия противников всяких реформ. Сперанский в 1812 г. был отставлен от дел и отправлен в ссылку. После победы над Наполеоном (1812—1815 гг.) царское правительство окончательно вступило на путь самой открытой реакции. Внутри страны стал насаждаться казарменный дух («аракчеевщина»), беспощадно преследовалась всякая свободная мысль. Во внешней политике Россия превратилась в «международного жандарма», душителя всякой революции (хотя эту роль Россия начала играть еще со времени Екатерины II).

Но и в России нигде не свирепствовал такой ужасающий произвол власти, как в Сибири. С самого появления в Сибири губернаторов (с Петра I) там установился режим полного своеволия этих представителей власти, режим совершенно бесконтрольного хозяйничанья чиновничества. Взятки, вымогательства, казнокрадство, хищения, полное бесправие насе-

ления—все это доходило в Сибири до небывалых размеров. Естественным следствием установившегося режима было обнищание коренного населения, постоянно повторявшиеся голодовки, нередкие случаи людоедства от голода среди местных племен (например в Туруханском крае, в Охотском крае).

Режим административного произвола дошел до своего крайнего развития при генерал-губернаторе И. Б. Пестеле (1805—1819 гг.). Последний сам и не жил в Сибири, а все управление передал своему любимцу Трескину, иркутскому губернатору. «Даже помещичий произвол никогда не достигал в России такого развития, как трескинский произвол в Иркутской губернии»,—говорит один из современников. Никакие жалобы не только со стороны коренного населения или крестьянства, но даже со стороны купечества не приводили ни к какому результату, кроме жестоких наказаний для самих жалобщиков.

Только после падения Пестеля, лишившегося могущественной протекции Аракчеева, правительство назначило наконец ревизию действий сибирской администрации. Ревизия была возложена на Сперанского, который к этому времени сильно поправел и забыл свой прежний либерализм. В 1819 г. он был назначен генерал-губернатором Сибири и выехал туда на ревизию.

Наделенный широкими полномочиями, Сперанский произвел чистку «авгиевых конюшен», как он выражался: он сместил и отдал под суд несколько десятков крупных чиновников; сумма денежных взысканий доходила до 3 млн. руб. Конечно, обнаружена была лишь незначительная часть всех преступлений, и наказано было ничтожное меньшинство виновных. Но произведенная ревизия убедила правительство в необходимости несколько изменить систему управления Сибирью.

По возвращении из Сибири Сперанский начал разрабатывать план реформы сибирского областного управления. Главной целью реформы было внести хотя бы некоторый порядок в управление и тем добиться того, чтобы Сибирь вновь стала приносить казне доход.

Для этого нужно было прежде всего ограничить произвол и злоупотребления чиновничества, от которых страдало не только туземное и русское население, но страдали и интересы казны. Одной из задач реформы было поэтому оградить туземное население от чиновничьего произвола, сохранить его как источник казенного дохода. И вот, одной из частей

сибирской областной реформы стал знаменитый «Устав об управлении инородцев» 1822 г. Этот «Устав» распространялся на все племена Сибири, в том числе и на якутов.

В сущности, «Устав об инородцах» не внес ничего нового в общественный и административный строй ни якутов, ни других народов Сибири. Он только закрепил и подтвердил тот порядок, который царское правительство и прежде старалось поддерживать. Необходимо указать на то, что самый «Устав» 1822 г. был выработан на основании тех сведений, которые по приказу Сперанского были собраны властями от самого туземного населения, точнее, от местной знати, от «родоначальников». Уже с 1819 г. начали собираться эти сведения—об обычаях, порядках, верованиях отдельных племен. Якутские тойоны, так же как и «родоначальники» других племен, подавали начальству свои донесения, освещая в них обычаи и общественный строй своего народа, конечно, со своей классовой точки зрения. На основе этих данных и был составлен «Устав», который, таким образом, только узаконил то, что требовалось туземной аристократии.

Согласно «Уставу»[1] «все обитающие в Сибири племена» разделялись «на 3 главных разряда»: 1) оседлые, 2) кочевые, «занимающие определенные места, по временам года переменяемые», 3) «бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» (§ 1). Якуты были причислены вместе с бурятами, алтайскими и минусинскими племенами, остяками и др. в разряд «кочевых инородцев», хотя в сущности их образ жизни мало походил на уклад настоящих кочевников.

Оседлых инородцев «Устав» уравнивал «в правах и обязанностях» с русскими крестьянами (или мещанами), а для кочевых (и бродячих) устанавливал особое общественное устройство, оставляя их целиком во власти их феодально-родовой знати. Занимаемые «кочевыми инородцами» земли закреплялись за каждым «поколением» (родом) с тем, что «подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям» (§§ 26—27). Для якутов тем самым вновь подтверждался тот земельный порядок, который был установлен после реформы 60-х годов XVIII в., и фактически узаконялся захват земли тойонами. При этом русским запрещалось самовольно селиться на «инородческих» землях (§ 31).

Порядок управления сохранялся прежний. «Инородцы

управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми,—гласит § 34,—из коих составляется их степное управление». «Кочующие управляются,—прибавляет § 35,—по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным». Таким образом, и для якутов и для других «кочующих» опять подтверждалась власть их правящей аристократии. В следующем, 36-м, параграфе оговаривается, что только крупные уголовные и политические дела должны судиться по общегосударственным законам, что, впрочем, было и раньше.

Для большей ясности в особых статьях подтверждалась незыблемость «почетных званий» местной аристократии: «§ 63. Все инородцы, носящие почетные звания между своими родовичами, как-то: князцы, тоены, тайши, зайсаны, шуленьги и пр., удерживают сие звание и пользуются теми почестями, какие в местах их жительства обычай и степные законы им предоставляют». «§ 64. Звание наследственное остается наследственным; звание избирательное остается избирательным». Впрочем, дворянско-самодержавное правительство не хотело уравнивать эту местную знать с «благородным» российским дворянством и потому особым параграфом (§ 67) оговаривало, что эти «почетные» инородцы не получают дворянских прав.

Самые органы управления были несколько перестроены, и у всех «кочевых» племен была введена одинаковая административная система. «Каждое стойбище или улус» с населением не менее 15 семей получали свое «родовое управление» во главе со «старостой» и 1—2 помощниками его «из почетнейших и лучших родовичей» (§§ 94—95). У якутов такие «родовые управления» были созданы по наслегам, причем прежний наслежный князец стал именоваться старостой. В улусах, объединявших каждый несколько наслегов, создавались «инородные управы», состоящие из «головы» и двух «выборных» (§§ 103—104). У якутов эти «улусные головы» существовали и прежде. Порядок замещения всех этих должностей был опять-таки оставлен прежний—наследственный или выборный, «по обычаям» (§§ 97, 106).

Инородная управа, согласно «Уставу», подчинялась русскому начальству—«земскому суду» (§ 157).

Раскладка всяких казенных и общественных сборов и повинностей была предоставлена этим органам туземного управления, так же как и разбор всяких внутренних дел.

Буржуазные историки хвалили «Устав» Сперанского за его якобы «гуманный» и «либеральный» характер. Как видим,

эта «гуманность» состояла лишь в том, что якуты и другие племена Сибири были вновь, как и прежде, отданы на полный произвол своей господствующей верхушке, за которой были вновь закреплены все ее права. Это было новое подтверждение политического союза царизма с национальной феодально-родовой знатью.

«Устав», как мы видели, не раз ссылается на «местные обычаи», по которым должны итти управление и вся жизнь племен Сибири. После утверждения «Устава» 1822 г. местное начальство получило предписание собрать и изучить эти «обычаи», чтобы провести в жизнь «Устав». Администрация Якутска опять начала запрашивать необходимые данные у населения, и тойоны в 1823 г. стали вновь подавать начальству свои сведения.

Эти «сведения» очень интересны, потому что дают яркую картину социального строя якутов начала XIX в., притом картину, нарисованную самими тойонами, разумеется, в своем освещении. Приведем из них несколько характерных выдержек[2].

В разделе 2 «О составе или образе управления якутов» говорится:

«Якутские общества образованы на следующем порядке:

1. Несколько семей, происходящих от одного родоначальника, заключая в себе мужеска пола от 30 до 50, 70, 100 и более душ, составляют особый род, который называется по имени родоначальника, от которого происходит, и над каждым таковым родом определяется старшина (значит, «род» стал у якутов просто административным делением!—*С. Т.*)

2. Из нескольких таковых родов, как то 2,3 и более, составляется наслег, заключающий в себе мужска пола от 100 до 1000 душ, который приемлет название старшего по происхождению рода, например: Кангаласского улуса в одном наслеге 3 рода, Малтанской, Маганинской и Безтятской, а наслег именуется Малтанским. Управляющий наслегом есть князец. Ныне по новому образованию и уставу об инородцах наслег именуется родовою управою (на самом деле в наслеге было «родовое управление».—*С. Т.*) а управляющий оным—старостой, что по непривычке якутов кажется для них неудобным и унизительным, потому более, что звания наслег и князь существуют с самых древних времен (это не совсем верно!—*С. Т.*) и в высочайше даванных якутским старшим родоначальникам грамотах именовались они всегда князьями»... (словом, тойоны были обижены заменой громкого титула «князец» прозаическим «старостой»).

3. Из нескольких наслегов составляется улус, которым управляет голова...» (и т. д.).

Раздел 3 «Об определении к должности» гласит: «Старшины и князцы выбираются наследственно (!) из детей и потомков старшинских и княжеских родов не на определенное время, преимущественно старшие противу младших, малолетство наследующего не препятствует к избранию его в должности, но до совершеннолетия оного, т. е. 20-летнего возраста, управляется род или наслег временно избранным родоначальником. В случае пресечения наследуемой линии или по совершенной бедности и неспособности оной к управлению родом выбираются в старшины и князцы из простых почетных и заслуживающих доверия родников». Далее говорится, что улусный голова «выбирается князцами и старшинами всего улуса из князцов, старших или почетнейших родников на каждые 2 года», и т. д.

Раздел 4 «О содержании степного управления» особенно интересен. В нем говорится, что так как князцы и улусные головы не получают от казны жалованья, то «по древнему обычаю общества дают деньгами и припасами князцам и головам по раскладке по мере их убытков (!)» и что это делается «добровольно» (!). Так сами тойоны подтверждали, что они взимают со своих подданных дань в свою пользу, как подобает настоящим феодалам.

Далее, очень любопытен раздел 11 «О формах землепользования». Из него мы узнаем, что, промысловые угодья в эту эпоху оставались в свободном общем пользовании, что рыболовные угодья, так же как и пастбища, считались принадлежащими наслегу, однако из пастбищных земель («летников») каждый мог огородить известную часть для пастьбы своего скота. Это право огораживать часть общинных пастбищных угодий, т. е. фактически захватывать общинную землю, широко использовалось тойонами и в более позднее время. Вполне понятно, что в излагаемом нами документе тойоны настаивали на этом, как на старинном якутском обычае. Тут же отмечали они и другой обычай, тоже применявшийся тойонами: «право» расчищать леса, осушать болота и озера и пр. и огораживать эти земли с тем, чтобы пользоваться ими в течение 10 лет (в действительности они захватывали эти земли на гораздо более долгий срок).

По поводу же сенокосных угодий в «сведениях» описывается известный уже нам, установившийся после 60-х годов XVIII в., порядок их распределения. Покосы делятся между «родниками» по числу «ясаков» или «поборов»: на

каждый «соболиный оклад» приходится по 12—9—6 остожий земли, на каждый «лисичный»—от 4 до 2 остожий. Поборы же делятся на 4—5 классов, «сопричисляя к 1-м богатых, 2-м средственно богатых, 3-м имеющих достаток небольшой, 4-м имеющих пропитывать себя безденежно, 5-м бедных; и сообразно сему и покосы делятся по мере пространства и количества мест». «Остожьями,—поясняют авторы «сведений»,—называются сенокосные места, на коих становится выкошенного сена 3, 9, 10, 11, 12 и 13 сажен». Далее подтверждается ненарушимость тойонских земельных прав: «При разделе покосов уважается древность владения предков, так что оные переходят от отца к сыну и т. д. в том количестве, в каком предки владели...» Подчеркивается право сдавать свою сенокосную землю в кортом (аренду) и в залог на срок не более 4 лет; это было тоже весьма важно для тойонов, которые таким путем, под видом аренды, захватывали помимо своих земель и участки своих неимущих сородичей, внося за них подати. В целом весь этот земельный строй уже тогда, в начале XIX в., как видно, привел к сосредоточению массы земель в руках кучки богатеев-тойонов.

Упомянем еще о чрезвычайно важном 26 разделе: «О содержании и пастбе скота». Князцы пишут в нем:

«В числе взаимных обязательств якутов есть главнейшее, общее и необходимо нужное как для богатых, так и для бедных: содержание скота, потому что средство сие дает способы первым (богатым) призирать и умножать скотоводство, последним на пропитание и оплачивание податей и повинностей. И так богатые... отдают бедным и посредственного состояния якутам определенное количество скота, а именно от 10 до 40 штук одному семейству, на 1 год с мая до мая же месяца другого года, за уплату условную и взаимно соглашенную... (деньгами и частью молоком от коров). За это содержитель, именуемый скотником, обязан все лето скот пасти, зимою кормить сеном, заготовленным на своих местах, к весне вывести тучным и здоровым, удои стельных коров, исключая отданных ему на пропитание, скопя в масле и кислом молоке, доставить хозяину скота осенью в октябре месяце, скота обеспечить от всякой гибели и траты...» и т. д.

Тойоны описывают здесь обычай, так называемый «хасаас», который и впоследствии сохранялся в якутском наслеге. По словам тойонов, этот обычай был одинаково выгоден и богачам и беднякам. В действительности это была форма жестокой эксплоатации тойонами труда бедноты. Пользуясь закабаленностью, бесправием, нищетой своих сородичей, тойоны навя-

зывали им на выпас свой скот, избавляя себя от всяких забот о нем, и за ничтожную плату требовали удоя и приплода, возлагая на «скотника» и ответственность за целость и хорошее состояние скота. Бедняки, темные и забитые, ведя полуголодное существование, готовы были считать это и в самом деле благодеянием со стороны тойона. Но когда, например, попавший в Якутию в ссылку Н. Г. Чернышевский столкнулся с обычаем «хасаас», ему сразу бросился в глаза его обманный эксплоататорский характер. «По самому простому расчету,—писал он в одном из своих писем,—сделка для последних (т. е. для берущих скот на выпас) явно убыточная, возможная только при полном отсутствии элементарной сообразительности. Я объясняю. Мои собеседники изумляются,—это не приходило им в голову: «А правда, ему большой убыток!»[3].

«Хасаас» был типичной формой эксплоатации в якутском наслеге в докапиталистическую эпоху. По существу это было то же самое, чем была испольная или отработочная аренда земли в русской докапиталистической деревне, т. е. остатком барщинного феодально-крепостнического хозяйства. Закрепощенный или полузакрепощенный крестьянин должен был, применяя свой труд и свой инвентарь, ухаживать за господским скотом (а там—обрабатывать господскую землю), получая за это небольшую часть продукта, иногда и небольшую денежную плату. Если сами тойоны в 20-х годах XIX в. объявляли «хасаас» «главнейшим» из «взаимных обязательств» якутов, это значит, что в эту эпоху феодально-крепостнический тип отношений полностью господствовал в якутских улусах.

Как раз в эти годы Якутию посетил иркутский чиновник Щукин, опубликовавший интересное описание быта якутов—«Поездка в Якутск» (2-е издание 1844 г.). Он пишет в этой книге, между прочим, о том, что скот является главным достоянием якутов, и что богачи имеют до 1 000 голов рогатого скота и лошадей. «А как для прокормления телят зимою нужно много корму, то бедные, за бездельную плату, все лето занимаются приготовлением сена. Крупный скот,—замечает тут же Щукин,—всю зиму ходит по лугам и, разгребая снег ногами, питается сухою травою»[4].

В этой же книге Щукин записал следующее свое наблюдение: «Плутни старшин (тойонов—*С. Т.*) довели якутов до крайности: они содержат бедных в совершенном рабстве, затрудняют им способы итти в город приобрести что-нибудь работою (вспомнить о системе «билетов», см. выше, стр. 124—125 —*С. Т.*), а чрез то делают их вечными своими работниками»[5].

Развитие феодально-крепостнического способа эксплоатации, очевидно, стояло в связи с тем, что старое рабство, сохранявшееся очень долго среди якутов, в начале XIX в. стало клониться к упадку, по крайней мере, в своей открытой форме. Правительство своими указами 1808, 1825 и 1826 гг. сначала ограничило, а потом и отменило рабство по всей Сибири. Среди якутов после этих указов рабство сохранилось только в скрытой форме (см. ниже, стр. 181—182).

В другом документе, поданном в то же время (25 авг. 1823 г.) головами 5 улусов и 2 волостей Якутского округа, мы находим между прочим одно очень характерное требование тойонов: просьбу о том, чтобы их именовали не «князцами», а «князьями»: «С самой глубокой древности,—писали тойоны,—якутские старшие родоначальники назывались князьями, как речь сия есть природная по происхождению нашему от татар, а не князцами, ибо в якутском слове речи князец нет и выговаривать оного не могут, а говорят князь. А из сего выходит, что сие звание есть у нас природное...». Ссылка на «глубокую древность» была здесь лишь хитростью со стороны тойонов: слово «князь» попало в якутский язык из русского, а в русских документах оно с самого начала встречается лишь в форме «князец». Но сама претензия тойонов на пышный титул «князь» интересна как показатель их растущего политического веса в данную эпоху[6].

Характерно, что в том же документе тойоны опять возобновляют ходатайство (содержавшееся еще в «Плане» Аржакова 1789 г.)—иметь своего выборного «областного голову».

Нам осталось еще прибавить, что подачей сведений в 1823 г. о своих обычаях, повинностях и пр. тойоны воспользовались также и для того, чтобы переложить часть платежей, и без того не слишком их обременявших, со своих плеч на плечи менее обеспеченных соулусников. По вычислениям исследователя Левенталя, сразу же после подачи тойонами в 1823 г. сведений платежи «1-го класса» (тойонов) резко уменьшились (приблизительно вдвое), а платежи «5-го класса» (бедноты), а отчасти и других низших классов несколько увеличились[7].

Словом, реформа 1822 г. во всех смыслах послужила для тойоната средством для его дальнейшего и экономического и политического усиления.

Глава 12

«СТЕПНАЯ ДУМА» (1825—1838 гг.)

На основе представленных якутскими тойонами сведений Иркутское губернское правление утвердило 20 октября 1825 г. правила по применению «Устава» 1822 г. к якутам. В этих «правилах» содержались, между прочим, такие установления, которые, вытекая из требований и интересов тойонства, оказали существенное влияние на общественную жизнь якутов.

Одним из важнейших пунктов «правил» было введение у якутов так называемой «Степной думы». Это было учреждение, предусмотренное «Уставом» 1822 г. в качестве высшего из органов «инородческого управления», причем оно должно было вводиться только у народов, у которых родо-племенные деления были взаимно достаточно связаны («Многие роды, соединенные в одну общую зависимость..., имеют свою Степную думу»,—гласит § 114 «Устава»). Таким были, например, забайкальские буряты. У якутов Степной думы первоначально не предполагалось вводить, и высшими органами «инородческого управления» у них были улусные «инородные управы», непосредственно подчиненные русским полицейским властям (нижнему земскому суду).

Теперь же, очевидно, по особым ходатайствам тойонов, решено было создать якутскую Степную думу. 27 января 1827 г. в Якутске было объявлено об ее учреждении. В феврале состоялись выборы членов Степной думы, 11 марта дума была объявлена открытой.

Что же это было за учреждение, из кого оно состояло, в чем была его деятельность, и какую сыграло оно роль?

Якутская Степная дума состояла, по положению, из «главного родоначальника», из 6 (а позже из 7) «временных заседателей», по одному от каждого улуса Якутского округа, и из стольких же «непременных заседателей», которыми были по должности головы тех же улусов. Главный родоначальник избирался на 3 года, «временные заседатели» должны были перезбираться ежегодно.

На должность главного родоначальника оказался избранным борогонский улусный голова Иван Мигалкин, вре-

менными заседателями—представители улусов: Кангаласского—старшина Василий Павлов, Батурусского—староста Иван Артемьев, Намского—староста Кузьма Прокопьев, Дюпсюнского—староста П. Васильев, Баягантайского—старшина Алексей Калининский, Мегинского—старшина Яков Берзин. Все это были представители знатнейших тойонских фамилий, цвет якутской аристократии. Тойонско-аристократический состав и характер Степной думы сказался и во всей ее деятельности[1].

По положению, Степная дума была подчинена непосредственно только областному начальнику (губернатору), в денежных делах—областному правлению. Низшим полицейским и другим органам, земскому суду и т. п. Степная дума совершенно не была подчинена. Здесь исполнялось, следовательно, давнее и заветное желание якутского тойонства—как можно меньше зависеть от местной русской власти.

Функции Степной думы были, правда, довольно ограничены. Согласно правилам, она должна была заботиться об исчислении населения, ведать раскладкой сборов (не имея права назначать какие-либо сборы сама), учетом средств и имущества местных обществ, заботиться о распространении земледелия и ходатайствовать перед высшим начальством о нуждах своих сородичей. Вот и все.

Но одна из перечисленных обязанностей—раскладка сборов—заняла чуть не все внимание думы, так как с этим было ведь связано распределение земли (см. выше, гл. 9), ставшее уже давно самым больным вопросом якутской жизни.

Ввиду установившейся связи землепользования с ясачным обложением, борьба за землю, которая шла в якутских улусах, не прекращаясь, стала принимать довольно любопытную форму: люди добивались включения в ясачный оклад и боролись против исключения из ясака. Каждый хотел платить ясак, ибо это значило иметь право на земельный надел. Слово «объясачить» стало употребляться в смысле «дать землю».

Русская администрация еще раньше была обеспокоена тем, что в связи с обеднением части коренного населения Сибири падает количество ясака и других сборов. И если для «бродячих» (охотничьих) племен причины этого обеднения заключались в хищническом истреблении пушных богатств края, то для якутов они заключались прежде всего в росте числа безземельных бедняков, с которых нечего было брать. В самом деле, администрацию не могли не тревожить такие, например, цифры: в 1824 г. в 7 улусах Якутского

округа считалось всего 40 437 ревизских душ, но из них «поборных» (т. е. способных нести повинности) считалось только 14 341; это значит, 65% всего населения не было в состоянии что-либо платить казне по крайней бедности[2]. Поэтому администрация не раз указывала якутским «родоначальникам» на необходимость как-то перераспределить землю, чтобы наделить ею безземельных, введя их тем самым в ясак. Теперь, с организацией Степной думы, иркутский генерал-губернатор Лавинский и якутский областной начальник Мягкий стали очень настойчиво убеждать эту последнюю в желательности каких-то шагов в смысле более равномерного распределения земли[3].

Тойонская Степная дума оказалась в затруднительном положении. Она вовсе не хотела ссориться с русским начальством, но она никоим образом не могла согласиться на уравнительное перераспределение земли: для тойонского «класса» это значило бы добровольно отказаться от самой основы своей силы и богатства.

Степная дума нашла выход из положения. Она решила сделать вид, будто добросовестно старается выполнить требование о перераспределении земли, а на самом деле саботировать это дело. Уже весной 1827 г. дума разослала по всем улусам предписания немедленно же на общих собраниях произвести по общему согласию родовичей первых трех классов новое распределение ясака и земли, составить новые списки плательщиков и владельцев земли и представить их в думу в 2 экземплярах к 20 июня.

Но, очевидно, вместе с этим строгим предписанием Степная дума частным образом довела до сведения улусных властей, что слишком большая исполнительность с их стороны была бы нежелательна. А может быть, улусные и наслежные власти и сами прекрасно знали, что тойонская дума не может строго требовать исполнения подобных предписаний. Так или иначе, а только ни к 20 июня, ни ко второму сроку — к январю 1828 г., ни летом этого года требуемых новых списков Степная дума не получила. Она не получила бы их, вероятно, и позже, но тут неожиданно появилось новое обстоятельство, заставившее якутскую знать хотя бы для формы что-то сделать с переобложением. Этим новым обстоятельством был приезд летом 1828 г. в Якутск правительственной ясачной комиссии, с требованиями которой тойонам приходилось считаться.

Эта ясачная комиссия (вторая; первая была, как мы знаем, в 60-х годах XVIII в.) была частью мероприятий, которые

проводило правительство для проверки введения в действие «Устава» 1822 г. и для переобложения в связи с этим туземных племен Сибири ясаком и другими сборами. Ясачных комиссий было две: одна для Западной, другая для Восточной Сибири. Они были созданы в 1827 г. и приступили к работе в 1828 г.

Главной задачей ясачных комиссий было добиться повышения собираемых с народов Сибири сумм. Это видно из того, что в результате работ комиссий обложение «кочевых и бродячих инородцев» Сибири действительно сильно возросло: со 146 тыс. руб. до 525 тыс. руб.[4]

Поэтому по приезде в Якутию ясачной комиссии родоначальникам пришлось уже для нее, а не для Степной думы проделывать процедуру перераспределения земли и повинностей. Каким же образом была ими выполнена эта задача?

Начальник области Мягкий, с необыкновенной доверчивостью относившийся ко всему, что говорила и писала ему Степная дума, донес в Иркутск, что по представленным ему думой сведениям якутами с 1825 до 1828 г. проведено значительное перераспределение земли и повинностей, в результате чего якобы «владеемые ими 34 341 покосное остожье, которыми до 1825 г. наделены были всего 14 341 душа, теперь перераспределены между 30 808 душами»; если это было так, то выходило, что число владевших землею и несущих все повинности более чем удвоилось[5]. В таком случае положение масс якутской бедноты действительно должно было улучшиться.

Однако это было не так. Исследователь этого вопроса, Левенталь, совершенно справедливо сомневается в добросовестности представленных в Степную думу и ею переданных областному начальству сведений. Самое увеличение числа наделенных землей было не таким значительным, ибо приведенные выше данные 1825 г., взятые начальством для сравнения, были сильно преуменьшены: многие плательщики до 1826 г. числились не самостоятельно, а в окладах своих старших родственников (в 1826 г. число наделенных землей считалось в 17 529 душ). Кроме того, в тех случаях, когда в 1828 г. действительно были наделены землей родовичи 3-го и 4-го класса, это наделение было сделано за счет главным образом не 1-го класса, т. е. не тойонов, а 2-го класса. Произведенные Левенталем[6] цифровые расчеты показывают, что «в большинстве обществ первый класс (тойонат.— *С. Т.*) и на этот раз ничем не поступился из своих земель,

и в лучшем случае отделался лишь небольшой прибавкой к своим платежам»[7].

Надо прибавить к этому еще то, что родоначальники благоразумно умалчивали (во всяком случае до нас это не дошло) о том, сколько же земли и какой земли было теперь передано бедноте. Само количество вновь наделенных землей еще ровно ничего не говорит, ибо ведь можно было выделить бедняку клочок никуда негодной земли, вдобавок расположенной за десятки или сотни километров от жилья,—а такой земли пустовало много,—и уже можно было доносить о «наделении» родовича землей. А мы хорошо знаем, что такие явления происходили сплошь и рядом и в то и в более позднее время. «По отдаленности и по неурожаю отведенного мне родовым управлением места, равно и по бедному состоянию моему,—писал, например, один бедняк в Мойрутское родовое управление Мегинского улуса в 1837 г.,—не в силах уплачивать казенные повинности...»[8]

Итак, тойоны и их орган—Степная дума—после короткой тревоги вышли сухими из воды и не сделали никаких уступок в важнейшем для них вопросе—в землепользовании. Безземельная беднота в улусах оставалась, и положение ее не улучшилось. «Известно и инородной управе,—доносило, например, Мойрутское родовое управление в 1832 г.,—что по списку оказывается ныне 214 ревизских душ, находящихся без ясашного окладу, кои не от притеснения общества, а *от недостатка мест* (у тойонов этих «мест» было больше чем достаточно!) остаются до разрешения высшим начальством нового ясака, обложенного (т. е. наложенного.—*С. Т.*) известною ясачной комиссией бывшею в Восточной Сибири...»[9]

Однако скоро родоначальникам вновь пришлось заняться переобложением и перераспределением земли. В 1835 г. ясачная комиссия после семилетней работы, наконец, закончила выработку нового обложения народов Сибири. По этому случаю якутский областной начальник предписывал (5 ноября 1835 г.) Степной думе распорядиться по всем улусам, «чтобы все вообще инородцы необидно и уравнительно были введены на владение покосными местами, и на сей конец составить особую ведомость, в которой обозначить всех инородцев, долженствующих по-наслежно платить новый ясак, и какое число земель или остожьев назначается во владение каждому инородцу сообразно платимому им ясаку, а естли и за тем будут оставаться инородцы без надела землями, то почему лишаются они на то права»[10].

Получив это предписание, тойоны, вероятно, были очень раздосадованы. Опять приходилось начинать возню с «переделами», изобретать способы соблюсти видимость «уравнения», сохранив на деле землю у себя. Сама Степная дума по этому поводу приняла (12 февраля 1836 г.) чрезвычайно длинное, туманное и ничего не говорящее постановление, ссылаясь и на «Устав» 1822 г., и на прежние решения, и на желания обществ и пр. Смысл же постановления состоял в том, что самим обществам следует предоставить разделиться на 2 или на 3 класса, а 4-й и 5-й классы освободить от платежей, отобрав у них, конечно, и землю[11].

К сожалению, на этот раз мы не знаем, каков оказался результат требуемого перераспределения земли (соответствующие архивные материалы еще никем не обработаны), но можно думать, что тойонство и на этот раз сумело защитить свои интересы. По крайней мере, известно, что хотя передел в 1836 г. действительно был произведен, но споры о неправильном наделении, недовольство, борьба за землю не прекращались и в последующие годы. Известно и то, что при переобложении и в этот раз учитывались «наследственные права» на покосные угодья: люди получали в надел земли, которые считались «принадлежащими» им, как выражаются некоторые документы, «по связи родства бывших предков». Тойоны, следовательно, опять не пострадали. Положение же бедноты, как мы еще в дальнейшем увидим, не улучшилось.

Вернемся, однако, к Степной думе. Наряду с земельными и ясачными делами дума занималась и рядом других дел.

Степной думе, например, было поручено принять меры к подысканию на окраинах области пустых территорий, пригодных для расселения там якутов, с целью разредить население в центральных улусах. Это дело взял на себя главный родоначальник Иван Мигалкин с одним из членов думы. В 1828 г. последними была снаряжена целая экспедиция на Охотское побережье, на Гижигу и на Яну для приискания и описания незанятых земель. Посланы были сын самого Мигалкина, Спиридон, и бывший борогонский старшина В. Колесов с «пристойным числом слуг».

Но работы этой экспедиции приняли довольно неожиданный характер. «В начале декабря 1828 г.,—говорит исследователь этого периода Левенталь,—охотский исправник Валь был уведомлен, что несколько якутов разъезжают по стойбищам и промысловым местам охотских тунгусов, где производят недозволенный торг спиртом, порохом и свинцом, картами, табаком и другими товарами —в обмен на пушнину...»

Отправившись на место, исправник действительно застал там эту незаконную торговлю, секвестровал товары и арестовал торговца, которым оказался не кто иной, как тот же В. Колесов.

Другие участники «экспедиции» были тоже уличены в неразрешенной торговле с тунгусами. Произведенное в 1830 г. расследование установило, что «под предлогом споспешествовать общей пользе всех якутов главный родоначальник Н. Мигалкин разослал своих доверенных с товарами на многих вьючных лошадях в такие тунгусские стойбища, куда ранее не могли проехать якутские торговцы. В числе товаров были и строго запрещенные: порох (до 5 пуд.) и спирт (до 6 ведер), а сверх этого—$1^1/_2$ вьюка табаку (8 п. 10 ф.), $1^1/_2$ пуда байхового чаю, 3 пуда сахару, $^1/_2$ вьюка свинцу (2 п. 30 ф.), бисер и корольки, карты, алое сукно, шелковые и ситцевые платки и т. п.». Далее выяснилось, что в особом письме Мигалкин «просил оказать всякое содействие его поверенным, уведомлял о якутских ценах на пушнину и просил таковую присылать к нему». Наконец было установлено, что члены «экспедиции»—проще говоря, торговые агенты тойона,—«ссылаясь на письмо Мигалкина и разрешение якутского областного начальника», «требовали и брали от тунгусов убойных оленей для своего продовольствия и ездовых—для своего проезда, а у всех вообще инородцев по пути вымогали пожертвования на расселение здешних якутов».

Когда это неслыханно скандальное дело вполне раскрылось на заседании охотского окружного суда (где, кстати, обнаружилось, что полицеймейстер Валь и другие русские чиновники, «секвестровав» найденные товары, попросту присвоили их себе), этому суду ничего не оставалось другого, как подвергнуть виновных суровому наказанию: главный родоначальник Мигалкин был отрешен от должности и подвергнут лишению свободы и штрафу, а прочие виновные были наказаны плетьми (по 20 ударов) и отданы под надзор местного начальства[12].

Одновременно разыгрался и другой скандал: Степная дума, выпросив разрешение на посылку депутации в Петербург для ходатайств о своих нуждах (по случаю восшествия на престол нового императора), устроила сбор средств на эту поездку. Средства собирались целых 2 года,—1830—1831, и собранными числилось более 20 тыс. руб. Однако из этих денег в Думу поступило только 8 164 руб. $73^1/_2$ коп., остальные растеклись где-то по пути от плательщиков к организа-

торам сбора. Но и из поступивших 8 тыс. палицо при проверке оказалось всего 180 руб. 50 коп., да кос-какая пушнина. 7 834 руб. с копейками были расхищены самими членами думы: Старостиным (3 426 руб. 61 коп.), Рыкуновым (1 980 руб. 13 ½ коп.), Мигалкиным (1 000 руб.) и др. Дума по этому поводу вела с улусами длинную путаную переписку, но шила в мешке утаить было нельзя: факт самой наглой растраты общественных сумм был палицо[13]. Посылка депутации, конечно, не состоялась.

Из Иркутска была прислана следственная комиссия, которая уже весною 1831 г. пришла к заключению о необходимости уволить с должностей всех без исключения якутских родоначальников, что и было сделано. В дальнейшем была обнаружена прикосновенность ко всем этим безобразиям и русской администрации. Областной начальник Мягкий,—бывший действительно уже слишком «мягким» к тойонской думе,—был отозван из Якутска, несколько чиновников было уволено [14].

К сделанному нами здесь краткому очерку «деятельности» якутской Степной думы—этого высшего органа тойонского управления—едва ли что нужно прибавлять. Ее характер как органа эксплоататорского класса выступает без всяких прикрас. Интересно лишь, перейдя от дел Степной думы к ее желаниям и стремлениям, рассмотреть с этой целью один документ—проект ходатайства, которое имелось в виду представить царю во время предполагавшейся в 1830 г. поездки депутации от Степной думы в Петербург. О чем же тойоны хотели просить царя? Куда были направлены их помыслы?

В проекте имеется 7 пунктов:

«1. Дозволить учредить уездную школу с пособием от казны» (тойоны уже узнали важность грамотности и непрочь были дать своим детям образование).

«2. Позволить отлучаться якутам далее 500 верст от своих жилищ по билетам родовых управлений или инородных управ, а не по разрешению земского суда» (вполне понятное нежелание тойонов делиться своей властью над улусным населением с русской полицией).

«3. Третьей степенью словесного суда признать Степную думу вместо земского суда» (то же).

«4. Утвердить степные законы в том виде, как они были выработаны в Иркутском комитете при участии якутских представителей» (т. е. в тойонской редакции).

«5. Навсегда утвердить за якутами отвозку казенной

кладн и предоставить им самим содержать станки» (мы знаем из главы 9, как выгодны были тойонам эти перевозки).

«6. Чтобы для ревизии дел в инородных управах выезжали не чины земского суда раз в 2 месяца, а чиновники, командируемые от областного правления, и только раз в год» (стремление к максимальной бесконтрольности).

«7. Чтобы излишне имеющиеся у г. Якутска места были отданы якутам» (тойоны их распределили бы по-своему) [15].

Так программа требований Степной думы оказывалась чисто классовой тойонской программой.

Могла ли такая дума рассчитывать на популярность среди якутского населения? Могли ли якуты видеть в ней защитника общенациональных интересов перед царской властью? Конечно, нет. К своему народу Степная дума имела только то отношение, что с народа шли деньги на ее содержание, которое стоило более 4 тыс. руб. в год. Добавочные поборы,—вот что видела якутская масса от Степной думы.

В глазах русской администрации последняя тоже себя скомпрометировала вконец своими темными аферами. Выдвинутое несколько позже (в 1835 г.) ходатайство вилюйских якутов создать и в их округе свою Степную думу (Якутская дума объединяла только Якутский округ) встретило отказ администрации, а вскоре было решено ликвидировать и якутскую Степную думу. В 1838 г. она была закрыта по распоряжению Главного управления Восточной Сибири [16].

Так бесславно окончила свои дни одна из самых любопытных организаций, созданных якутским тойонством для защиты своих классовых интересов.

Глава 13

ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЯКУТИЮ

С середины XIX в. в хозяйственной жизни якутов начали обозначаться некоторые новые явления, несколько видоизменявшие старый патриархально-натуральный уклад. Эти перемены стояли в связи с развитием в самой России капиталистических отношений.

В 40-х годах на юге Якутской области и в соседних с ней районах—на Олекме и на Витиме—было обнаружено золото. Началась довольно энергичная разработка его: нахлынули старатели и золотопромышленники. За 4 десятилетия, с открытия приисков до 1884 г., здесь было намыто 7 500 пуд. золота, позже добывалось по 400—600 пуд. в год.

Для якутов это обстоятельство имело очень важное значение, особенно для олекминских якутов: вместо прежней глухой и пустынной тайги неподалеку от них появился оживленный промышленный район с многочисленным рабочим населением. Для них это был прежде всего неожиданно выросший близкий и выгодный рынок.

Прииски снабжались частью из Иркутска—грузы спускали на «паузках» или «карбазах» по Лене. Но отчасти грузы—сено, масло, мясо, рыба—шли туда как раз из Якутии, из Вилюйского, Якутского, но особенно, конечно, из ближайшего Олекминского округов.

Поставка на прииски товаров, а также перевозка их туда скоро стали важными доходными статьями олекминских богачей.

Насколько существенное значение получила эта доходная статья, можно видеть из того, что, например, за 1894 г. из Якутской области на витимо-олекминские прииски было вывезено товаров более чем на 1 млн. руб., в том числе 150 тыс. пуд. мяса, 2 700 пуд. рыбы и т. д.[1]

Все это чрезвычайно доходное дело целиком забрали в свои руки олекминские тойоны. Они брали подряды у приисковых управлений на доставку грузов и организовывали эту доставку, вербуя из числа своих родовичей нужное количество возчиков. Так, например, в 1893 г. в Олекминском округе

числилось 26 подрядчиков—якутских тойонов. Каждый из них имел от 20 до 47 возчиков. Из этих 26 подрядчиков 9 доставили более 5 тыс. пуд. грузов каждый, а 3—более 10 тыс. пуд. каждый. Выгодность этого дела видна из того, что по примерным подсчетам все подрядчики получали в год прибыли до 80 тыс. руб.[2]

Рядовая же масса якутов участвовала в этом деле своим личным трудом. Приведенные выше цифры позволяют думать, что значительная часть «инородческого» населения Олекминского округа ездила возчиками на прииски. Поездки

Работы на Олекминских приисках (конец XIX в.)

совершались зимой и отнимали (туда и обратно) несколько больше месяца. Но было бы неверно думать, что на этом извозном промысле бедняк что-нибудь зарабатывал: путевые расходы, харчи, износ инвентаря, частая гибель лошадей от плохих дорог—все это обходилось очень дорого (по подсчету—около 72—73 коп. с пуда клади), получал же возчик от подрядчика 85 коп. за пуд, но из них только 30 коп. деньгами, а остальные—товарами из хозяйской лавки, которые отпускались всегда по повышенной расценке. Поэтому только в самых благоприятных случаях возчик оправдывал свой расход, а чаще оставался в долгу у подрядчика. Казалось бы, зачем было якутской бедноте продолжать заниматься этим

невыгодным промыслом? Но в том-то и дело, что, раз попав к тойону-подрядчику в долговую кабалу, бедняк уже не мог из нее выбраться: долг надо было отрабатывать, и разорительные для бедноты перевозки продолжались[3].

Таким образом, близость золотопромышленного района содействовала превращению олекминских тойонов в класс крупных предпринимателей-капиталистов, а улусной массы — в закабаленных полупролетариев.

«Шитики» с товарами на р. Лене (середина XIX в.)

В других районах, в коренных якутских улусах, вдали от крупных рынков, столь быстрого развития предпринимательства не было. Однако и здесь действовали факторы, разлагавшие натуральный уклад и содействовавшие внедрению денежного хозяйства.

Якуты коренных улусов тоже были затронуты перевозками. Еще с XVIII в., как мы уже знаем, начались крупные перевозки в Охотск. В начале XIX в. выяснилось, что Охотск в качестве порта менее выгоден, чем лежащий южнее на том же побережье Аян. Около середины XIX в. был проложен Аянский тракт, куда переселили сначала несколько семейств

якутов, а потом русских крестьян. Но здесь грузы шли бо́льшую часть пути, от Нелькана на р. Мае до Якутска, водой, и, следовательно, гужевые перевозки не были велики. Гораздо важнее был Верхоянский тракт: доставка грузов по нему давала якутам Борогонского, Дюпсюнского и Баягантайского улусов до 12 тыс. руб. в год (в конце XIX в.)[4].

В середине XIX в. делается заметным и развитие якутского торгового капитала. Складывался он по-разному, но одним из главнейших путей его возникновения был обычай так называемого «городничества».

«Городчиками» назывались люди, ездившие по делам из улусов в город (Якутск) и бравшие за плату от соулусников те или иные поручения—продать, купить что-либо и т. п. Так как в Якутии расстояния огромны, дороги тяжелы, население разбросано, то бедняки обычно не имели возможности сами ездить в город и тем охотнее поручали своим более зажиточным сородичам те или иные рыночные операции. За поручение взималась определенная плата—обычно 1 руб. с пуда клади. Но кроме этого «городчик» всегда имел возможность использовать разницу цен и так или иначе заработать на самой продаже или покупке. Бывая постоянно в городе, «городчики» завязывали там коммерческие связи и постепенно начинали подторговывать привозимым товаром у себя в улусах. Так из «городчика» вырастал мелкий купчик, ведший торговлю сначала на чужие, а потом и на свои деньги.

Нередко таким путем пускались в торговлю родовитые тойоны, но зачастую было так, что рядом со старым аристократом-родоначальником появлялся неродовитый, вышедший из низов, разбогатевший на разных подрядах и спекуляциях, торговец. Так наряду с древней феодальной знатью формировалась новая, торговая.

Большое значение для роста якутской торговой буржуазии имела торговля с тунгусами. Эти таежные охотники давно уже зависели от рынка, русские купцы давно держали их в кабале. Но чем дальше, тем больше в торговых делах с тунгусами стали участвовать и якутские купцы.

Мы говорили в предыдущей главе о торгово-разведочной экспедиции агентов тойона Мигалкина в 1828 г. к охотским тунгусам. Эти купцы-разведчики пробрались в такие таежные дебри, куда еще не знали дороги якуты. Но уже в 1844 г. путешественник Миддендорф нашел, например, только на северном склоне Станового хребта 25 якутских купцов с 80

«приказчиками и полуприказчиками», которые вели торговлю с тунгусами. Они привозили в горную тайгу товары на 700 оленях, и часть из этих оленей тоже шла на продажу тунгусам. У тунгусов на эти товары они скупали пушнину. Скупали ее обычно за бесценок, пользуясь для этого испытанными способами: закабаляли охотников раздачей товаров в кредит и спаивали их спиртом. Впрочем, из всех этих купцов Миддендорф нашел только трех самостоятельных (торговавших мехами «собственно от себя»): Васина, Стручкова и Новгородова, остальные были в сущности агентами более крупных торговцев[5].

Якутские купцы пробирались всюду, где тунгусы, ламуты и юкагиры промышляли зверя: они скупали пушнину в верховьях Алдана и на Охотском побережье, на Индигирке и Колыме, на Оленке и Анабаре и далее на запад, вплоть до Хатанги и Нижней Тунгуски. Якутские колонии были обнаружены во всех этих местах, и почти везде они состояли не из трудового, а из хищнического элемента: это были главным образом торговцы пушниной.

Развитие торговли и денежного хозяйства приводило к созданию очень крупных состояний. Появлялись богачи-тойоны, денежные капиталы которых составляли десятки и сотни тысяч рублей. Примером может послужить умерший в 70-х годах XIX в. голова Западно-Кангаласского улуса Александр Никифорович Гермогенов. Этот тойон получил в наследство от отца до 100 тыс. руб. деньгами, до 1 тыс. голов лошадей и рогатого скота. Он вел знакомство с высшей администрацией области, бывал у губернатора, у епископа Иннокентия и принимал их у себя. Он щедро раздавал нужным людям взятки. В оставшейся после его смерти книге записей выданных сумм отмечены дававшиеся им взятки: полицеймейстеру и исправникам—2 762 руб., губернаторам—1 798 руб., духовенству— 1 605 руб., разным чиновникам— 1 016 руб., заседателям—555 руб., женам и нянькам (!) чиновников—335 руб. и т. п.[6] Можно назвать еще такого богача, как голова Восточно-Кангаласского улуса Филипп Иванович Лепчиков, оставивший после своей смерти 600 тыс. руб. капитала и тоже бывший в близких отношениях с губернатором Штубендорфом и т. д.[7]

Откуда брались эти огромные состояния? Они выколачивались тем или иным способом из якутской и тунгусской бедноты. Это не могло не вести к дальнейшему обнищанию последней и к углублению классовых противоречий.

Середина XIX в. ознаменована и еще одним новшеством

в якутской экономике, которое, впрочем, имело гораздо меньшее значение. Это—начало развития земледелия.

До половины XIX в. земледелие в якутской области существовало только у русских. С 1850 г. областная администрация начинает принимать меры к введению его в хозяйстве якутов. Стремление насадить в Якутии хлебопашество было вызвано прежде всего тем, что новый промышленный Витимо-Олекминский район стал оттягивать к себе часть того хлеба, который до этого шел из Прибайкалья и с верховьев Лены в Якутию. Сама по себе эта мера могла бы быть полезной для хозяйственного развития области, но по обычаю царского чиновничества это делалось чисто бюрократическим способом: каждому улусу, каждому наслегу предписывалось засеять столько-то десятин. Из этих попыток, естественно, ничего не вышло: до самого конца XIX в. земледелие (хотя для его развития позже появились более сильные стимулы, о которых мы скажем ниже) существовало у якутов в ничтожных размерах. Только в Олекминском округе, где якуты вообще немногим отличались от русских крестьян, земледелием занимались более широко. В других местах, хотя якуты нередко сеяли в небольших количествах ячмень, хозяйство оставалось целиком скотоводческим.

Глава 14

ЯКУТИЯ—СТРАНА ЦАРСКОЙ ССЫЛКИ

«Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый;
Лишь раз иль дважды в круглый год
С толпой преступников усталой
Дружина воинов придет...»

Так описывал Якутию поэт-декабрист Рылеев в своей поэме «Войнаровский». Так воспринимало эту отдаленную страну русское образованное общество в XIX в., а отчасти и вплоть до 1917 г. В самом деле, царское правительство, утратившее к этому времени значительную долю интереса к Якутии как к колонии для выкачивания сырья, воспользовалось ею в других целях. Бескрайние таежные дебри, отдаленность от культурных центров, суровый климат, забитое и культурно-отсталое население—все это оказалось вполне подходящими условиями для того, чтобы превратить Якутский край в место ссылки, в огромную «тюрьму без решеток и засовов», тюрьму, откуда бежать казалось невозможным.

Для якутского народа царская ссылка послужила важным фактором, наложившим отпечаток на его дальнейшие судьбы.

Хотя еще в XVII в., по Уложению царя Алексея 1649 г., правительство начало ссылать «на житье на Лену» некоторых осужденных (туда сосланы были участники «медного бунта» 1662 г., стрельцы после мятежа 1698 г. и пр.), однако до XIX в. ссыльных в Якутии было мало. В XIX в. ссылка в Якутскую область приняла широкие размеры и стала проводиться царизмом систематически.

Подавляющее большинство всей вообще ссылки составляли уголовно-ссыльные. По установленному порядку уголовно-ссыльные, после того как их привозили сплавом по р. Лене на особых грузовых «паузках», как товар, в Якутск, распределялись по якутским улусам на житье. На якутов была возложена чрезвычайно обременительная повинность—содер-

жать этих ссыльных, так как им не полагалось от казны никакого пособия. Якутское «общество» должно было снабдить каждого вновь присланного к ним ссыльного одеждой и обувью, скотом, инвентарем и деньгами на обзаведение хозяйством и сверх того предоставить ему из своей земли 15-десятинный надел. Каким тяжелым гнетом ложилась на якутов эта повинность видно из того, что уголовно-ссыльных были не десятки и не сотни, а тысячи. В 1880 г. в Якутской области насчитывалось всего 4 470 уголовно-ссыльных (вместе с добровольно прибывшими за ними), а в конце 1890-х годов 6 192 чел.[1]

Особенно трудно было якутам выделять для ссыльных надел удобной земли, так как у них самих ее было мало. Они предпочитали поэтому принимать ссыльных на полное свое иждивение. Ссыльные тоже охотнее шли на это, так как большинство их составляли люди, давно отбившиеся от всякого производительного труда. По имеющимся статистическим данным, количество уголовно-ссыльных, действительно занявшихся в Якутской области сельским хозяйством, было ничтожно: вся их запашка, например в 1873 г., составляла 150 десятин.

Еще охотнее якуты просто старались отделаться от непрошенного гостя, дав ему от общества отступные—несколько десятков рублей,—чтобы он перешел в другой улус. В последнем нередко повторялась та же история, и ссыльные долго бродяжили таким образом, продолжая тем самым вести жизнь, привычную для них и до ссылки.

Но уголовно-ссыльные составляли обузу для якутов не только тем, что требовали материальных затрат. Появление этого уголовного элемента в якутских улусах означало, кроме того, и рост числа преступлений, пьянства, воровства, грабежей, насилий, убийств.

Часть уголовных попадала рабочими на прииски, но и тут заработанные деньги чаще всего шли лишь на пьянство.

Надо, однако, сказать, что в число уголовных ссыльных попадали и крестьяне, осужденные за участие в массовых выступлениях против помещиков. Правительство умышленно причисляло их к уголовным.

В несколько особом положении оказалась религиозная ссылка. Еще в XVII в. на Лену было сослано немало раскольников-старообрядцев, которые составили небольшое, но устойчивое ядро русского населения Якутии. В 1860 г. правительство начало ссылать в Якутскую область скопцов. Ежегодно стали прибывать в Якутию партии в несколько

десятков ссыльных скопцов, и уже в 80-х годах число их по всей области достигло приблизительно 1 100, и около этой цифры держалось до 1905 г.

В отличие от уголовно-ссыльных скопцы селились своими особыми обществами. Скопческие селения появились под Олекминском — с. Спасское и др., под Якутском—Мархa, Новониколаевское, Кильдемское, Петропавловское и др.; всего к 1900 г. в области было 10 скопческих селений.

Ссыльные скопцы в первое время тоже бедствовали, но затем справились и обзавелись крепкими хозяйствами. В 1896 г. скопческие селения имели до 12 тыс. десятин земли. Скопцам принадлежит известная заслуга в смысле внедрения в крае земледельческой культуры. Но очень скоро обнаружилось, что скопцы, энергичные, предприимчивые, захватившие наиболее удобные земли, несут с собой не трудовой, а хищнически-кулацкий тип хозяйства. В самой России скопчество больше было распространено в среде городской и сельской буржуазии. Сосланные в Якутскую область многие из главарей скопческих общин и здесь начали с успехом заниматься торговой, ростовщической деятельностью и эксплоатировать труд якутской и русской бедноты. В Мархинском селении, например, в 1890-х годах у скопцов было: 1 паровая, 1 водяная и 24 конных мельницы, кожевенный завод, 2 кузницы, 2 шорные мастерские и 6 лавок. Скопцы пользовались трудом батраков из русских поселенцев, тунгусов и якутов; последних они, впрочем, брали главным образом на подсобные работы, считая их плохими работниками. Они хищнически истощали расчищаемые под пашни новые земли, а с еще большей охотой занимались скупкой и перепродажей хлеба. Словом, скопцы в значительной части составили кулацкий слой населения[2].

Совершенно особую и исключительно большую роль в жизни якутов суждено было сыграть *политической* ссылке.

Началом ее следует считать появление в Якутии в 1826 г. ссыльных декабристов, первого поколения русских революционеров. Из сосланных в Сибирь декабристов в Якутскую область попало 10 человек, между ними Бестужев (писатель Марлинский), М. И. Муравьев-Апостол и др. Большая часть их пробыла в Якутии недолго, их перевели позже в другие места Сибири, только один из декабристов (Чижов) прожил в области 7 лет. Жили они не в улусах, а в городах, и уже по одному этому влияние их на якутское население не могло быть заметным. Однако уже кратковременное появление в далеком, гиблом крае, куда из русских заезжали только взя-

точники-чиновники, хищники-купцы да подневольные казаки, появление здесь этих людей, представителей настоящей высокой культуры не могло пройти бесследно. Декабристы завязывали связи, правда, больше с городской интеллигенцией, купцами. С якутским населением сблизиться им мешало и различие культуры и классовая психология.

«Все в этом народе носит отпечаток холода и бедности климата,—писал в одном из своих писем Бестужев.—Лица большей частью бледны, напев скучен, танцы печальны. Право, кажется, они мерзнут в пляске»[3].

В 60—70-х годах XIX в. в Якутию попали польские повстанцы, участники подавленного царизмом восстания 1863 г. Их прибыло всего 96 человек. Многие из них оказали известное культурное влияние на жизнь края, занявшись земледелием и ремеслами.

В 1872—1883 гг. в Вилюйске, одном из самых захолустных, заброшенных уголков Якутии, томился великий русский революционер Н. Г. Чернышевский. Чернышевский своим необычным для жителей поведением, своей исключительной мягкостью, честностью приобрел широкую популярность среди якутов. «Смешной был старик,—рассказывал о нем жандарм Щенин,—но добр бесконечно, всем готов был помочь, особенно в болезни». К Чернышевскому часто приезжали якуты. Любили они его. Приедут, бывало, и спросят: «Есть Никола? Чернышевский сейчас ставит им самовар, поит их чаем. По-якутски сам не говорит ни слова. Но урядники-якуты переводили ему»[4].

До 1878 г. политических ссыльных в Якутии было немного. Подъем революционного движения в России в 1870-х годах впервые вызвал появление в Якутии более или менее значительных групп политических ссыльных. Самодержавие, пытаясь найти более быстрые и сильные средства расправы со своими политическими врагами, изобрело новый способ отделываться от них—административную ссылку. В 1878 г. было издано «Положение» о ней: согласно этому «Положению», опасные для царизма лица должны были ссылаться административно (без суда) в Восточную Сибирь, а наиболее нежелательные элементы (пытавшиеся бежать и т. п.)—в Якутскую область. Помимо этого, сюда же на поселение начали присылать бывших политических каторжан, отбывших срок на Карийской каторге. С этого времени в Якутию начинают ежегодно прибывать партии ссыльных революционеров. По партийной принадлежности это были в 70-х годах исключительно народники, в 80-х —главным образом

народовольцы. Всего за 70—90-е годы в Якутскую область было сослано более 240 революционеров. По социальному положению это были главным образом представители интеллигенции—студенты, служащие, лица свободных профессий. Рабочих было за это время сослано всего 36, крестьян—12. Более половины ссыльных были лица с высшим или со средним образованием. Таким образом, это был цвет русской интеллигенции, в политическом и культурном отношениях передовая ее часть. Этих-то людей царское самодержавие бросило, в тупой ненависти ко всему прогрессивному, в глухую, дикую тайгу Якутии, в жертву нужде и лишениям, в чуждую и бедную культурой среду. Каковы были последствия этой ссылки для якутского народа?

Те условия, в которые попадали ссыльные революционеры, были страшно тяжелы, иногда невыносимы. Подобно уголовным ссыльным, их распределяли на жительство по якутским улусам. Попадая в непривычную обстановку, будучи лишены права заниматься знакомым трудом хотя бы для пропитания, большинство ссыльных попросту голодало. Казенное пособие—6 руб. в месяц и то не для всех—было недостаточно даже для полуголодного существования.

«Мы голодаем и будем голодать всю зиму и будущее лето,—говорится в заявлении С. Л. Геллера 1882 г.,—если не получим никакой помощи... Мне нужно хлеба!.. Нужда в хлебе прямо граничит с преступлением». «Нет никакой возможности жить на 6 руб. в месяц,—писала в своем заявлении ссыльная Шехтер-Доллер.—Скоро 7 месяцев, как я живу в улусе, и все время приходится голодать... Я больше не в силах голодать...»[5]. «Положение мое таково,—заявлял ссыльный Казакевич в 1885 г.,—что заключение в тюрьму, будь это возможно, я считал бы для себя величайшим облегчением»[6]. Кроме голода ссыльных мучили еще ужасные жилищные условия. «Приходится жить из милости в грязнейшей якутской юрте,—писал ссыльный Студзинский в 1883 г.,—среди вони, скота, холода, вшей и клопов, питаться такой пищей, которой желудок непривыкшего к ней человека не может выносить... и от которой после 2 недель у меня сделался кровавый понос...»[7].

К материальным ужасам присоединялось и одиночество, нередко вынужденная праздность, отсутствие связей с культурным миром, не говоря уже о разлуке с родными и близкими.

Все эти кошмарные условия еще отягчались для тех, кого свирепое самодержавие, не довольствуясь ссылкой в якут-

ские улусы, загоняло еще дальше, в почти необитаемые Верхоянский и Колымский округа. Один переезд туда из Якутска, по невероятно трудной дороге, занимал 1—3 месяца. Почта приходила туда 2—3 раза в год. Об этих землях само правительство знало только то, как заявил царский охранник Русинов одному из ссыльных, что там нельзя было жить. Но именно потому-то самодержавие и гнало туда своих врагов.

Эта палаческая политика самодержавия послужила, между прочим, причиной одного из самых кровавых и трагических эпизодов в истории русского революционного движения: известной «якутской трагедии» 22 марта 1889 г. Эта трагедия произошла из-за того, что условия пересылки «политических» в Колымский округ, и без того нечеловечески тяжелые, были еще ухудшены распоряжениями вице-губернатора Осташкина, тупого и жестокого бюрократа. 16 марта 1889 г. этот вице-губернатор издал распоряжение о новом порядке отправления ссыльных в Колымск: сокращено было пособие пересылаемым, ограничено разрешенное количество багажа, вводилось обязательное заарестование накануне отправки и пр.

Возмущенные этой новой бессмысленной жестокостью царского чиновника, ссыльные решили протестовать. Протест этот выразился в мирных и легальных формах. Ссыльные подали одно за другим несколько заявлений вице-губернатору и 22 марта собрались на квартире одного из своей среды, Ноткина, в доме Монастырева, чтобы выслушать ответ на эти заявления, который обещал им дать Осташкин. Но это обещание было только провокацией. Вместо ожидаемого ответа, Осташкин выслал против собравшихся в Монастыревском доме ссыльных воинский отряд. Команда солдат без всякого повода ворвалась в дом и начала избиение штыками и прикладами всех собравшихся. Это была кровавая и нелепая инсценировка «бунта» ссыльных, который якобы пришлось подавить силой оружия.

Среди собравшихся ссыльных наступила растерянность, т. к. такой расправы никто не ожидал. Одни кричали, что сдаются и просили прекратить избиение, другие пытались защищаться при помощи нескольких оказавшихся налицо револьверов. Но царским палачам этого только и нужно было. Солдаты выскочили наружу и по команде своего начальства начали обстрел дома из винтовок. Разумеется, «победа» над беззащитной группой была одержана очень скоро. Результатом бойни было 6 убитых, 20 раненых, остальные были избиты.

Дальше последовала не менее кровавая расправа царизма над оставшимися в живых «бунтовщиками». Царь Александр III собственноручно предписал «примерно наказать». 26 человек участников «вооруженного сопротивления исполнению распоряжений начальства» были преданы военному суду, который превратился в гнусную комедию, т. к. никакой защиты, ни защитников допущено не было, и подсудимым даже не объявили, в чем их обвиняют. Трое «зачинщиков»—Зотов, Коган-Бернштейн и Гаусман—были повешены, другие были приговорены к многолетней каторге. Большинство из них (20 человек) должно было отбывать эту каторгу в Вилюйске, в специально созданной для них каторжной тюрьме, в помещении, пустовавшем со времени Чернышевского.

Истинный же виновник кровавой драмы, Осташкин получил повышение по службе: он был утвержден в должности губернатора. Так закончилась «монастыревская трагедия», отозвавшаяся ужасом и негодованием по всей России и за границей[7а].

В таких кошмарных условиях, созданных царизмом для своих жертв, многие из них не выдерживали. В 1870/80-х годах из числа якутских ссыльных покончили самоубийством 5 чел., сошли с ума 5 чел., в том числе талантливейший исследователь Худяков. Многие погибали от болезней, от истощения.

Но вот эти-то люди, присланные царизмом на медленную смерть и одичание, в тяжелейших материальных и культурных условиях не только в своей значительной части сохранили бодрость революционного духа и запас культурных сил, но и сами стали фактором огромного культурного влияния на жизнь Якутии.

Сблизиться с местным населением для них было нелегко. Якуты уже раньше были озлоблены и против всего русского,—из русских они знали только угнетателей,—и в частности против ссыльных, из них они знали ранее лишь уголовных. Кроме того, администрация, присылая политических, нередко умышленно распространяла о них дурные слухи среди населения. При присылке в начале 70-х годов отбывших каторгу каракозовцев* по Дюпсюнскому улусу пошла молва, что привезли «каких-то страшных преступников, посягавших на жизнь русского царя», и начальство запрещало иметь с ними какие-либо сношения. Наконец, якутов заставляли и для политических ссыльных выделять 15-десятинный надел и пер-

---

* Каракозов покушался в 1866 г. на убийство Александра II.

вое время содержать их на иждивении. Неудивительно, что между якутами и их невольным гостем подчас устанавливались, по крайней мере на первых порах, неприязненные отношения[8].

Но подавляющее большинство политических ссыльных сумело сломать стену недоверия и отчужденности, воздвигнутую искусственно между ними и якутским населением.

Разнообразны были те пути и способы, какими приходили ссыльные к сближению с населением. Разнообразны были и формы культурного влияния ссылки на жизнь края. Многие горячо занялись земледелием,—для экономического развития Якутии это имело большое значение. За 70—80-е гг. около $^1/_3$ всей массы политических ссыльных (96 чел.) имели посевы. Каракозовец Загибалов устроил у себя большое зерновое и огородное хозяйство и немало содействовал внедрению земледелия в хозяйство якутов. Странден и Юрасов, начав в 1873 г. с высева $1^1/_2$ четвертей разных сортов хлеба, через несколько лет довели свое хозяйство до таких размеров и так культурно его поставили, что в 80-х годах не только снабжали хлебом весь Дюпсюнский улус, но поставляли ежегодно в казну $1^1/_2$—3 тыс. пуд. Даже за Полярным кругом, в Верхоянске, ссыльными делались удачные опыты огородничества и полеводства: один из виднейших народников Войнаральский, проведший в ссылке 14 лет (1884—1897 гг.), добился разведения овощей и хлеба в Верхоянском округе. Позже эти опыты успешно продолжал там же народоволец Суровцев.

Другие ссыльные, имевшие медицинское образование, оказывали врачебную помощь населению, хотя это и запрещалось циркулярами правительства. Врачебной деятельностью занимались Натансон, Стеблин-Каменский, Ожигов, и др. Особенно большой популярностью пользовался врач-народоволец Сипович, проведший 11 лет (1883—1894 гг.) в Намском улусе и так энергично, горячо и внимательно оказывавший всем нуждающимся медицинскую помощь, что к нему приезжали нередко за 100—200 верст. При его отъезде якуты, среди которых он жил, провожали его с неподдельной скорбью, как своего подлинного незаменимого друга.

Третьи занялись воспитанием и обучением молодежи, хотя это еще более строго запрещалось ссыльным. Известный писатель В. Г. Короленко, проведший в якутской ссылке 3 года (1881—1884 гг.), живя в Амгинской слободе, давал местным детям уроки и позже надолго сохранил связь со своими бывшими учениками. Занимались педагогической деятель-

ностью также Надеев, Подбельский, Ермолов, Странден и др. Особенно большую любовь якутов заслужил талантливый педагог В. М. Ионов, проведший много лет в Якутии (с 1883 г.) и создавший большую прекрасную школу, где якутские дети занимались по букварю, составленному самим же Ионовым. Воспоминания о школе Ионова до сих пор живы среди якутов.

Шаганов, Странден, Юрасов и другие ссыльные занимались распространением книг. В с. Чурапче Шагановым была устроена общедоступная библиотека.

Многие ссыльные оказывали деятельную помощь якутскому населению, защищая его от произвола и беззаконий администрации и собственных тойонов. Особенно много пользы в этом смысле приносили населению те из ссыльных, которые имели юридическое образование. Из последних особенно выделялся Н. А. Виташевский, известный народник и ученый, который, живя в Баягантайском и Батурусском улусах, принимал активное участие в борьбе якутской бедноты за землю, составляя им заявления, приговоры и т. п. Впоследствии, перед отъездом Виташевского из ссылки (в 1897 г.), один интеллигентный якут говорил ему: «Громадная заслуга ваша перед якутами—то, что вы вызвали в нас чувство человеческого достоинства. Раньше все якуты трепетали перед каждым казачишкой, который появлялся в улусе. Теперь мы, молодые, отстаиваем свои права, хотя бы их нарушал казак, губернатор или министр»[9].

Сам Виташевский позже (в 1908 г.) писал, что во время своей ссылки он смотрел на якутов не только как на объект наблюдений и изучения: «я сжился с ними, связан был со многими из них не только материальными, но и духовными узами. Якутский край сделался для меня второю родиною, а якуты—я их... полюбил!»[10].

Встреченные населением с недоверием, политические ссыльные сумели скоро так поднять свой авторитет, что слова «государственный преступник»—как называло начальство ссыльных—стали означать для якутов существо какой-то высшей породы. Интересен рассказ Короленко о том, как в его присутствии один из жителей Амгинской слободы, заспорив с одним из политических ссыльных и упрекая его за какой-то, по его мнению, неправильный поступок, сказал с непередаваемым выражением укоризны: «А еще называетесь преступник!»[11].

Значительна была роль политических ссыльных и в научном изучении Якутии, в исследовании быта ее населения. Можно сказать, что подавляющее большинство научных

исследований по истории, экономике, быту, общественному строю, языку, верованиям, народному творчеству якутов, а отчасти и других обитателей края выполнено политическими ссыльными. Они участвовали в целом ряде экспедиций, преодолевая все препятствия, ставившиеся правительством. Был опубликован целый ряд солидных ученых трудов, статей, научных материалов, собранных ссыльными. Достаточно перечислить наиболее крупные из этих научных исследований.

Каракозовец Худяков, с 1867 г. живший в Верхоянске и впоследствии кончивший на почве ужасных условий жизни психической болезнью, собрал ценнейший материал—якутские сказки, легенды, песни, загадки, пословицы[12]. Живший там же народник С. Ковалик дал весьма ценное описание экономики и быта верхоянских якутов. Бывшие польские повстанцы Чекановский и Венгловский в 1874—1875 гг. приняли участие в большой экспедиции по изучению природы Вилюйского и Верхоянского округов. В 1885—1886 и в 1891—1892 гг. вел свои исследования геолог Черский, тоже один из ссыльных поляков, погибший во время второй из этих экспедиций.

Но особенно большой размах получила научно-исследовательская деятельность политических ссыльных в Якутии в 90-х годах. В эту эпоху, в 1894—1896 гг., состоялось самое крупное из всех научных предприятий, когда-либо имевших место в Якутии: так называемая Сибиряковская экспедиция, возглавлявшаяся политическим ссыльным Д. А. Клеменцом и почти целиком состоящая, вопреки всяческим рогаткам, которые пыталась ставить администрация, из политических ссыльных[13].

План экспедиции был разработан необычайно широко. Имелось в виду изучить самым подробным образом антропологический состав населения Якутии, язык и народное творчество якутов, их религию, материальную культуру, семейный быт, экономику, юридические отношения и пр. Все эти задачи были распределены между участниками сообразно их научной специальности. В числе участников были ссыльные: Л. Г. Левенталь, И. И. Майнов, Э. К. Пекарский, В. Г. Богораз*, Феликс Кон и др.

---

* В. Г. Богораз (Тан)—писатель и исследователь—этнограф особенно известный своими трудами по изучению чукоч (см. *Богораз*, Чукчи, Л. 1935 г.). При советской власти Богораз стал одним из активных участников работы по национальному строительству среди малых народов Севера, приняв участие в организации и руководстве Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. Умер 10 мая 1936 г.

Экспедицией действительно был собран огромный и разносторонний материал, частично опубликованный тогда же, частично увидевший свет только при советской власти, а отчасти неопубликованный и доныне. Особенно ценны были исследования Виташевского об обычном праве якутов, Левенталя—об истории земельных отношений, Ионова—о верованиях и мифологии, Ястремского и Пекарского—о языке и народном творчестве* Майнова—о тунгусах и о населении Олекминского округа, Иохельсона и Богораза—о народностях Колымского края.

Конечно, в трудах этих исследователей, которые в большинстве принадлежали к народническому лагерю, содержится немало ошибок, зависящих от их идеалистической методологии. Так в работах Виташевского о земельно-общинных отношениях у якутов заметна свойственная народникам идеализация крестьянской общины: Виташевский пытался, вопреки собранному им же самим фактическому материалу, доказать, будто развитие якутской общины идет в сторону большей демократизации, и будто классовые противоречия внутри нее сглаживаются[14]. В работе Левенталя содержится другая, не менее крупная ошибка: прикрашивание политики царской администрации в Якутии. С точки зрения Левенталя, царские власти вели здесь своего рода демократическую политику поддержки якутских народных масс против их собственных эксплоататоров—тойонов, которые будто бы были постоянными врагами царизма[15] (эту ошибку повторили и другие народники, напр. Пекарский). Эта точка зрения тоже резко противоречит фактам: вся история якутского улуса с момента царского завоевания говорит, как мы видели в предыдущих главах, как раз об обратном,—о постоянном сотрудничестве царской администрации и якутского тойонства.

Но, несмотря на эти и другие аналогичные ошибки, работы участников Сибиряковской экспедиции, по накопленному ими фактическому материалу, представляют важный источник для историка.

Одновременно велись научные работы и другими ссыльными, не участвовавшими в Сибиряковской экспедиции.

---

* «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского, законченный изданием Академией наук СССР только в 1931 г. (13 выпусков), является огромнейшим научным трудом, равных которому немного найдется в мировой лингвистической науке. Окончание публикации «Словаря» было отмечено правительством Якутской АССР как событие крупного культурного и политического значения. Пекарский умер в 1934 г.

Землеволец В. Ф. Трощанский дал интересные исследования: «Эволюция черной веры у якутов» и «Наброски о якутах Якутского округа»; в последней работе сильно сгущены краски в описании мрачных сторон якутского быта. Не будем упоминать о целом ряде других исследователей, обогативших науку теми или иными работами о Якутской области и ее населении.

Ценнейшим памятником культурной деятельности политических ссыльных в Якутии остался основанный ими музей. Начало собиранию его коллекций было положено во время геологической экспедиции ссыльного В. П. Зубрилина в 1888 г. Он же был первым заведующим музеем после его открытия в 1891 г. В дальнейшем должность заведующего (директора) Якутского музея по большей части замещалась тем или иным из ссыльных[16].

Итак, мы видим уже из этого, конечно, очень краткого обзора, что политические ссыльные, вначале народники, а особенно появившиеся в 1890-х годах марксисты, оказались в Якутии крупной культурной силой, которая возглавляла и двигала вперед все культурные начинания.

Велика была роль ссылки в научном исследовании Якутии. Но не менее велика заслуга политических ссыльных в их культурно-воспитательном влиянии на население. Правда, в этот период—до 1905 г.—это влияние по большей части ограничивалось, по понятным причинам, простым просветительством, школами, книгами, медицинской помощью и пр. Зато позже, после первой русской революции, как мы увидим ниже, влияние политической ссылки, особенно большевиков, поднялось до уровня политического воспитания якутских масс.

Глава 15

ЯКУТЫ В КОНЦЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX в.

Огромная научная работа, проделанная политическими ссыльными в Якутии в конце XIX в., дает нам возможность подробно и всесторонне ознакомиться с жизнью якутов этого времени. Посмотрим же, что представлял собой якутский улус накануне первой русской революции.

Якутская область, существовавшая с 1852 г. на правах самостоятельной губернии, к концу XIX в. делилась на 5 округов: центральный—Якутский, южный—Олекминский, западный—Вилюйский и 2 северных—Верхоянский и Колымский. Якуты, широко расселившись за протекшее после русского завоевания время, жили во всех 5 округах, но и численность, и быт, и культура их в разных частях страны были весьма различны.

В северных районах области якуты мало походили на якутов коренных улусов: занимаясь охотой и разводя оленей, они скорее близки были по всему своему укладу и культуре к тунгусам. Да и численность якутов в этих северных частях области была очень невелика: в Верхоянском округе по переписи 1897 г. было 11 347, в Колымском—3 330 якутов.

Олекминский округ тоже находился на особом положении. Наряду с якутским населением (13 218 чел.) там было довольно густое русское (19 758 чел.), и культурное влияние последнего на якутов было велико. Сверх того, находясь, как мы знаем, в близком соседстве с Олекминскими и Витимскими золотыми приисками, Олекминский округ был значительно более развит экономически: сбыт продуктов, извозный промысел, отхожие заработки на приисках—все это не могло не действовать на якутов в смысле ломки их старого патриархально-натурального хозяйства.

В результате этого, олекминские якуты в своем быту и хозяйстве к концу XIX в. уже очень мало отличались от русского населения. К этому времени произошла перемена и в их правовом положении: они были переведены из разряда «кочевых» в разряд «оседлых инородцев», т. е. фактически уравнены в правах и обязанностях с русскими крестьянами.

Это перечисление после длительной бюрократической волокиты состоялось в 1891—1892 гг.[1]

Наиболее сохранился старый якутский уклад жизни у якутов Вилюйского и Якутского округов. Тут жила и преобладающая масса якутского населения: 130 177 чел. в Якутском и 62 995 чел. в Вилюйском округе. Тут они составляли и подавляющее большинство населения: 84% в Якутском и 93% в Вилюйском округе. Образ жизни населения, быт, общественные отношения, культура—все это было более или менее сходным в обоих округах. Мы в дальнейшем будем говорить главным образом именно об этих коренных якутских районах и в особенности о якутах Якутского округа, как наиболее изученного.

Якутский округ в 90-х годах XIX в. делился (это деление шло, как мы знаем, издавна) на 8 улусов: Западно- и Восточно-Кангаласский, Намский, Мегинский, Дюпсюнский, Баягантайский, Батурусский, Борогонский. В Вилюйском округе было 4 улуса: Средне- и Верхне-Вилюйский, Сунтарский и Мархинский.

Улусы делились на наслеги, которых всего по области насчитывалось 230, из них 125 в Якутском округе и 56 в Вилюйском. Наслеги состояли из отдельных родов (aga-uuha), которых было во всей области 934, в том числе в Якутском округе 596 и в Вилюйском 244.

«Род» был первичной административной единицей у якутов, и во главе его стоял выборный старшина (которого якуты по-старому называли «князем» или «малым князем»—ассьgbj kinees). Что касается наслега, состоявшего из нескольких родов, то им управлял, как мы уже знаем, выборный наслежный староста (по-якутски, «большой князь»—uiaqan kinees), вместе с родовыми старшинами составлявший «родовое управление». Улус управлялся «инородной управой» во главе с улусным головой и выборными[2].

Что же представляло собой население этих улусов и наслегов по своему социально-экономическому укладу?

Основу хозяйства якутов продолжало составлять скотоводство: по данным переписи 1897 г. оно составляло главный источник существования для 85,7% всего якутского населения области, а если исключить Олекминский и северные округа, то и почти для всех поголовно[3]. Разводили главным образом рогатый скот: его по всей Якутской области в 90-х годах считалось 220—260 тыс. голов. Лошадей было меньше, 115—130 тыс. голов, и они были главным образом у зажиточной части населения.

Техника скотоводства была очень низка. Летом скот выпасали на выгонах, в долгую и суровую якутскую зиму его держали в холодных и грязных «хотонах» (хлевах), обычно находившихся под одной крышей с жилой юртой и часто даже не отделенных от нее глухой стеной. Поили скот ледяной водой из прорубей, кормили заготовленным в летнее время сеном. Последнего у бедноты, а часто и у середняков нехватало до конца зимы, и скот сплошь и рядом голодал. Вследствие этих чрезвычайно тяжелых условий якутский рогатый и конный скот, правда, стал необычайно выносливым и нетребовательным, но зато очень мало давал и мяса и молока: средняя якутская корова, например, давала в год не более 60 ведер молока, средний вес мяса коровы составлял 7 пуд., быка—9 пудов.

При этом сохранялись самые первобытные способы ухода за скотом. Например, перед дойкой непременно надо подпустить к корове ее теленка, иначе она не даст молока. В конце зимы, перед отелом, коровы на 1—3 месяца переставали доиться вовсе.

Дойные кобылы были главным образом у тойонов.

Если скот давал так мало, а хлеба якуты почти не знали, так как земледелие было слабо развито, то понятно, что обеспеченность скотом на 1 душу населения должна была бы быть выше, чем в странах с более интенсивным скотоводством. По местным условиям, самой голодной нормой считалось 10 голов скота на семью из 5 душ, т. е. 2 головы на 1 душу. При такой обеспеченности можно было, кормясь молочными продуктами, не умирать с голоду.

На самом деле, однако, распределение скота было гораздо более неблагоприятным. Оно было крайне неравномерно. Отдельные тойонские хозяйства имели по нескольку десятков голов на душу, а в то же время подавляющее большинство населения не имело даже голодной нормы.

Приведем один пример. В 1892 г. в Батаринском наслеге Мегинского улуса из 270 наличных хозяйств 23 хозяйства совершенно не имели скота; 82 хозяйства имели менее 1 головы скота на душу; 101 хозяйство имело от 1 до 2 голов на 1 душу; значит, 206 хозяйств, т. е. 76%, не были обеспечены скотом даже по голодной норме. А в то же время в этом наслеге было 7 тойонских хозяйств, у которых было скота от 9 до 32 голов на 1 душу. Достаточно вдуматься в эти немногие цифры, а они типичны,—и уже из них одних видно крайне тяжелое положение массы якутского населения. И действительно, все наблюдатели в один голос говорят о потрясающей нищете

и беспросветной нужде, в какой находилась якутская беднота.

«Якут... — говорит В. Трощанский—...его жена, его престарелые родители, его скот, его собака и кошка живут впроголодь изо дня в день всю жизнь и только изредка насыщаются до отвалу; и можно с уверенностью сказать, что даже мыши его юрты живут голодом, так как поживиться у хозяина нечем. Это—страна систематического голодания»[3].

Якутское население Верхоянского округа С. Ковалик делил на 5 имущественных групп: из них первая—круглые бедняки—голодает и летом и зимой, вторая—бедняки, имеющие до 10 голов скота на семью—голодает только зимой, третья — середняки, владеющие 10—30 головами скота,— сводят концы с концами, четвертая группа состоит из зажиточных хозяйств (до 100 голов скота), и наконец, пятая—из богачей (более 100 голов), которых имеется всего по 1—5 хозяйств в каждом наслеге[4].

Скот надо было зимой кормить. Якутские лошади умеют добывать себе корм из-под снега, но для рогатого скота необходимо заготовлять сено. И вот все недолгое якутское лето население проводило в тяжелой напряженной работе: стремились накосить как можно больше сена. Работа была изнуряющей, так как косьба производилась первобытной «горбушей» (требующей большой затраты сил), в летнюю жару, в тучах таежного «гнуса» и комаров, а самое главное, при очень недостаточном питании. Конечно, время покоса, июль—сентябрь, не такое голодное, как зима, но беднота голодала и тут, хотя усиленная работа требовала и лучшего питания.

Тяжелые условия работы при плохой пище доводили рабочих нередко до полного изнеможения. Все от мала до велика работали в сенокосную пору не покладая рук. Бедняки почти не спали в короткие летние ночи, лишь бы только собрать лишнюю горсть сена.

Но, конечно, тойоны не участвовали в этой страде. Трудиться они считали ниже своего достоинства. В. Ф. Трощанский передает следующий случай: «Один улусный голова, человек очень богатый и немолодой, страдал ожирением сердца; когда ему посоветовали косить для моциона, то он очень обиделся и объявил с гордостью, что у него есть кому работать. Ему старались растолковать, что это—лечение, а не обыкновенная работа, но он остался при своем и, наконец, заявил, что он предпочитает дожидаться смерти, чем косить»[5].

Но самое тяжелое для бедноты и для очень многих

середняков состояло в том, что свободных покосных земель не было. Вся земля, как мы уже знаем, еще с XVIII в. была поделена весьма неравномерно, лучшие угодья были захвачены тойонами. Посмотрим, какой вид к концу XIX в. приняла «классная система» землепользования, происхождение которой нам уже известно.

Якут со старинной косой-горбушей и с ложкой от чух

Покосные угодья измерялись у якутов не площадью земли, а количеством сена, которое с них собирается. Единицей считалось «остожье», по-якутски «kyryө» («кюрюё»), участок земли, с которого можно накосить 1 стог сена размером в 15—30 возов (смотря по местности и по урожаю). Из таких «kyryө» составлялись «наделы»—өlbyge (ӧльбюгэ). Но величина этих наделов была различна, они делились на 3—4 «класса». Обычно различали: 1) bastьn (первый, лучший) или ulaqan (большой) өlbyge; 2) orto (средний) өlbyge и 3) kenniki (последний) или kuccuguj (малый) өlbyge. Один «большой» надел обычно равнялся двум «средним» или 4 (в некоторых наслегах 3) «малым».

Хозяйства 1-го класса (тойонские) получали «большие» наделы, 2-го класса — «средние», 3-го — «малые». Этот порядок сам по себе уже давал тойону, даже владеющему одним наделом, возможность иметь в 4 раза больше земли и сена, чем имел бедняк 3-го класса. Но этим неравенством дело далеко не ограничивалось.

Тойоны обычно разными способами прибирали к рукам по нескольку наделов, иногда разных классов. Чаще всего дополнительные наделы записывались на детей тойона, его воспитанников, работников и т. д., а фактически ими владел сам тойон. В некоторых же улусах тойоны обходились и без этих ширм.

Так было, например, в Дюпсюнском улусе, где земельные порядки были очень хорошо исследованы в 1894 г. Виташевским. По его данным оказывается, например, что в одном из наслегов этого улуса земля была распределена так (переводя всю землю на «малые ӧльбюгэ», т. е. приравнивая «большой» надел к 4, а «средний» к 2 «малым»):

54	хозяйства	имели	по 1	«кенники-ӧльбюгэ»	
49	»	»	» 2	»	»
79	»	»	» 3—5	»	»
26	»	»	» 6—9	»	»
3	»	»	» 12	»	»
1	»	имело	16	»	»

Здесь мы видим, что соотношение между наибольшей и наименьшей обеспеченностью землею равно 16 : 1. В другом наслеге того же улуса это соотношение было еще больше—26 : 1, а в третьем—28 : 1[6].

Но и это было не все. Тойоны фактически имели еще больше земли. Во многих местах должностные лица (наслежные старосты) получали в дополнение к своим обычным наделам, как бы в вознаграждение за службу, так называемый «укаас кюрюё» (от русского «указ»), который иногда давался им даже пожизненно и за который притом никаких повинностей не платилось. Затем был еще обычай «угайы» (или «харыы»): так назывался дополнительный надел, который давался наиболее влиятельным тойонам по постановлениям наслежных собраний. «Есть богачи,—писал Виташевский,—у которых очень много угайы, т. е. сверхнадельных паев»[7].

Далее, существовало право льготного пользования, сверх наделов, землей, расчищенной из-под леса или образовавшейся от спущенного озера. Этим правом широко пользовались тойоны, нередко владея такими землями и пожизненно и даже передавая их по наследству. Многие богачи также захватывали и огораживали часть земли на выгонах («летниках»—sajьlьk).

Местами тойонам и этого было мало. Они старались изменить в свою пользу «классную систему» так, чтобы еще более увеличить неравномерность распределения земли.

В Тулагинском наслеге Мегинского улуса, например, был составлен приговор о том, «чтобы богатый имел 2 первых класса (т. е. 2 надела 1-го класса), бедные—2-й класс (т. е. 1 надел 2-го класса), а совсем бедняки—половину (надела) третьего класса»[8]: неравномерность таким образом должна была учетвериться.

Наконец, была распространена и аренда земли, тоже увеличивавшая тойонское землепользование.

Перейдем теперь к своеобразной системе переделов. Так как для якутов имела значение не величина покосных участков сама по себе, а количество собираемого с них сена, и сама земля измерялась «остожьями», а урожай сена на разных участках год от года менялся, то у якутов установился обычай ежегодных переделов или поравнений земельных наделов. Этот обычай недавнего происхождения. По сведениям Виташевского, ежегодные поравнения были введены только с 60-х годов[9]. И в самом деле, в документах первой половины XIX в. мы не находим упоминаний о них.

Урожай травы на отдельных участках действительно резко колебался из года в год. Например, на опытном участке политического ссыльного Э. К. Пекарского за десятилетие 1884—1893 г. урожай колебался от 55 копен (1889) до 800 копен (1884)[10]. Понятно, что в таких условиях количество земли само по себе, без учета урожая сена на ней, не имело никакого значения.

Ежегодное поравнение сена производилось следующим образом.

Весной в каждом наслеге выбирались присяжные «депутаты» (по-якутски «çokutat»), по два от рода. В начале лета они объезжали все «аласы» (луга) и долины и осматривали траву, оценивая опытным глазом ожидаемый сбор сена на каждом; отметки делались на бумаге, а при неграмотности—на особых бирках. Вся эта процедура называлась по-якутски «bebierke» (испорченное русское «поверка»). На основании этого осмотра производился частичный передел: тот, у кого по оценке «депутатов» сена ожидалось больше, чем ему полагалось по наделу, должен был уступить часть тому, у кого урожай ожидался недостаточный.

Но этого мало. В ходе или по окончании уборки сена иногда оказывалось, что тот или иной из родовичей накосил у себя все же меньше, чем предполагалось по оценке «депутатов», а другой—больше. Тогда недовольные возбуждали ходатайство о вторичном поравнении: это называлось «qat bebierke». В некоторых местах, как в Дюпсюнском улусе,

такие ходатайства могли возбуждаться даже зимой, по окончании всех полевых работ, и они даже тогда принимались во внимание, и получивший сена меньше, чем ему полагалось, получал прибавку.

Так тщательно обычай, казалось бы, следил за тем, чтобы каждый имел то, что ему следовало по наделу. Но кто же выигрывал от этого обычая? Как это ни странно, выигрывали опять тойоны.

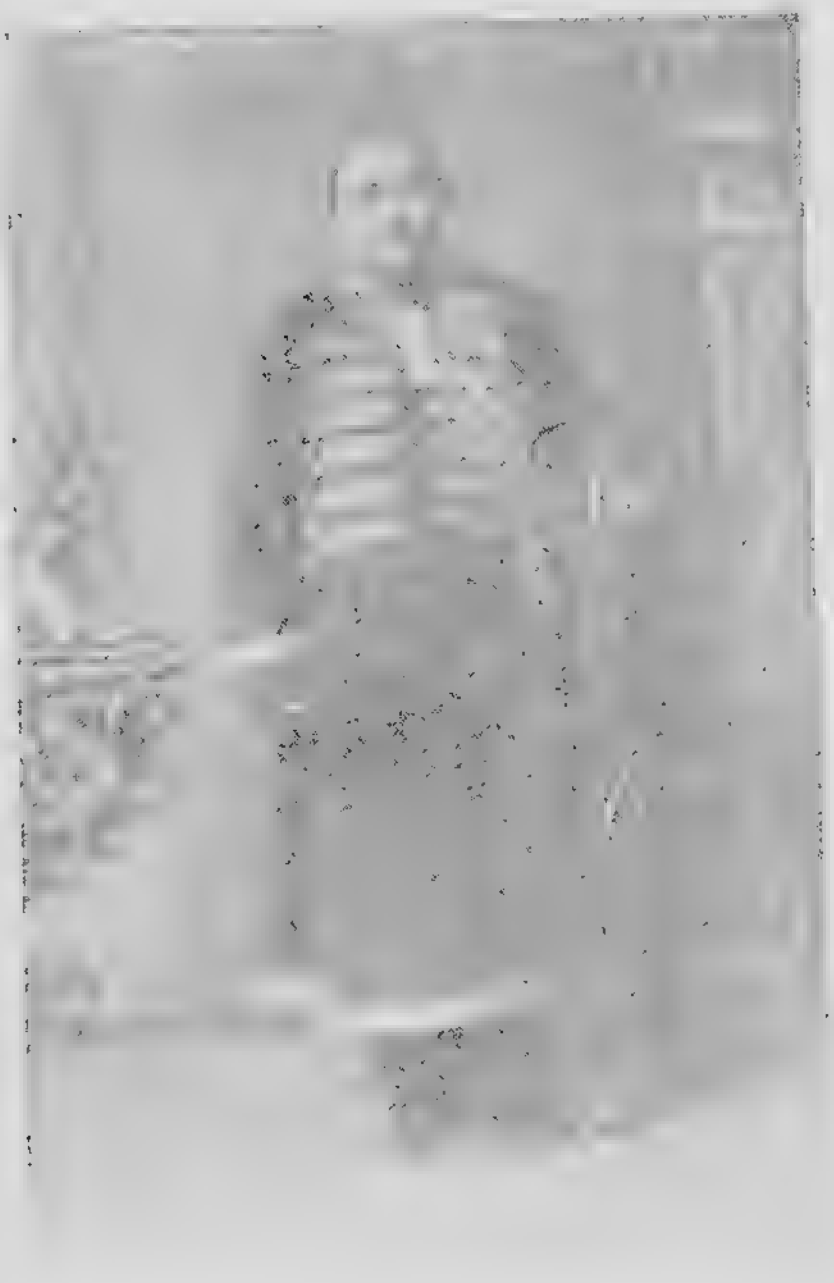
Дело в том, что предоставление всей оценки «депутатам» давало самый широкий простор всяким злоупотреблениям. Кто был «депутатом»? Это были «уважаемые» люди, т. е. прежде всего зажиточные, и обычно родственники или приятели тойонов. Нет ничего удивительного, если оценка урожая оказывалась обычно очень далекой от действительности. Покосы самих «депутатов», их родственников, друзей, а также покосы влиятельных лиц наслега, тойонов, оценивались, как правило, ниже, чем они могли дать на самом деле, а урожай с покосов всех прочих жителей наслега в отчетах преувеличивался. Например, в одном из таких случаев ввиду возникшего спора о правильности депутатских отметок выяснилось, что одна часть населения наслега (главным образом более зажиточная) сняла со своих покосов значительно (на 54%) больше, чем было определено депутатами, а другая часть—на 64% меньше: первые накосили в общей сложности 1 256 возов вместо 724, а вторые—165 вместо 262[11]. Что же касается «вторичной поверки» («хат бэбиеркэ»), то юридически она обеспечивала исправление всех подобных ошибок, но на деле это зависело от родового управления или от наслежного схода, т. е. фактически от тех же тойонов.

Таким образом, мы видим, что, хотя у якутов и существовала общинная форма землепользования с переделами, но она ничуть не мешала тому, что земля в основном сосредоточивалась в руках тойонов, которым принадлежала и большая часть скота. Беднота была далеко недостаточно обеспечена и тем и другим. Несколько позже, в 1908 г., в местной газете сообщалось, например, что в 1-м Оспетском наслеге Дюпсюнского улуса $^2/_3$ всех земель принадлежит 5 тойонским хозяйствам[12]. В Сунтарском улусе тойоны, составлявшие не более 7% всего населения, владели почти половиной всех земель[13].

Экономически мощная часть улуса господствовала и политически: из тойонов выбирались улусные головы, наслежные старосты и старшины. Если тойон не сам был головой или старостой, то все равно, эти должностные лица, так же, как всякие писари управ и пр., ни в чем

не могли перечить его воле. Существовали, правда, родовые и наслежные сходы, на которых формально имели право голоса все взрослые мужчины, но фактически на этих сходах постановлялось лишь то, что было угодно тойонам.

«Якуты так забиты жизнью и историей,—писал один наблюдатель в 1883 г.,—что на сходах они не смеют и пикнуть против богатых однообщественников, кучка которых (богачей) полновластно распоряжается всеми общественными делами: распределением земли и отводом участков, раскладкой податей и натуральных повинностей и пр.»[14].



«Почетный инородец» 1-го Нерюктейского наслега Олекминского округа Степан Идельгин

Вполне понятно, что, располагая и экономической силой, и политической властью, и обычно поддержкой в нужных случаях русской администрации, — тойоны могли жестоко эксплоатировать своих соулусников. И действительно, все наблюдатели, жившие среди якутов в то время, в один голос говорят о наличии тяжелой эксплоатации чужого труда тойонами. Эта эксплоатация принимала самые разнообразные и весьма любопытные формы, которые часто между собой переплетались.

Во-первых, были наемные рабочие — «хамначиты»,—бедняки, батрачившие в тойонских хозяйствах. Работа по найму чаще бывала срочной: тойоны нанимали рабочую силу главным образом на время покоса—горячая рабочая пора у якутов. Нанимали также возить дрова, строить юрту и на другие работы. Платили деньгами или натурой. При этом существовал обычай, по которому плата бралась работником вперед. Это называлось «брать подряд» на такую-то работу, и обычно эти «подряды» были средством жестокой эксплоа-

тации, так как они отдавали работника в полную власть тойону. Взяв «подряд» на косьбу, возку дров и пр., якут за несколько грошей закабалялся надолго, если не на веки вечные.

Очень распространена была такая форма эксплоатации, как раздача скота тойонами беднякам на выпас и на прокорм, так называемый хасаас, обычай, о существовании которого в более ранние времена мы уже говорили в гл. 12. Исследователи конца XIX в. сообщают об этом обычае некоторые цифровые данные, по которым можно судить о его эксплоататорском характере. Так, Трощанский, например, сообщает, что в местности, где он жил, богачи обыкновенно раздавали дойных коров бедным якутам с условием сдать хозяину осенью по 30 фунтов топленого масла и 15 пудов «тара» (тар—замороженное большими кругами кислое молоко)[15]. Это равняется почти половине того, что средняя якутская корова дает за целый год.

Однако к описываемому времени этот обычай, видоизменившись, принял в большинстве мест другую форму: хасаасом стала называться раздача дойных коров только на лето, а передача скота на прокорм на зимнее время стала производиться отдельно и называлась «уостур».

Условия хасааса были почти одинаковы во всех улусах. Хасаас брали на срок с 9 мая по 1 октября. За пользование дойной коровой в течение этого срока полагалось осенью сдать владельцу коровы 1 пуд 10 фунтов топленого масла или 30 ф. масла и бочку «тара» (скисшего и замороженного молока) в 12—15 пудов. Эти взносы иногда заменялись отработками, причем тойон имел возможность прижать работника и обычно выжимал с него больше труда, чем формально полагалось[16]. Что касается зимнего содержания скота, то хозяин платил за него обычно деньгами—по 1 руб. 50 коп.—2 руб. за голову за целую зиму; но фактически зимнее содержание скота обходилось не дешевле 5 руб., так что на подобные сделки шел только бедняк, задавленный нуждой[17].

Эти формы эксплоатации имели довольно древнее происхождение. А были и другие, повидимому, появившиеся не так давно, в связи с развитием торговли. Это прежде всего те же «подряды», которые вплетались обычно и во всякие другие отношения, но часто выступали и самостоятельно. Этот чисто якутский способ эксплоатации чужого труда бросался в глаза всем наблюдателям, и многие его описывают, отмечая его особенно губительный характер.

«Якутская система подрядов,—писал, например, В. Тро-

щанский, проживший в Якутской области в ссылке 8 лет,— есть самая ужасная форма эксплоатации, и я думаю, что благосостояние массы населения не поднимется до тех пор, пока будет существовать эта система в своем настоящем виде». И чтобы дать наглядное понятие об этом деле, Трощанский приводит такой пример.

Якут-бедняк берет у богача в октябре 18 руб., обязуясь за это поставить будущим летом на своем собственном покосе 30 возов сена. Стоимость последних в урожайный год 30 руб. Но в урожайный год богач продавать это сено не будет, а подождет неурожайного (а последние бывают очень часто, и воз сена тогда ценится от 2 до 5—7 руб.). Если даже он продаст на следующий год это сено по 2 руб. 50 коп. за воз, он и то получит 75 руб. Однако он не берет плату деньгами, а опять дает это сено в подряд под масло, которое покупатель должен ему доставить в августе по цене 6—7 руб. за пуд. Получивши таким образом 10 $^{5}/_{7}$ пуд. масла, он продает его зимой по 12 руб. за пуд. Таким образом за 2 года 18 руб. превратились в 128 руб. 57 коп.

Трощанский пишет, что система подрядов так «въелась» в якутскую жизнь, что берут подряды решительно на все, «даже на доставку яиц диких уток»[18].

Другой исследователь, Майнов, сообщает, например, об одном известном ему случае, когда якут (Борогонского улуса) взял у своего тойона 1 воз сена, а через 5 лет тойон потребовал со своего должника целых 15 возов, хотя оказалось, что за это время должник уже отдал ему (в виде процентов) 5 возов. Майнов сообщает также о другом случае, когда таким же образом полученная ссуда в 1 безмен ($2^{1}/_{2}$ фунта) масла через 12 лет превратилась не много не мало как в 162 пуда![19]

Так как уплата подобного долга была, особенно для бедняка, вещью немыслимой, то в результате человек попадал в вечную кабалу к тойону, которого притом должен был считать своим «благодетелем». Из года в год выплачивая проценты по своему долгу, он обычно не освобождался от него до конца жизни и передавал долг своим наследникам. Да тойону было бы и невыгодно, если бы его должник вздумал выплатить ему весь свой долг: это лишило бы его возможности пользоваться его даровым трудом. «У каждого богача,—писал Виташевский еще в 1888 г.,—есть свой отряд данников, которые, забирая у него постоянно деньги под будущую работу, из года в год не выходят из его кабалы, и горе тому из них, кто вздумает когда-нибудь обойтись без *помощи* своего патрона

и обратиться к другому... Такого смельчака его бывший благодетель живым в землю зароет»[20].

Все, что говорилось выше, относится к эксплоатации «самостоятельного производителя»—бедняка и середняка, имевшего свое хозяйство. Но тойоны эксплоатировали и труд разоренных полусамостоятельных и вовсе обнищавших элементов. Такое значение имел, например, обычай *«дюккашества»*. «Дюкках»—это человек (обычно бедняк), не имеющий своей юрты и живущий в чужой юрте. Считалось, что за пользование чужой юртой дюкках должен выполнять свою долю работ по дому: возить и рубить дрова, носить лед, обмазывать юрту навозом и глиной, чистить хотон и т. д. На самом деле все эти работы ложились на дюккаха и его семью в гораздо большей степени, чем на семью хозяина, так что тут происходило не справедливое разделение труда, а эксплоатация бездомного бедняка[21].

Упомянем еще об обычае *«кумаланства»*. Кумаланом назывался сирота, инвалид, обнищавший человек, иногда с семьей, которого родовой сход отдавал на иждивение тому или иному из зажиточных хозяев. По обычаю это считалось родовой помощью бедняку. В действительности и тут богач, кормя кумалана впроголодь, давая ему лохмотья, в то же время заставлял его выполнять различную работу, иногда очень тяжелую.

Кумаланство было в сущности остатком древнего рабства, отмененного официально указами 1808 и 1825 гг., но продолжавшего существовать в скрытой форме. Очень близко к кумаланству стоял также обычай *воспитанничества*. В древности, вероятно, воспитанничество и кумаланство было одно и то же, но в позднейшие времена это были разные вещи.

Обычай брать детей на воспитание вытекал, с одной стороны, из стремления богачей получить даровую или дешевую рабочую силу, а с другой—из того, что бедняки, не могущие прокормить свою семью, рады были избавиться от лишнего ребенка. Под видом воспитания процветало попросту рабство детей. Богачи покупали их и усыновляли, чтобы эксплоатировать. Вот что писал, например, Майнов по поводу этого обычая в 1890-х годах.

«Спрос на детей в Олекминском округе настолько силен, что среди инородцев существуют особые лица (преимущественно старухи), которые занимаются детоторговлей как постоянным промыслом. Наиболее ходко идут девочки в возрасте от 2—3 лет и до 14—15 лет. Цена на них колеблется от 3 и до 30 руб., в зависимости от возраста, здоровья и при-

гожести ребенка. Поставляются дети и девушки преимущественно из Вилюйского округа, откуда по первому зимнему пути их привозят иногда целыми партиями голов в 5—6. Мотив, который заставляет некоторых инородцев продавать своих детей, понятен: это—крайняя нищета; что же касается до покупателей, то они распадаются на два разряда: один—и таких немало—по отсутствию собственных детей принимает чужих с тем, чтобы действительно воспитать их в своей семье как родных; другие, наоборот, пользуются той же формой лишь для того, чтобы приобрести в будущем даровых работников и рабынь. Иначе как рабством положение купленных с этою последнею целью назвать нельзя. Их держат постоянно впроголодь, с раннего детства обременяя совершенно непосильной работой; обращение с ними хозяев в полном смысле слова варварское; подрастающие девушки из числа таких «воспитанниц» само собой или становятся наложницами своих хозяев или продаются на сторону...»[22]

Перечисленные обычаи были главными способами эксплоатации чужого труда тойонами. Но кроме этих было и множество других. Тойоны были иногда необычайно изобретательны в том, что касается обмана и обирания своих близких, а их полновластное положение в улусах обычно позволяло им это делать. «Трудно себе представить,—писал тот же Трощанский,—более безропотную и угнетенную бедноту, которая и помыслить не смеет не только о протесте, но и о простом неодобрении действия богачей—тойонов...»[23]

Вот несколько характерных случаев, попавших в тогдашнюю печать через невольных свидетелей, политических ссыльных.

В 1908 г. тойон Афанасий Николаев (Хочинского улуса) подал в суд иск к бедняку Гр. Аммосову на 84 руб. за проданные ему 16 лет назад коня и 12 фунтов масла. Хотя ответчик и разъяснил, что это был узаконенный древним обычаем обмен подарками и что он сам подарил Николаеву тогда же коня и корову, однако суд постановил удовлетворить иск тойона и отобрал у Аммосова в погашение его «долга» кобылу, стоящую 65 руб. (оценена в 44 руб.) и быка-пороза—стоимостью в 100 руб. (оценен в 40 руб.). Фактически тойон таким образом без всякого права получил с бедняка 165 руб. Улусный голова Молотков утвердил приговор. Земский заседатель его отменил, но тойоны не стали считаться с этой отменой, и скот у бедняка был отобран[24].

Другой случай. В том же 1908 г. один дюпсюнский интеллигент-тойон (имени его газета не упоминает, а называет

только «известнейшим») обобрал бедняка-сородича и заставил его в счет старого долга построить ему юрту. А так как тот не мог отделать новую юрту внутри, то для этого тойон нанял рабочих за 45 руб. и эти 45 руб. взыскал через суд с того же бедняка, который «не доделал» ему юрту. Родовое управление послушно выполнило волю тойона, и наслежный староста конфисковал у бедняка в удовлетворение иска 2 коровьих туши. «Факт... настолько чудовищен,—замечает по этому поводу редакция газеты,—что ему не хочется даже верить»[25].

Третий случай. В том же Дюпсюнском улусе, в 1-м Оспетском наслеге, на озере Бӧрӧлӧх в октябре 1908 г. происходила общественная неводьба 4 большими неводами. Улов был очень богатый, и каждый из участвовавших нескольких сотен людей мог бы получить по разделу по 10—15 пуд. карасей (по якутским обычаям, не только участники, но даже присутствующие на неводьбе получают свою долю добычи). Однако произошло другое: по окончании неводьбы, по словам случайного свидетеля этого дела (очевидно, ссыльного), «разыгралась ужасная, неслыханная история, окончившаяся кровопролитием».

Надо сказать, что это озеро считалось владением двух наследников одного умершего известного тойона. Этим владельцам прежде всего было выделено $^1/_4$ улова. Перед дележом остального тойоны приказали всем участникам ловли, кроме знати, сесть поодаль. Народ, отступя, расселся и стал ждать, а «господа» начали «раздел». «Раздел» состоял в растасковании рыбы, которое продолжалось до ночи. Тогда бедняки, поняв при всем своем преклонении перед тойонами, что их попросту обманывают и что рыба им не достанется, самовольно приблизились и стали тоже брать из оставшейся кучи. В негодовании на такую смелость своих сородичей, «интеллигентные» тойоны набросились на них с баграми, шестами и прочими орудиями и стали избивать бедноту, призвав на помощь своих хамначитов (батраков). Изломав багры и шесты, тойоны с помощью батраков принялись обливать своих противников водой из проруби. Осмелевшая беднота, однако, не отступила, и оставшаяся рыба была разобрана. В результате побоища было трое тяжело раненых и многие получили легкие ранения. Корреспонденция об этом в газету дана под заголовком: «Как интеллигентные якуты «обучают» послушанию своих темных сородичей»[26].

Вот наудачу один характерный тип крупного тойона того времени. Мегинский тойон Ив. Ив. Аммосов, долгое время бывший головой инородной управы, располагал огромным

влиянием не только в своем улусе, но и в Батурусском и в других соседних улусах. В зависимости от него находились не только бедняки, стоявшие вне «классов», не только 3-й и 2-й класс, но и многие родовичи 1-го класса. Крупный тойон Сулгачинского наслега Батурусского улуса Иннокентий Неустроев был не более как доверенным Аммосова, вел дела только на его деньги и был кругом у него в долгу. «И. И. Аммосов—тойон над тойонами»,—писалось о нем в газете. На подряды по маслу он раздавал до 8 500 руб. и выручал на этом по 12—15 тыс. руб. В результате своих спекуляций он собирал с улусного населения до 1 000 пудов масла в год. Доход от его операций с сеном составлял 150—200%, а нередко и 500% в год. Из его махинаций в газете подробно описывалась одна—судебное дело с некиим Аргуновым, которого Аммосов напоил вином и взял с него пьяного кабальную расписку, по которой потом взыскал через суд 410 руб.; выиграв дело, он даже не дал Аргунову копии приговора для обжалования —и т. д.[27]

На чем основывалось могущество тойонов? Их поддерживала русская администрация, они были сильны экономически, так как владели землей и скотом, но кроме того власть тойонов в очень сильной степени была связана с тем, что улусная масса смотрела на них как на «родоначальников», как на свою старую родовую знать.

Мы хорошо знаем, что у якутов родовой строй не только в XIX в., но еще до русского завоевания был уже изжит. Однако пережитки его сохранялись долгое время. Благодаря политике царизма старые родо-племенные деления были искусственно сохранены и закреплены, превратившись в административные единицы. Это было узаконено «Уставом» 1822 г., увековечившим «родовые управления» и тому подобные органы власти, а в них посадившим прежних князцов. Благодаря этой политике старые названия «волостей» (племен) и «родов» XVII в. в большинстве случаев сохранились до наших дней, сделавшись названиями улусов, наслегов и родов. Только благодаря передвижке населения местоположение этих новейших административных делений далеко не всегда совпадало с прежней их территорией. Из 85 известных для XVII в. названий волостей и родов около 60 существуют и посейчас. Так, древняя Батулинская волость сохранилась в названии Батулинских наслегов Верхне-Вилюйского, Жиганского и Усть-Янского улусов, а также в названии Батулинского рода Кильдемского наслега Западно-Кангаласского улуса. Старая Борогонская волость сохранилась в названиях

Борогонского улуса, Оймяконо-Борогонского наслега Баягантайского улуса, Борогонского наслега в Верхоянском улусе, Борогонских родов в Батагайском наслеге того же улуса и в Кокуйском наслеге Средне-Вилюйского улуса. Из древней Бетунской волости образовались Бетюнские наслеги Намского и Батурусского улусов и Бетюнский род Мальжегарского наслега в Олекминском округе. И т. д. и т. д.

Но сохранились не только древние названия, сохранились и предания, традиции, старые обычаи. Сохранился и старинный взгляд на тойонов как на родовую знать. Тойоны искусно пользовались этим, стараясь выставлять себя в качестве защитников интересов своего рода и наслега не только против русского начальства (с которым они, впрочем, никогда не боролись), но и против других родов и наслегов. Последнее было особенно удобным орудием в руках тойонов: они умело использовали всякие межродовые споры за землю (в таких спорах недостатка никогда не было), искусственно разжигали и затягивали эти споры, тем самым достигая одновременно двух целей: выступали в роли представителей интересов рода и отвлекали внимание угнетенных масс от борьбы против своих эксплоататоров на борьбу против враждебного рода.

Вот, например, случай, о котором рассказывает упомянутый выше Трощанский. В наслеге, где он жил, было 4 рода. Из них один имел значительно больше земли, чем остальные три, сильно страдавшие от малоземелья. И вот уже много лет на ежегодных собраниях ставился вопрос об отрезке части земли от более обеспеченного рода в пользу остальных. Однако добиться положительного решения этого дела не удавалось: огромное большинство населения наслега не могло справиться с одним небольшим родом. В чем же было дело? Трощанский объяснял это тем, что, во-первых, якуты в таких случаях не любят решать дело силой, а во-вторых, «нужно иметь в виду, что требуют прирезки не богачи, а люди среднего достатка. Беднота обыкновенно и носа не показывает на собрание, так как там ее никто бы не стал слушать, хотя она в этом деле заинтересована. Богачи, повидимому, равнодушны, так как им лично ничего не перепало бы из прирезанной земли»[28]. А кроме того тойоны, очевидно, намеренно затягивали это дело по мотивам, о которых мы только что говорили.

Можно было бы привести еще множество подобных межродовых споров о земле, иногда тянувшихся десятилетиями.

Часто эти споры бывали связаны с вопросом о разделении наслегов или улусов. Обычно это было тоже тойонской затеей, но нередко кровно затрагивало интересы родовичей.

Вот один пример. В Мегинском улусе был Бахсинский наслег, состоявший из 2 частей: 3 рода этого наслега были «горными», жили по верховьям мелких речек (Туйма, Хандакы и Танда) и имели достаточно покосов; 4-й же род—Приленский—был расположен по берегу Лены и на ее островах, где были и его покосы. Но из островных и прибрежных покосов Приленскому роду принадлежала только часть—76 паев («кюрюё») из 126 $^{3}/_{4}$, остальные 50 $^{3}/_{4}$ паев принадлежали горным родам. Последние, точнее, их тойоны, хотя и не испытывали недостатка в землях, но дорожили этими покосами, так как близость их к Якутску делала выгодной сбыт сена. Приленский род терпел много неудобств от этого совместного владения: из-за дальнего расстояния (65—115 верст) родовичи затруднялись бывать на наслежных собраниях, и интересы их там подавлялись; поздняя присылка «горными» своих «депутатов» для ежегодного поравнения сена задерживала уборку. Поэтому еще в 1872 г. Приленский род ходатайствовал о выделении его в особый наслег.С того времени начались бесконечная бюрократическая волокита, переписка, возражения, постановления и пр. Горные роды, «находясь под давлением нескольких богатых и влиятельных родовичей, для которых существующее положение Приленского рода весьма выгодно, отказались дать требуемое согласие»,—так писал русский чиновник, которому было поручено обследовать это дело. Стали извлекаться из архивов справки о прежних владельцах этих покосов, и дело затягивалось без конца. Через 25 лет, в 1897 г., оно еще не было кончено[29].

А вот пример несколько другого характера, показывающий, как тойоны подстраивали разделы наслегов для обделывания своих делишек.

В том же Мегинском улусе существовал Мойрутский наслег, состоявший из 6 родов. Глава одного из них, Чалгинского, крупнейший тойон И. М. Сергеев, владевший обширными и лучшими землями, вознамерился захватить в пользу своего рода (фактически в свою собственную пользу) большое озеро Тюке, принадлежавшее всему наслегу. Другие 5 родов, конечно, воспротивились этому намерению, и на наслежном собрании домогательства Чалгинского рода были отклонены. Это происходило около 1906 г. Сергеев обратился тогда за поддержкой в Мегинскую инородную управу, во главе которой стоял известный тогда тойон, улусный голова И. И.

Аммосов. Последний поддержал своего собрата, лично приехал в наслег и на собрании добился закрепления озера Тюке за Чалгинским родом на 6 лет. Озеро тотчас же было спущено, и получился хороший сенокосный луг на 7—8 тыс. копен сена. За время 6-летней аренды Сергеев сумел устроить выделение своего рода в самостоятельный Чалгинский наслег. Таким образом, спорные угодья остались за хитрым тойоном. Тогда остальные 5 родов, проиграв дело, начали в свою оче-

Якутские юрты

редь хлопотать о выделе, и в 1912 г. Мойрутский наслег окончательно распался на 6 самостоятельных наслегов[30].

Итак, тойоны всячески поддерживали видимость родовой связи, выступая якобы представителями родовых интересов. Родовые пережитки служили для них средством укрепления своего авторитета. В этом отчасти заключалась и причина живучести всяких древних обычаев, преданий, поверий и пр. Этнографы нередко с удивлением обнаруживали у якутов следы таких первобытнейших явлений, как черты материнского рода, тотемизм, шаманство, первобытные формы взаимного дарения и т. д. Из этого иногда делали неправильное заключение, что якуты якобы первобытный народ, живущий

еще родовым строем. В действительности культурная и экономическая отсталость якутов, конечно, существовала, но она была лишь результатом лежавшего на них тяжелого колониального и тойонского гнета, а вовсе не признаком «первобытности».

Материальная культура якутов и в самом деле оставалась до конца XIX в. на довольно низком уровне, сохраняя очень древние и совершенно своеобразные черты.

Своеобразие якутского быта видно уже при чисто внешнем знакомстве с ним. Якуты не живут деревнями. Они селятся отдельными юртами, иногда по 2—3, очень редко больше, в одном месте. Каждый такой «поселок» из 1—3—5 юрт отстоит от других на несколько километров, а в северных районах—на десятки километров. Каждое хозяйство имеет обычно 2 жилья: зимнее и летнее, стоящее одно от другого местами на $^1/_4$, $^1/_2$ км, местами на несколько километров. Два раза в год, весной и осенью, совершается перекочевка с зимников на летники и обратно.

Постройки якутов очень однообразны. Древняя коническая «ураса» из жердей, крытая берестой, к концу XIX в. почти повсеместно вышла из употребления. Основным типом якутского жилья стала юрта, или «балаган» (по-якутски «çie»). Юрта имеет внешнюю форму усеченной пирамиды со слегка наклоненными сторонами. Основу ее составляют 8 столбов, вертикально врытых в землю и образующих прямоугольник со сторонами в 5—8—10 м. Сверху на столбах укреплены горизонтальные перекладины, образующие прямоугольную (чаще квадратную) раму. На эту раму опирают верхние концы жердей или бревен, которые ставят несколько наклонно, вплотную друг к другу по всем 4 сторонам и которые нижними концами врываются в землю. Так образуются слегка наклонные стены. Над ними из бревен же устраивается слегка покатая двускатная крыша,—и юрта готова. Остается обмазать ее снаружи глиной или (на зиму) навозом, навесить двери, устроить окна (зимой в них вставляли за неимением стекла лед), и около входа, который обычно делается на восток, справа, соорудить открытый камелек из жердей, обмазанных глиной. Внутри по всем 4 стенам настилаются нары («ороны»), отдельные части которых носят определенные названия и предназначаются для хозяина, хозяйки, домашних слуг, почетных и простых гостей и т. д. Обычно с северной стороны к юрте примыкал «хотон» (хлев), у бедняков не отделенный даже глухой стеной от жилья и делавший воздух в юрте зимой особенно тяжелым. Такова старая якутская юрта. У бо-

гатых она отличалась большими размерами, деревянным полом, иногда стеклянными окнами и относительной чистотой, но самый тип обычно оставался тот же.

В одежде якуты меньше сохранили самобытности. В будничной обстановке они часто носили одежду русского покроя из покупных тканей. Старинный якутский костюм сохранялся главным образом для праздничных случаев. Особенно характерна нарядная женская шуба—«сангыях»—из дорогих мехов бобра, выдры, чернобурой лисицы и т. п., сохранявшаяся по преимуществу, конечно, в богатых семьях, как фамиль-

Якутки в старинных богатых нарядах

ная драгоценность. Более простая верхняя меховая одежда—«сон»—представляет собой род однобортного полушубка с расширением внизу, довольно неуклюжего вида. Из головных уборов очень характерна женская праздничная шапка, меховая, с высоким верхом, украшенным серебряными пластинками и вышивками. Все это сохранялось главным образом в тойонском слое населения.

Много самобытных черт сохранилось в домашней утвари и в прочих изделиях якутов. Среди последних есть хорошие мастера резьбы по дереву, большие художники в резьбе из мамонтовой кости. Якутские кузнецы сохранили очень древ-

Семья тойона Олекминского округа

нюю технику выплавки железа из местной руды и ковки его. Эти же кузнецы—в то же время хорошие литейщики и чеканщики, умеющие из меди и серебра лить и чеканить в высшей степени художественные вещи: бляхи для поясов, обкладку седел, плеток, различные украшения, цепочки и пр.

Из древних производств у якутов сохранилось также гончарное производство, хотя и очень примитивное: без гончарного круга, от руки, женщины лепят довольно непрочные и некрасивые горшки.

В духовной культуре якутов вплоть до новейших времен сохранялось тоже много примитивного. Сохранялось шаманство, несмотря на преследования шаманов русскими попами. Шаманы пользовались большим авторитетом у населения. Вооруженный бубном, одетый в тяжелый пудовый кожаный плащ с бесчисленными железными подвесками, шаман, позванный «лечить» больного, целую ночь пляшет и поет свои заклинания, пением и ударами бубна вызывая своих духов-помощников или отправляясь сам незримо в верхний или нижний мир, в царство духов. Шаманские сеансы—«камлания» очень часто можно было наблюдать в якутских улусах, и даже русское население нередко верило в их силу. Известен один, точно установленный факт, когда (в 1880 г.) один русский священник в Якутске, заболев, сам прибегал к помощи якутского шамана, заставив его камлать[31].

Но в старой якутской культуре было и много творчески ценных элементов подлинно национальной якутской культуры. Такова прежде всего поразительно богатая, красочная, глубоко художественная народная поэзия. Якутские былины о богатырях—«олонхо»,—которые рассказывались особыми специалистами сказочниками («олонхосут»), свидетельствуют об особой поэтической одаренности якутского народа и представляют огромный научный интерес. Кроме них сохранилось множество сказок, песен, пословиц, загадок и других произведений якутского народного творчества. В 90-е годы XIX в. большая часть этих образцов народной словесности якутов была собрана, записана и частично опубликована (главным образом исследователями ссыльными).

Такова была в самых кратких чертах старая культура якутов, сохранившаяся до конца XIX в. В ней много было ценного. Но тяжелые материальные условия жизни массы населения и связанная с этим общая культурная отсталость создавали в целом весьма неприглядную картину культурной жизни якутского улуса.

Но если темная и забитая улусная масса не могла повы-

сить свой культурный уровень, то в тойонскую среду городская культура проникала. В тех же газетных корреспонденциях того времени не раз отмечалось, что тойоны у себя в улусах все более начинают воспринимать внешний культурный лоск: городскую одежду и обстановку домов, выписку газет и т. п. Тойоны начали учить детей в министерских и церковно-приходских школах (в этих школах было мало мест, и туда попадали только дети тойонов или по их протекции). При этом, однако, наблюдатели тут же отмечали, что «нравственный уровень» богачей от всего этого не повышается: образованные и культурные тойоны все так же спекулируют на товарах, торгуют водкой, разбавляя ее водой, раздают товары в долг под масло и сено, наживаясь на этом неимоверным образом. Попечители школ (тойоны), получая на нужды школы по 100—150 руб., прикарманивают их, покупая для школы только какую-нибудь стопу бумаги, и т. п.[32]

В районах, более связанных с промышленными центрами, например, в Олекминском округе, вблизи золотых приисков, тойоны местами вполне усвоили быт русской городской буржуазии. «Представители этой среды,—писал И. М. Майнов,—имеют европейски обставленные дома с зеркалами и венской мебелью; они по праздникам надевают сюртуки и делают визиты исправнику и отцу благочинному, а вечером принимают их у себя и после нескольких роберов крупной игры угощают ужином с коньяком и шампанским высоких марок, с омарами и заграничным сыром»[33].

Глава 16

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ И ПОПЫТКА ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Как ни забита, как ни задавлена была якутская беднота авторитетом всесильных тойонов, но невыносимые условия жизни заставляли ее рано или поздно подниматься на защиту своих интересов. Протест против несправедливости существовавшего земельного строя к концу XIX в. чем дальше, тем становился слышнее и решительнее. Это была классовая борьба, проявлявшаяся в разных формах, но становившаяся все более и более острой.

Чаще всего эта борьба принимала форму судебных жалоб и общественных приговоров о перераспределении земли. Изучавший специально этот вопрос Л. П. Мамет находит, что в Якутском архиве, например, из хранящихся там судебных дел этой эпохи не менее 80% «связано с земельными неурядицами», и количество таких дел все более нарастает, начиная со второй половины 70-х годов XIX в., достигая наибольшей величины в 90-х годах[1]. Местами протест принимал и более активную форму. «Есть наслеги,—писал в 90-х годах Виташевский,—боевой характер жизни которых известен далеко за пределами улуса. Смело, решительно, без всякой боязни за завтрашний день выступает там низший класс общины на борьбу с наслежными «авторитетами» из-за наделения землею безземельных и более равномерного распределения поземельного владения вообще. С другой стороны, даже в среде этих «авторитетов» появляются «выродки», которые бунтуют против своих же кровных родственников, собирают открыто подписи под приговором о переделе земель и уничтожении наследственных прав владения»[2].

Уже бывали случаи и прямого захвата общинниками спорных земель, на которые претендовал тойон. Классовая борьба обострялась.

Немалую роль в пробуждении классового сознания якутской бедноты сыграли политические ссыльные. Некоторые из них, не ограничиваясь ролью пассивных наблюдателей, старались помочь, как умели, угнетенной якутской массе. Тот же Н. А. Виташевский, например, не только старался

растолковывать якутам их положение, но и практически помогал, пользуясь своими юридическими знаниями, в составлении приговоров, прошений о переделе земли и пр.

Эти земельные неурядицы не могли не обеспокоить и русскую администрацию. Приходилось считаться и с множеством жалоб, споров, конфликтов, доходивших до областных властей и даже выше, а особенно тревожно было уменьшение поступавших казенных сборов и рост недоимки, ставший заметным в последней четверти XIX в. Падало и общее экономическое благосостояние области в результате обнищания широких масс населения. Для администрации делалось все более ясным, что необходимо что-то предпринять.

Циркуляр иркутского генерал-губернатора от 22 июля 1890 г. предписывал позаботиться о более уравнительном распределении между «инородцами» земли и повинностей, «отнюдь не лишая земли никого из однообщественников»[3]. Однако подобные предписания оставались на бумаге, пока в 1892 г. в Якутскую область не был назначен новый губернатор, В. Н. Скрипицын.

Познакомившись с земельными порядками якутов, Скрипицын принялся за подготовку земельной реформы.

Подготовка велась довольно долго—7 лет. Губернский статистический комитет по поручению Скрипицына собрал подробные сведения о якутском хозяйстве и землепользовании. В этом деле активно участвовал ряд политических ссыльных народников: Майнов, Левенталь, Виташевский и др. Они были увлечены намеченной реформой и энергично поддерживали Скрипицына. Надо сказать, что и он весьма благожелательно относился к политическим ссыльным-народникам, охотно привлекал их к работе и в частности содействовал организации известной уже нам Сибиряковской экспедиции 1894—1896 гг., которая тоже дала немало материала для подготовки реформы.

Губернатор собирал также съезды «сведущих лиц» (в том числе и якутских тойонов), обсуждая с ними проект реформы. Как тойоны отнеслись к реформе, мы скоро увидим, но в результате всей этой многолетней работы в 1899 г. была наконец издана «Инструкция о порядке уравнительного распределения в наслеге (или селении) земель между обществениками в соответствии с податными и повинностными платежами». Эта «Инструкция» и была вместе с особым циркуляром 20 июля 1899 г. разослана на места.

В чем была сущность намеченной реформы? «Инструкция» предписывала введение «строго уравнительного» распределе-

ния земель и полную отмену старой «классной системы» землепользования. Она запрещала захват в частное пользование «общественной земли сверх надела под разными предлогами и без установленного разрешения». Распределяться земля должна была по душам, независимо от пола и возраста: на каждую душу полагалось по равному паю. Одинокие, бессемейные хозяева имели право и на дополнительные паи, но не более трех всего. Устанавливались обязательные уравнительные переделы раз в 5 лет[4].

Таковы были наиболее существенные черты задуманной земельной реформы. Принципы ее в сущности не были новы: авторы «инструкции» в основом перенесли сюда черты русской тяглой крестьянской общины. Для администрации это была знакомая форма землепользования, очень удобная в смысле сбора податей и повинностей, как было известно по опыту русской общины.

Понятно, почему ссыльные революционеры-народники целиком поддерживали эту программу реформы и помогали ее составлять. Ведь это была та самая уравнительная община, которой русские народники всегда поклонялись, считая ее идеалом общественного устройства. Их увлекла мечта ввести этот «крестьянский рай» в якутском улусе, да еще руками самого правительства!

В действительности эта реформа, если бы она удалась, конечно, означала бы большой шаг вперед в экономическом развитии якутского улуса. Она освободила бы якутов от застарелых наслоений феодально-крепостнического строя. Но она отнюдь не помешала бы росту капиталистических кулацких хозяйств. «Инструкция» допускала для «лиц, ведущих хозяйство в большем сравнительно с другими размере» (для кулаков-тойонов), увеличение их владений путем приобретения с торгов «мирских оброчных статей». В дальнейшем губернатор в особом циркуляре (21 июня 1900 г.) подчеркивал, что «Инструкция вовсе не имеет в виду стеснить предприимчивость крупных скотоводов»[5].

Но эта так долго подготовлявшаяся реформа самым печальным образом провалилась. Тойоны на местах, разумеется, встретили «Инструкцию» Скрипицына резко враждебно. Они пустили в ход все средства, чтобы не допустить принятия ее наслежными сходами. Местами «Инструкцию» просто замалчивали, скрывали от населения ее содержание, при переводах (из якутов немногие знают русский язык) намеренно искажали ее и т. д. В случае надобности пускали в ход угрозы и террор: изгоняли с собрания за всякие возражения

и смелые вопросы и т. д.[6] В других местах тойоны спаивали участников собраний водкой, подкупали нужных людей и наконец составляли фальшивые приговоры, подделывая подписи[7].

Администрация со своей стороны тоже применяла нажим. На собрания приезжали исправники, заседатели и другие чины полиции. В их присутствии, под их прямым давлением «Инструкция» кое-где принималась. Так, в Вилюйском округе из 56 наслегов только в двух «Инструкция» была одобрена, во многих других ее приняли с целым рядом оговорок и поправок, в двух улусах решительно отвергли[8]. Нередко принятая в присутствии полицейского чиновника «Инструкция» на следующем сходе, в его отсутствие, отклонялась[9].

В самом Якутске тойоны вели кампанию против реформы. Крупнейший тойон В. В. Никифоров, человек с юридическим образованием, идейный вождь тойоната, подал губернатору «записку» с резкими возражениями против реформы. Он доказывал, что уравнительный порядок землепользования «совершенно чужд пониманию якутов и не может согласоваться с современными их потребностями»[10].

Мало того, тойоны стали посылать жалобы на действия губернатора и в Иркутск—генерал-губернатору, и в Петербург—в сенат. Они ссылались на «Устав» 1822 г., согласно которому распределение земли совершается по обычаям самих «инородцев», и русская власть в эти дела вмешиваться не может.

Несмотря на то, что в Якутске получались донесения об отклонении в большинстве наслегов «Инструкции», губернатор знал, что это—только результат агитации тойонов, а якутская масса или не знает содержания «Инструкции» или сочувствует ей. В тех жалобах, которые продолжали поступать из улусов по поводу разных земельных дел, были нередки и ссылки на «Инструкцию» и обвинения тойонов в утаивании ее.

Тогда, после новых «съездов сведущих лиц» в 1900 и 1902 гг., Скрипицын переработал заново свою «Инструкцию» и в дополненном виде в 1902 г. вновь разослал ее. Главные добавления состояли в том, что были приняты меры к устранению укоренившихся тойонских злоупотреблений и к возможному уменьшению давления тойонов на общества. С этой целью предписывалось ввести тайное голосование при решении на сходах земельных дел, члены инородных управ устранялись от голосования, самое же распределение земельных паев должно было производиться по жребию[11].

Вновь зашумели речи на наслежных сходах, тойоны опять пустили в ход все свои излюбленные средства убеждения и запугивания. От этой эпохи сохранилась одна, хоть и приблизительно записанная, но чрезвычайно характерная речь тойона, ярого защитника старого порядка землепользования. Эта речь представляет собой яркую, откровенную до цинизма классовую декларацию тойонства. Вот что говорил этот тойон (дело было в 1-м Оспетском наслеге Дюпсюнского улуса):

«Если всех лиц, не имеющих у себя ни одной штуки скота и до сих пор не имевших земли, наделить ею, то наш скот нам (тойонам) придется угнать на убой. Мы держим земли много потому, что у нас, во-первых, много скота, во-вторых, мы сами неспособны косить (№) и нанимаем работников на доходы с лишнего надела (№). Мы рады бы наделить землею и вас, но где же взять ее столько, чтобы могло хватить на всех? Хоть у нас в руках и много земли, но выгодами ее мы пользуемся умело, целесообразнее вас. Нам нужны летние загоны для лошадей, которых у вас нет, нам нужны особые выгоны для отгула скота, который нужно сбыть в осеннюю ярмарку (№), нам нужны особые выгоны для телят, которых у нас много, и потому надеть на всех намордники невозможно, да и мало ли для чего мы имеем разные загоны!! Ведь вам земля не столь необходима, как нам, и, разумеется, вы не в силах так ею пользоваться, как мы (!). Наконец, вы должны подумать о всех наших трудах, заботах и благодеяниях, кои мы вам оказываем во всякое время и во всех отношениях (!): в улучшении общих условий нашей жизни, в сношениях с администрацией, да и вам самим, взнося своевременно за вас подати и повинности, давая вам, когда вы находитесь в нужде, то деньги, то сено, то хлеб и пр. (Ростовщичество!—*С. Т.*). Таким образом, мы всегда вас выручаем из безвыходного положения. Так мы с вами из рода в род жили и живем мирно и дружно; если же нарушим теперь прежний мир и лад, то можем все в корень разориться и погибнуть, а потому я советую подождать следующего схода, который будет через год в это же время. К тому времени черная ворона побелеет, а белая почернеет»[12].

Видно, атмосфера в наслегах была сильно накаленной, если тойоны разражались подобными декларациями.

Но судьба реформы была уже решена. Ее противник—тойонат—оказался сильнее якутского губернатора. Он был сильнее и в улусах, но мало того, он одержал победу и в высших сферах. Иркутский генерал-губернатор не поддержал

либеральной затеи Скрипицына, а Сенат по жалобе тойонов указом от 12 февраля 1903 г. отменил «Инструкцию» и объявил, что «административная правительственная власть впредь до окончательного поземельного устройства инородцев не вправе вмешиваться в земельные дела и споры наслежных обществ»[13].

Итак, в этой стычке якутского губернатора с якутским тойонством последнее вышло победителем. Иначе и не могло быть. Затея Скрипицына была заранее обречена на провал. Она шла вразрез со всей политикой царизма, всегда поддерживавшего господствующую верхушку порабощенных им национальностей. Было бы совершенно немыслимым делом, чтобы царская власть провела антитойонскую реформу. Политика царизма в целом—политика сотрудничества с местной верхушкой—не могла измениться.

Глава 17

1905 ГОД

Ко времени 1905 г. в Якутии наросли глубокие внутренние противоречия. Улусную бедняцко-середняцкую массу жестоко эксплоатировали и собственные тойоны и русские чиновники, купцы и попы. Но тойонский гнет, как мы уже знаем, довольно искусно маскировался в форму патриархальных отношений. Обиравший и обманывавший бедняка тойон все еще выставлял себя в роли его «отца» (ага), который якобы защищал его интересы и перед чужеродцами и перед русским начальством. Что касается тойонской части населения, то она тоже не вполне была довольна установившимся в Якутии режимом: тойоны были раздражены отрезками земель в пользу русских поселенцев, обеспокоены слухами о более широкой русской колонизации края; они были также недовольны мелочной опекой русской низовой администрации и хотели бы добиться независимости от нее, забрав всю власть над своими улусами в свои руки.

Русское население в Якутской области было немногочисленным и было сосредоточено главным образом в городах и вдоль р. Лены. Рабочая прослойка в нем была невелика, так как промышленность Якутии ограничивалась немногими полукустарными предприятиями. Но этот, хотя распыленный и малочисленный, пролетарский слой—рабочие типографии, мелких столярных, кузнечных, кожевенных мастерских, вместе с рабочими и служащими торговых фирм, пароходной компании Громовых и пр., все же представлял собой известную революционную силу. К нему примыкала более широкая масса мелкой городской буржуазии, ремесленников, мелких лавочников, владельцев небольших домиков, живших сдачей их в наем, и пр. Все они так или иначе страдали от закабалявшего их крупного капитала. Богатые купеческие фирмы, как иногородние, так и местные, русские и якутские—Громовы, Кушнаревы, Коковины и Басовы, Юшмановы, Эверстовы, Аверинские и др.,—сдружившиеся с бюрократией, держали в своих руках городские думы и управы. Крестьянское русское население, расселенное главным образом по почтовым «станкам» вдоль Лены и по другим трактам, больше всего

страдало от подводной повинности и от всяких притеснений со стороны начальства.

Революционным бродилом была масса политических ссыльных, особенно социал-демократов, к этому времени составивших очень значительный процент в ссылке. Еще до 1905 г. некоторые из ссыльных пытались переходить от общекультурной к политико-воспитательной работе среди населения. В 1902/3 гг. ссыльным студентом Игорем Будиловичем был организован политический кружок среди учащихся г. Якутска; кружок существовал недолго, и уже в январе 1903 г. был разгромлен властями, но он оказал известное влияние: некоторые из его участников были впоследствии активными революционерами. В 1903/4 г., группой ссыльных с.-д. была сделана попытка организовать кружок для подпольной революционной работы.

Но особенно сильный толчок революционному движению был дан знаменитым «якутским протестом» 1904 г. Революционизирующее влияние этого события сказалось не только в самой Якутии, но отозвалось и по всей России[1].

С конца 1903 г. положение политических ссыльных резко ухудшилось: правивший тогда Россией царский любимец Плеве и его ставленник иркутский генерал-губернатор Кутайсов начали «подтягивать» режим ссылки. В Якутию полетели один за другим циркуляры, которые отнимали у ссыльных немногие, завоеванные ими тяжелой борьбой льготы, жестоко ухудшали их положение, вводили суровые наказания за малейшие попытки неповиновения. Многим ссыльным грозила отправка, в самых нечеловеческих условиях, в Верхоянск и на Колыму.

Ссыльные решили протестовать. Более 50 человек их—почти исключительно социал-демократы, т. к. эсеры в большинстве были против протеста—собравшись в Якутске, заняли дом якута Романова (18 февраля 1904 г.) и забаррикадировались в его верхнем этаже, заявив губернатору, что не разойдутся, пока не будут отменены кровожадные циркуляры Кутайсова, а на попытку насилия будут отвечать вооруженным сопротивлением. Перепуганное начальство растерялось. 18 дней сидели в осаде протестанты, окруженные блокадой вооруженных полицейских и войска. Впервые в истории в Якутии развевалось на крыше дома, на виду всего города, красное знамя. Осажденные ждали штурма и приготовились встретить нападение с оружием в руках. Вместо этого губернатор, после долгих колебаний и растерянности, решил перестрелять их с дальнего расстояния. Против 3-дневного обстре-

ла дома дальнобойными солдатскими винтовками (3—5 марта) героические протестанты были бессильны. Потеряв одного (рабочего—искровца Ю. Матлахова) убитым, троих ранеными, они сдались и были отведены в тюрьму.

Протестантов-«романовцев» судили, но они сумели свой процесс превратить в мощную пропаганду своих идей. Весь мир следил за их самозащитой, в их речах и в речах их защитников были разоблачены все ужасы ссылки, вся дикая жестокость царского режима. Обвиняемые получили каторжные приговоры. Насколько возмущено было передовое общественное мнение всей страны, показывают многочисленные телеграммы сочувствия, поступавшие со всех концов России. Смелый протест якутских ссыльных был одним из толчков, ускоривших во всей стране приближение революционного взрыва. В самом Якутске, при отправке осужденных «романовцев» на каторгу (23 августа) состоялась мощная демонстрация, в которой участвовали не только ссыльные—товарищи отправляемых, но и городское население, учащиеся, рабочие и др. Событиями 1905 г. «романовцы» были освобождены.

В 1904 г. после «романовского» протеста, в Якутске начали выходить нелегальные издания: «Летучий листок», «Вестник ссылки»; был выпущен ряд социал-демократических брошюр и прокламаций. Появились политические кружки под руководством ссыльных социал-демократов. В апреле 1905 г. организовался марксистский кружок, получивший в ноябре название «Маяк». Из этого кружка в июне 1906 г. выросла Якутская организация РСДРП. Из среды «маяковцев» вышли в дальнейшем местные революционеры-большевики, как Чепалов и др. Кружок выпускал журнал «Маяк», в котором участвовали тоже главным образом большевики. В 1906 г. издавались прокламации не только на русском, но и на якутском языке.

Почва для подъема революционной волны была таким образом подготовлена, но организация революционных сил—кроме политических ссыльных—почти отсутствовала. Наибольшей организованности движение достигло в г. Якутске, который и стал центром событий.

Русско-японская война, петербургские события 9 января («кровавое воскресенье») и вызванный этим подъем революционного движения в России — все это находило себе известный отклик в Якутии, конечно, главным образом, в среде ссыльных. Но до октября 1905 г. революционное настроение, постепенно нарастая у населения города, еще не прорывалось открыто.

По получении в Якутске известий о манифесте 17 октября, вырванном революцией у царя,—настроение масс сразу прорвалось уличными демонстрациями. Участники их пели революционные песни, провозглашали лозунги: «Долой самодержавие!» «Да здравствует республика!» Стали собираться митинги. На них выступали, кроме ссыльных, местные рабочие, учащаяся молодежь, мелкие служащие.

Начали создаваться союзы. Возник союз учащихся, союз учителей, союз торговых служащих, даже союз чиновников и союз мелких торговцев. Несколько позже организовался «Союз якутов».

Движение распространилось и на деревню. В конце октября крестьяне 5 селений приленской Чекурской волости заявили об отказе в дальнейшем отбывать подводную повинность, предъявили ряд требований властям и избрали собственный комитет. В других местах крестьяне тоже отказывались от бесплатных казенных перевозок. Почти прекратилось поступление казенных и земских сборов.

В городе движение было направлено не только против царской администрации, но и против Якутской городской думы, где засели местные капиталисты. 17 декабря «союз мелких торговцев» подал в городскую думу заявление с рядом требований: в числе последних, наряду с узко профессиональными требованиями (об аренде торговых помещений—больной вопрос для мелких лавочников), было и политическое требование о перевыборах думы на основе демократического голосования. Дума отклонила эти требования, но они были тогда поддержаны на широком митинге 20 декабря, где участвовали революционные массы всего города.

Дума продолжала саботировать эту волю народных масс. Тогда 9 января 1906 г. массы сами явились на заседание думы. Толпа, человек в 200, под руководством политических ссыльных, с пением марсельезы и криками: «Долой думу! долой самодержавие!», вошла в зал заседаний думы и, перепугав на смерть гласных, заставила их принять все требования народа и сложить с себя полномочия, чтобы уступить место новому демократическому самоуправлению.

Этот разгон купеческой думы был высшей точкой революционной борьбы в Якутске и во всей Якутии в 1905 г.

В якутских улусах тем временем шло глухое брожение. Улусные трудящиеся массы страдали и от чиновничьего произвола и от собственных тойонов. К осени 1905 г. под влиянием общего подъема революционной борьбы против само-

державия во всей стране,—а слухи об этом все больше проникали даже в глушь якутской тайги,—недовольство масс целиком направилось против царской бюрократии. В дни всероссийской стачки, в октябре 1905 г., в якутских улусах начался бойкот местных органов царской администрации: население отказывалось выполнять их требования, платить повинности и пр.

На это недовольство якутской массы опирался и организованный 4 января 1906 г. «Союз якутов». Деятельность якутских народных масс того периода еще мало изучена, заслоненная официальными выступлениями заправил «Союза». Но все же мы знаем, что эта якутская народная масса умела оказывать организованное сопротивление правительству, создавала по местам свои комитеты, целыми наслегами прекращая взносы платежей и повинностей. После ареста руководителей «Союза якутов», населением стал проводиться бойкот полицейской власти, а в центр посылались ходатайства об освобождении арестованных, в то время как последние, выходцы из рядов местного тойоната, подавали заявления о раскаянии и выражали верноподданнические чувства.

Эта национально-освободительная борьба народных масс Якутии была сорвана национальной верхушкой—местным тойонатом, захватившим руководство движением.

Тойоны искусно воспользовались подъемом революционной активности масс. Они хотели достигнуть сразу двух целей: во-первых, отвести недовольство масс от себя, направив его по более удобному для тойоната руслу, а во-вторых, опираясь на революционный подъем в улусе и выступая от имени населения перед русской администрацией, добиться для себя определенных уступок.

Положение тойоната казалось в этот момент очень выгодным. Администрация, уже напуганная начавшимися событиями, и учитывая настроение якутской массы, попыталась привлечь тойонов на свою сторону. Губернатор пригласил их участвовать в совещании по вопросу о введении земских учреждений в области (20 октября). Этим шагом администрация рассчитывала внести некоторое успокоение в массы. Тойоны учли выгодность своего положения и отказались от участия в совещании. В противовес этому они сами выдвинули свой проект «Общих положений о земском самоуправлении в Якутской области».

Этот проект отражал целиком классовые интересы тойоната. Согласно ему власть в области должна была перейти

из рук русской администрации и полиции в руки земства, где, конечно, главную роль играл бы тойонат; далее шли требования о представительстве якутов в Государственной думе и, наконец, о признании всей земли в Якутской области, включая казенные, монастырские и отведенные ссыльнопоселенцам земли, собственностью якутов.

Местная администрация, растерявшись перед событиями, не давала ответа на требования тойонов. Тогда последние начали действовать более решительно. 4 января 1906 г., как упоминалось, на большом собрании якутов, где присутствовало несколько сот человек, был создан «Союз якутов» и избран «Центральный комитет» этого союза. Руководство «Союзом» сразу захватили крупные тойоны: В. В. Никифоров, Слепцов, Говоров, Афанасьев и др. Показательна программа «Союза якутов», сформулированная вожаками его в тех требованиях, которые были ими отправлены по телеграфу на другой же день после создания союза, 5 января, председателю совета министров в Петербург. Требования сводились к следующим пунктам: 1) признание всех земель Якутской области собственностью якутов; 2) введение земского самоуправления; 3) право избирать депутатов в Государственную думу и 4) уничтожение полицейской опеки над якутами. «Союз якутов» заявлял о приостановке всех платежей и повинностей и о прекращении всяких сношений с полицией до удовлетворения этих требований.

Как видим, требования «Союза якутов» отнюдь не имели революционного характера. О борьбе с самодержавием в них не было и речи. В них ровно ничего не говорилось об интересах трудящихся якутских масс. Требования передачи всех земель якутам и независимости якутов от русской местной администрации в действительности лишь повторяли то, к чему всегда стремилось якутское тойонство,—стремилось и в 1789 г. (план Алексея Аржакова), и в эпоху Степной думы. Как будет распределена земля между якутами, как будет организована местная власть после освобождения от полицейской опеки,—об этом вожди «Союза» не говорили, но по существу это было очень ясно: и то и другое, и земля и власть, должно было достаться тойонам. Последние добивались максимальной свободы эксплоатировать своих сограждан, ни с кем не делясь. В этом и была вся суть тойонских требований.

Таким образом, «Союз якутов» выступил как типичная буржуазно-националистическая организация. Цель тойоната состояла в том, чтобы ввести революционный подъем масс

в рамки буржуазно-националистического движения и тем обезвредить его. Именно для этого «Союз якутов» пустил в ход демагогическую, якобы «революционную», агитацию и даже обратился с призывом к населению прекратить казенные платежи и повинности.

В январе 1906 г. реакция начала поднимать голову— из России стали доходить вести о разгроме революции. Члены «Центрального комитета Союза якутов» 18 января были арестованы, а на следующий день губернатор опубликовал объявление к «инородческому населению области» с призывом не следовать указаниям «Союза» и вернуться к несению своих повинностей под угрозой военной силы. Арестованные члены ЦК выпустили обращение к населению с призывом подняться на защиту своего союза, и это обращение имело успех. Когда же в 1907 г. арестованных судили и приговорили к разным срокам тюрьмы, осужденные тойоны начали подавать заявления о своем раскаянии и выражать свои верноподданнические чувства. Они были помилованы[2].

Революция 1905—1906 гг. в Якутии не победила и не могла победить, во-первых, потому, что широкие массы якутского населения не выступили со своими собственными требованиями,—они шли еще за своими тойонами, якобы выразителями национальных интересов. Главной же причиной поражения был разгром революции во всей России.

Глава 18

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ (1906—1916 гг.)

Несмотря на разгром революции 1905 г., она не прошла для Якутии бесследно. В политической жизни края шло быстрое созревание революционных сил.

После 1905 г. усилилось культурно-воспитательное влияние политической ссылки на якутское население. В жизни самой ссылки с 1906 года начался новый период. Этот период отличался прежде всего тем, что ссылка стала массовой. Прежние интеллигенты-одиночки растворились в массе революционных рабочих, ссылавшихся в Якутию царизмом в 1906—1916 гг. Это было отражением того, что в самой России рабочее революционное движение приняло гораздо более широкий размах, чем прежде. Партийный состав ссылки был в это время довольно пестрым: тут были эсеры, максималисты, анархисты, много социал-демократов, немало и большевиков. В Якутии побывали в эти годы и многие из руководителей большевистской партии: Серго Орджоникидзе, Ем. Ярославский и др. Это наличие значительной прослойки революционного пролетарского авангарда сообщило совершенно новый характер всей жизни якутской ссылки.

Старая народническая ссылка, хотя и вела культурную работу среди населения, но зато сама была в значительной мере оторвана от революционного движения в стране. Многие ссыльные народники за долгие годы своего пребывания в Якутии вообще теряли свое политическое лицо и растворялись в местной обывательской массе. Мелкобуржуазная часть ссылки и после 1905 г. во многом повторяла ту же историю. Среди ссыльных анархистов, эсеров и др. в период реакции 1908—1910 гг., да и позже, были заметны упадочные настроения, бытовое и моральное разложение, отход от всякой политической жизни.

Зато пролетарская часть ссылки лишь в очень незначительной части подверглась разлагающим настроениям реакции. Социал-демократы имели свою нелегальную организацию. Формально она была единой, но в ней шла борьба между большевиками и меньшевиками. Первые вели наиболее активную работу, поддерживали связь с партийными центрами,

выступали против обывательского разложения мелкобуржуазной части ссылки. Показателем революционных настроений этой политически активной части ссыльных было огромное количество побегов (хотя бы и неудачных), чего раньше якутская ссылка не знала. Особенно часты были побеги в первые годы после революции 1905 г. Так, в 1907/8 гг. из присланных в Олекминск 50 политических ссыльных бежало 45 человек.

Особенно оживились революционные настроения якутской ссылки после ленских событий—расстрела рабочих цар-

Группа политических ссыльных на этапе по пути в Якутск

ской полицией на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г. Этот «ленский расстрел», всколыхнувший революционную волну во всей России, не мог не отозваться и на соседней Якутии. Социал-демократическая организация среди якутских ссыльных, одно время (после провала 1903 г.) почти распавшаяся, была восстановлена. Летом 1912 г. эта организация была уже вполне оформлена, и в ней большевики повели решительную борьбу с ликвидаторством меньшевистского крыла. В 1913 г. социал-демократическая организация якутских ссыльных справляла первую маевку—в лесу, в окрестностях города. Такая же маевка была устроена в 1914 г.

Еще более резкое размежевание в среде якутских ссыльных наступило в годы империалистической войны. Мелко-

буржуазный, особенно эсеровский лагерь занял оборонческую позицию. Напротив, социал-демократическая группа, возглавлявшаяся в эти годы тов. Ем. Ярославским, с самого начала войны резко выступала против оборончества. Когда до Якутии дошли сведения о Циммервальдской конференции, почти вся организация уже твердо стояла на пораженческой позиции. Тов. Ярославский и др. вели по этому вопросу переписку с товарищами, отбывавшими ссылку в других частях Сибири. Революционно-пораженческие настроения сказались почти открыто во время похорон рабочего-большевика тов. Ястрова, присланного в начале войны в Якутск за антивоенную агитацию и умершего от туберкулеза в якутской тюрьме в начале 1916 г. Эти похороны вылились в демонстрацию протеста против империалистической бойни и против царского самодержавия.

Ссыльные большевики выступали с политическими докладами, большей частью, конечно, нелегально. На маевках 1915 и 1916 гг. с революционными речами выступал тов. Ярославский. Он же во время товарищеской встречи нового года(1916) говорил о близости социалистической революции; в ответ на это эсеры только скептически пожимали плечами и возлагали все надежды на речи либеральных ораторов в государственной думе.

Итак, в лице большевистской части ссылки Якутия в этот период имела у себя политически ведущее революционное ядро. Присутствие этого ядра оказывало сильное влияние и на политическую жизнь Якутского края.

Ссыльные принимали деятельное и разностороннее участие в общественно-культурной жизни края. Некоторые из них участвовали в ряде экспедиционных и других научных работ (Ем. Ярославский, Драверт, Оленин и др.). Другие занимались медицинской практикой (Серго Орджоникидзе, Олейников, Ожигов и др.). Тов. Ярославский руководил местным музеем.

Особенно важную роль сыграло участие ссыльных в местной печати. В 1907—1909 гг. выходила легально социалистическая газета, руководимая политическими ссыльными. Подвергаясь постоянным преследованиям, меняя свое название («Якутский край», «Якутская жизнь», «Якутская мысль»), газета продолжала выходить в течение 2½ лет. Позже, в 1912 г. газета вновь возродилась (под названием «Якутская Окраина») и велась под руководством большевиков вплоть до самой революции 1917 г.

На столбцах этой печати освещались и общие, и местные

вопросы. Очень любопытна кампания, развернутая газетой в 1908—1909 гг. вокруг вопросов о сущности и происхождении якутского тойоната, о происхождении земельного строя якутов. Газета в ряде статей сумела показать непримиримость классовых противоречий в якутском улусе, разоблачить тойонских теоретиков, выступавших с идеями «исконного демократизма» и «бесклассовости» якутского народа.

Но помимо культурной работы в легальных рамках большевики вели и подпольную пропагандистскую работу. Особенно надо отметить в этом отношении политический нелегальный кружок, организованный т. Ярославским среди учащейся молодежи г. Якутска, в числе которой было немало и якутов. Это марксистское воспитание якутской молодежи было чрезвычайно важным делом: из кружка т. Ярославского вышел ряд якутов-борцов за советы в эпоху Октября: тт. Ис. Барахов, Ст. Аржаков и др.

Что работа большевиков ссыльных имела и массовое воспитательное значение, это видно хотя бы из цифр о деятельности якутской городской библиотеки: среди ее читателей в 1912 г. было 14% якутов, а в 1914 г.—уже 20%[1].

* * *

В жизни самого якутского населения основным, все еще неразрешенным, вопросом и после 1905 г. продолжал оставаться земельный вопрос. Вокруг него в улусах не переставая кипела классовая борьба, то глухая, то открытая.

В 1908 г. в Якутске происходил съезд представителей улусов и волостей Якутского округа. Вопрос о землепользовании не был включен в повестку съезда, и попытки со стороны некоторых его участников поставить этот вопрос вызвали ожесточенный отпор тойонской части, особенно из богатых землей улусов. Как выразился по этому поводу один из возражавших, намский тойон Шапошников, «по выражению присутствующих лиц (!) он видит, что съезд хочет отнять у Намского улуса много земли»[2]. Большинство съезда высказалось за включение земельного вопроса в повестку, но он был снят по настоянию губернатора[3]. Тойонат при поддержке русской администрации всячески отбивался от вопроса о переделе земли.

Но этот вопрос все более настоятельно выдвигался самой жизнью. Беднота в улусах продолжала добиваться перераспределения земли. В отдельных хозяйственно более развитых

районах ей удавалось этого добиться. Дело в том, что тут усиливалась рядом со старым аристократическим тойонством новая якутская торговая буржуазия, не заинтересованная в земле, и она иногда оказывалась неожиданным союзником бедноты, требовавшей уравнительного земельного передела. Ко времени империалистической войны «классная система» фактически исчезла в ряде наслегов обоих (Западного и Восточного) Кангаласских улусов, ближайших к городу и экономически более развитых.

В Олекминском округе «классная система» еще значительно раньше, до 1890-х годов, уступила место распределению покосов «по душам».

Летом (15—19 июня) 1916 г. на «совещании инородческих представителей Якутского округа» вновь был поставлен вопрос о землепользовании. Хотя совещание состояло главным образом из «почетных» (тойонов), единодушия на этот раз между ними не было.

Наряду с закоренелыми защитниками старого порядка землепользования здесь было много сторонников реформы, и были представители компромиссной точки зрения. Прения были горячие. Защитники «классной системы» пускали в ход всевозможные аргументы в пользу ее сохранения. Противники «классной системы» указывали на ее устарелость, несправедливость и пр. Сторонники компромисса ссылались на различия условий в отдельных районах: в тех наслегах, говорили они, где земля более или менее одинакова по качеству, можно ввести уравнительное землепользование, а там, где она неоднородна, следует сохранить старый порядок.

При голосовании вопроса голоса разделились пополам: 12 голосов было подано за переход к уравнительной системе землепользования и столько же против. Перевес председательского голоса обеспечил победу сторонникам реформы. Была принята обстоятельная резолюция. В ней говорилось об исторических условиях образования «классной системы» (в древности она де «была выражением справедливости и нравственных понятий того времени»), но указывалось и на то, что ныне она устарела и держится только силой и влиянием «почетных инородцев»; упоминалось о положительном опыте наслегов, уже перешедших к уравнительному землепользованию, и в заключение предлагалось: «при распределении общественных покосов руководиться уравнительным принципом, считая «классную систему» не соответствующей якутскому правосознанию» [4].

События революционной эпохи дали делу новое направление.

* * *

Значительные сдвиги наметились после 1905 г. и в культурной жизни якутского народа. Это было время первого появления якутской национальной интеллигенции как самостоятельной культурной силы.

Нарождавшаяся якутская интеллигенция, хотя и испытывавшая политическое влияние со стороны ссыльных социал-демократов, в большинстве своем все же была связана не с массами, а с тойонатом. Представители якутской интеллигенции—еще очень небольшого слоя населения—были по большей части выходцами из тойонско-кулацкой среды. Это вполне понятно, так как бедняку и середняку проникнуть в школу было трудно, а получить высшее образование—тем более. Только отдельные единицы получали в политических кружках воспитание в социалистическом духе. Большинство придерживалось расплывчатой националистической идеологии, примерно в духе программы «Союза якутов». Политическая платформа большинства интеллигенции состояла в мечтах об уничтожении чиновничьего произвола, о введении земства, о праве посылать представителя в государственную думу. Культурная программа сводилась к повышенному интересу к якутской старине, преданиям, верованиям и обычаям.

Представителями этой интеллигенции были в то время В. В. Никифоров—юрист (помощник присяжного поверенного) и писатель, сам из крупных тойонов Дюпсюнского улуса; А. Е. Кулаковский— поэт и этнограф-фольклорист, собравший и исследовавший богатый материал по верованиям и народному творчеству якутов; А. И. Софронов—писатель-драматург; Г. В. Ксенофонтов—пом. присяжного поверенного, позже ставший одним из этнографов-фольклористов Якутии, и др.

К этому периоду относятся первые шаги национальной якутской литературы. Одним из первых ее произведений была пьеса В. В. Никифорова «Манчары», написанная (на якутском языке) около 1906—1907 гг. и посвященная этому легендарному разбойнику первой половины XIX в. Образ Манчары в этой пьесе сильно идеализирован, причем характерно, что автор—сам тойон—отразил в этом образе народное представление о герое-борце против феодалов. Манчары го-

ворит, например, в этой пьесе, обращаясь к тойону Чочо: «Что ты называешь своим трудом, в чем он заключается? Не ты ли захватил все лучшие земли, принадлежащие беднякам и сиротам? Не ты ли, пользуясь своей властью, принуждаешь их же самих обрабатывать эти земли для своей выгоды? Может быть, это ты называешь своим трудом? На тебя работают все окружающие; для выполнения всех твоих работ нехватит людей целого наслега и даже улуса»[5]. Пьеса пользовалась большим успехом и шла, хотя и с цензурными поправками, в «Якутском инородческом клубе» в 1907 г.

Там же ставились другие якутские пьесы с сюжетами, заимствованными из якутской мифологии: о богатыре Кулантае, «Джадоны-Джаакын» и пр.

Были и попытки издания газет на якутском языке: в эти годы выходили газеты «Саха-дойдута» («Якутский край»), «Саха-олохо» («Якутская жизнь»). В 1912 г. издавался журнал «Саха-саната» («Якутская мысль»).

В 1916 г. начала издаваться на русском языке газета «Якутские вопросы», редактором-издателем которой был В. В. Никифоров. Направление газеты было умеренно-либеральное. Газета просуществовала до самой февральской революции.

Самодержавное правительство, проводя полицейскую политику обрусения «инородцев», старалось гасить всякие проявления национальной культуры и очень неохотно терпело культурную деятельность среди угнетенных народов. Эту политику хорошо выразил один из участников происходившего в 1912 г. в Якутске совещания членов православно-миссионерского общества по вопросам транскрипции перевода на якутский язык церковных книг, преподаватель Якутской семинарии П. М. Соловьев. Он произнес по этому поводу следующую краткую, но яркую речь: «К чему создавать искусственную грамоту ради диких племен, пусть пресмыкаются, если не хотят подлаживаться под русский дух. Стыдно поддерживать варварский язык дикарей. Что значат 100 000 чумазых против 1 200 тысяч россиян»[6]. Хотя статистика у этого оголтелого держиморды сильно хромала (якутов было не 100 тысяч, а русских не 1 миллион), но в своем грубо циничном выступлении он сумел очень хорошо выразить руссификаторскую политику царизма, сделавшего из России тюрьму народов.

Впрочем, в Якутии эта политика царизм никогда не удавалась. Удалось добиться только введения православия у якутов, и то лишь формального. По языку якуты не только не руссифицировались, но чаще якутизировали своих соседей,

в том числе и русских. Русское старожильческое население Якутии в большинстве хорошо говорит по-якутски. Мало того, русские крестьяне старых деревень, слобод и «станков» наполовину забыли русский язык и вполне слились с якутами. По материалам, собранным И. Майновым, 30—35% русских крестьян (мужчин) Якутского округа совершенно не понимают русского языка, а среди женщин этот процент еще значительно выше[7]. В Амгинской слободе (тип жителя которой описан Короленко в рассказе «Сон Макара») тот же Майнов нашел, что из 86 домохозяев (числящихся русскими) 54 совершенно не знали русского языка, 19 объяснялись на нем с трудом и только 13 человек говорили по-русски более или менее сносно[8].

В этих условиях культурная деятельность национальной интеллигенции имела перед собой широкие возможности; но слабость и нерешительность ее культурных начинаний, обусловленные преобладанием буржуазно-националистических элементов, а с другой стороны, явное или скрытое противодействие правительства и, наконец, невыносимо тяжелые материальные условия жизни якутских масс—все это вместе взятое ставило, вплоть до победы пролетарской революции в России, чрезвычайно тесные пределы культурному развитию якутов.

Глава 19

ОТ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ К ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЯКУТИИ

Как только стало известно в Якутске из первых частных телеграмм о революционных событиях в России, о низвержении самодержавия,—весь Якутск пришел в движение. Почва для переворота была здесь вполне подготовлена. Город был полон политическими ссыльными, из которых политически передовая часть—большевики—сумела сразу же взять инициативу в свои руки. Для них революция не была неожиданностью. Еще за два месяца до событий, во время встречи нового, 1917, года, Ем. Ярославский говорил в своей речи на вечеринке ссыльных, «что никогда мы не стояли так близко к социалистической революции, как стоим сейчас», «что неизбежно массовое выступление пролетариата в ближайшие же недели и месяцы, что война не может не кончиться массовым выступлением пролетариата»[1]. Напротив, меньшевики, а в особенности эсеры, возражали против подобного с их точки зрения «утопизма» и больше надеялись на речи в Думе кадетского лидера Милюкова[2].

Эсеровская часть ссылки, численно еще преобладавшая, к этому времени вообще немногим стала отличаться от обывательской массы. Тов. Ярославский рассказывает, что когда он показал только что полученную из России телеграмму о перевороте одному ссыльному эсеру, тот, прочтя ее и не приостанавливая работы, которой в эту минуту был занят, ограничился спокойным замечанием: «Да, очень интересно»[3].

Иначе восприняли революцию большевики. Тов. Серго Орджоникидзе, работавший в это время фельдшером в Западно-Кангаласском улусе, по получении известий о начавшейся революции, немедленно приехал в Якутск.

Большевики в Якутске сразу же начали действовать. Тов. Ярославский и др. члены большевистской группы, сейчас же по получении известия о событиях в Петербурге, составили план действий. Социал-демократическая группа обратилась к эсерам с предложением выступить сов-

Тов. Серго Орджоникидзе в 1917 г. в г. Якутске

местно и в тот же день созвать массовое открытое собрание. Эсеры ответили отказом—они предпочитали выжидать, проводя свою политику срыва революционной борьбы.

1 марта утром был организован революционный комитет. Вопреки возражениям эсеров, вечером того же дня состоялся массовый митинг (в здании «благородного собрания»). Подавляющее большинство собравшихся восторженно приветствовало падение самодержавного режима. В тот же вечер на спектакле в «клубе приказчиков» тов. Ярославский, выступив со сцены, рассказал о событиях и заявил сидевшим в первых

Первомайский митинг в 1917 г. в г. Якутске.
Речь тов. Орджоникидзе перед историческим домом «Романовка».

рядах представителям местной власти—вице-губернатору, городскому голове и др.,—что время их хозяйничанья кончилось: «Вы доживаете последние часы,—говорил тов. Ярославский,—и власть уже не в ваших руках, власть в руках восставшего народа. Если вы добровольно не отдадите ее, тем хуже для вас»[4].

Ночью 1 марта на заседании революционного комитета было постановлено «занять телеграф, почту, областное управление, отстранить губернатора, взять власть в свои руки». В Петербург была отправлена телеграмма с извещением о перевороте. В ответ была получена телеграмма от временного

Социал-демократическая демонстрация в Якутске (март 1917 г.)

правительства, в которой было предложено назначить комиссара временного правительства по Якутской области.

В первые же дни революции был создан Якутский совет рабочих и солдатских депутатов. Большевики деятельно принялись за организацию профессиональных союзов: были созданы союзы грузчиков, плотников, сельскохозяйственных рабочих и др., были организованы татарская и еврейская национальные группы. Тут сказались результаты прежней энергичной подпольной работы большевистских кружков. На первых же митингах после переворота зазвучали марксистские революционные речи на якутском языке. В составе исполнительного комитета Совета рабочих депутатов были и якуты.

Пролетарская часть якутского населения осознавала свои классовые интересы и горячо поддерживала революционные организации. Вот, например, что говорится в резолюции союза якутов-чернорабочих: «Мы, чернорабочие якуты г. Якутска, в числе 250 человек, быв 3 апреля с. г. в здании общественного собрания, слышали к величайшей нашей радости об образовании совета солдатских депутатов из местного гарнизона... что обеспечит судьбу нашей области и свободу, нами недавно полученную, и мы надеемся, что вы пойдете по стопам совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда»[5]

Из Якутска, как из центра области, движение стало скоро распространяться вглубь и вширь. Застрельщиками и здесь выступили большевики. «Мы опирались,—пишет в своих воспоминаниях тов. Ярославский,—хотя и на немногочисленные, но сознающие свои особые классовые интересы пролетарские слои. Мы организовали через молодых якутских товарищей группу якутской бедноты в деревнях, в улусах (комитеты якутской бедноты). Впервые на народном собрании выступили с изложением нашей пролетарской программы молодые якуты: Васильев, Слепцов и др. Мы выпустили ряд воззваний на якутском языке, составленных якутскими большевиками... В самом начале революции мы организовали первый съезд якутов и русских крестьян. На этом съезде были поставлены такие вопросы, как земельный, как вопрос об отделении церкви от государства. Мы провели на этом съезде ряд постановлений, в которых защищались интересы якутской бедноты. Мы тут же провели постановление об отделении церкви от государства и школы от церкви. Мы провели постановление об избирательном праве для мужчин и женщин с 18 лет.

На этом первом съезде крестьян организовалось довольно

прочная группа местных национал-демократов, которая фактически была выразительницей интересов зажиточной, богатой, кулацкой части якутов: скотоводов и торговцев—якутских тойонов. По сути дела, на этом съезде шла борьба между тойонами и якутской беднотой (хамначитами). Правда, мы здесь допустили ошибку, о которой нам впоследствии говорил Владимир Ильич: *мы не провели постановления о передаче всех земель крестьянам.* Мы не выделили здесь отдельно фракцию делегатов, выражавшую точку зрения бедноты. Мы не использовали полностью этот съезд, как его следовало бы использовать»[6].

Но уже с первых дней революции стали организовываться и силы будущей контрреволюции. Раньше всего контрреволюционные настроения обнаружились среди части старого чиновничества. Кое-кто из его среды выступал на заседаниях «Комитета общественной безопасности» с речами против нового строя. Большевики организовали энергичный отпор этим реакционным элементам. Тов. Ярославский вспоминает горячие выступления по этому поводу Серго Орджоникидзе, который со всею страстностью, на какую он способен, обрушился против этих чиновников: «Все чиновники—взяточники,—кричал он,—все чиновники—взяточники!»[7]

В дальнейшем силы контрреволюции стали все больше сплачиваться и организовываться. Ядром их стал «Комитет общественной безопасности», куда входили все группы и сословия, вплоть до духовенства и купцов. В нем тон задавали эсеры, сразу же начавшие блокироваться с буржуазными группами. Эсеры боролись против 8-часового рабочего дня, они организовывали союз сельских хозяев (в противовес большевистскому союзу с.-х. рабочих). В новоизбранной городской думе эсеры шли в блоке с «союзом домовладельцев».

Якутская буржуазия—тойонство—очень скоро оказалась в лагере контрреволюции. Вместе с русским купечеством она была крайне недовольна политикой находившегося в руках большевиков областного продовольственного комитета, который пытался ввести хлебную монополию и регулировать цены на предметы первой необходимости и тем мешал спекуляции купцов и тойонов. Последние, естественно, враждебно относились и к совету рабочих и солдатских депутатов, поддерживавшему облпродком. Крупные тойоны-купцы—Никифоров, Ксенофонтов, Эверстов, Слепцов и др.—вместе с русскими купцами и бывшими чиновниками начали вести агитацию против совета и облпродкома, натравливая на них ту часть якутов, которые еще находились под тойон-

ским влиянием. Якутская буржуазно-националистическая интеллигенция, основавшая свой «Союз свободы», по существу была агентурой того же тойонства.

До конца мая 1917 г. перевес сил был на стороне революционных масс, возглавлявшихся большевиками. Но вот в последних числах этого месяца вскрылась, как обычно, Лена, и началась навигация. Многие ссыльные выехали в Россию. К этому времени якутским областным комиссаром Временного правительства был назначен эсер В. Н. Соловьев. Из России приходили вести о нараставшей борьбе между буржуазным Временным правительством и большевистской частью петроградского совета. Под влиянием всего этого якутские эсеры, опираясь на поддержку русской и якутской буржуазии, перешли в наступление против якутского совета рабочих и солдатских депутатов, вождя трудящихся масс Якутии. События вступили в новую фазу.

Начался период накопления сил. Якутский совет рабочих и солдатских депутатов деятельно мобилизовал трудящиеся массы, подготовляя их к захвату власти. Эсеры, укрепившиеся в «Комитете общественной безопасности», всячески дискредитировали совет и социал-демократов; они отозвали из совета своих представителей и в противовес ему создали ряд организаций: «совет казачьих депутатов», «якутский офицерский совет», «совет зажиточных крестьян». Националистический якутский «союз федералистов» и «якутский национальный комитет» шли в блоке с эсерами.

Положение особенно обострилось, когда при закрытии летней навигации по Лене выяснился недостаток завезенного продовольствия и товаров,—Якутия всегда зависела от привозного снабжения. Большевистские продовольственные органы пытались ввести хлебную монополию и твердые цены на продукты. Из России доходили тем временем вести об октябрьских боях пролетариата. Борьба усиливалась и завершилась арестом всего состава продовольственной управы (20 ноября 1917 г.) и увольнением 8 служащих продовольственных органов. Тех и других эсеры заменили своими ставленниками. Но в ответ на это была немедленно объявлена однодневная забастовка протеста; забастовали рабочие типографий и электростанции. Одновременно из Иркутска от краевого комиссара было получено телеграфное распоряжение об освобождении арестованных. Краевой комиссар эсер Кругликов отправил это распоряжение под прямым давлением военно-окружного бюро советов рабочих и солдатских депутатов. Арестованные были освобождены.

В России и в Сибири в это время уже существовала советская власть. В Якутии же продолжал управлять ставленник купцов и тойонов эсер Соловьев—областной комиссар уже несуществующего Временного правительства. В декабре Восточносибирский исполнительный комитет советов (в Иркутске) телеграммой отстранил Соловьева от управления областью и объявил единственно законной властью совет рабочих депутатов.

Фактически, однако, якутский совет рабочих депутатов взять власть еще не мог. Но Соловьев сознавал неустойчивость и беспочвенность своего положения и обратился к населению с демагогическим воззванием, прося освободить его от обязанностей комиссара и создать новые органы власти.

Эту новую власть организовала имевшая в своих руках военную силу русская и якутская буржуазия. 9 февраля (ст. стиля) 1918 г. был сформирован так называемый «Областной совет», в который вошли, кроме эсеров, представители земства, «военного и крестьянского совета», союза федералистов, созданного эсерами «совета солдатских депутатов» и др. Председателем областного совета был назначен правый эсер, ставленник Соловьева, инспектор народных училищ В. В. Попов. Фактически в областном совете командовали Соловьев, капитан Бондалетов, Корнилов, Корякин и др. Во главе милиции был поставлен эсер Клингоф.

Областной совет, заявив о своем неподчинении советскому правительству России, занял военной силой казначейство, почту и телеграф и другие общественные учреждения. В Якутии открыто устанавливалась контрреволюционная власть.

Однако трудящиеся массы Якутска продолжали бороться. В ответ на создание контрреволюционного Областного совета в феврале 1918 г. в Якутске развернулась большая политическая забастовка, продлившаяся целых три недели. В ней участвовали рабочие электростанции, лесопильного завода, служащие казначейства, городского телефона, почты и телеграфа, также грузчики, парикмахеры, переплетчики, часовщики и многие другие. Стачкой руководил стачечный комитет, выпускавший в подпольной типографии «бюллетень». Забастовка частично распространилась и на область и на Ленский тракт: о поддержке ее приходили телеграммы из Олекминска, Витима, Чекурской волости, из с. Покровского и пр. Часть забастовавших служащих—казначейства и др. общественных учреждений—вела себя нерешительно и уже 20—25 февраля вернулась к работе, но рабочих этот факт настроил еще более по-боевому. Забастовка продолжалась.

В начале марта состоялись перевыборы Совета рабочих депутатов. В новый состав Совета вошли социал-демократы, большевики и меньшевики, левые эсеры и беспартийные рабочие, большевистски настроенные. Попало туда и несколько правых эсеров, однако они, увидев себя в меньшинстве, ушли из Совета. Руководство Советом перешло к большевикам.

На первом заседании нового Совета 12 марта (ст. стиля) 1918 г. был выбран исполнительный комитет.

Исполком немедленно взял курс на захват власти. Он разослал по всем учреждениям предписания не подчиняться никаким распоряжениям, кроме исходящих от Совета рабочих депутатов. Он готовил рабочие массы к фактическому захвату власти. Однако на стороне Совета рабочих депутатов было только сочувствие масс и никакой военной силы, последняя была в руках контрреволюционного Областного совета.

Опираясь на нее, Областной совет утром 29 (16 марта) арестовал весь состав исполкома и ряд руководящих деятелей социал-демократов.

Но арестованные руководители Совета рабочих депутатов вместе с оставшимися на свободе товарищами продолжали борьбу. Выпускался подпольный «Бюллетень якутского совета рабочих депутатов». Влияние совдепа росло с каждым днем.

Якутия тем временем оставалась почти отрезанной от остальной России. В Иркутске, где в это время был центр советской Сибири, знали о положении дел в Якутии, но до начала летней навигации не могли ничего предпринять. Только с открытием летнего пути по Лене ЦИК советов Сибири («Центросибирь») мог послать вооруженный отряд на помощь якутским товарищам для борьбы с местной контрреволюцией.

Из Иркутска через Качуг вниз по Лене выступил красногвардейский отряд и, соединившись в пути со вспомогательным отрядом из Бодайбо (Ленские прииски), прибыл 30 (18) июня в Якутск.

В Якутске знали о движении красного отряда. Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, с огромной энергией подготовил все для облегчения победы над белыми. Областной совет тоже знал о приближении отряда,—знал уже по одному тому, что Центросибирь несколько раньше отправила в Якутск полномочную комиссию для мирного урегулирования конфликта, на что последовал решительный отказ со стороны Областного совета. Однако последний проявил странное легкомыслие, очевидно, не веря в силы красных. Красногвардейскому отряду удалось беспрепятственно с по-

мощью высланных навстречу представителей Совета рабочих депутатов подойти к городу, после чего красные, разделившись на 5 «рот» и окружив город, с разных сторон одновременно вступили в него и после короткого и слабого сопротивления эсеровской милиции овладели городом. Как оказалось, руководители белых при известии о приближении отряда бежали в тайгу, оставив в городе лишь слабый заслон.

30 июня советская власть в Якутске восторжествовала. Но это было еще далеко не окончательное торжество. Впереди предстояли еще тяжелые испытания.

Как раз тогда, когда советская Сибирь помогла свергнуть контрреволюцию в Якутске, в самой Сибири советская власть пала. 11 июля Иркутск подобно ряду других городов Сибири был занят чехословацкими мятежными войсками. В верховьях Лены образовался фронт. Часть красногвардейского отряда немедленно была отправлена туда. В Якутске остались лишь слабые силы.

Между тем советская власть в Якутии фактически существовала пока лишь в городе. В улусах полновластно распоряжались тойоны. Советской власти необходимо было развернуть большую организационную работу в деревне. Товарищ Барахов рассказывает в своих воспоминаниях о том «небывалом брожении», какое началось среди якутов в глухих улусах Вилюйского округа, когда он в июле 1918 г. в качестве представителя исполкома совета «привез им первую (и последнюю в то время) весть о советской власти, о ее земельной политике, о беспощадной борьбе ее со всеми их вековыми угнетателями и т. д. Они сейчас же,—вспоминает тов. Барахов,—приступали к организации советской власти, по моим указаниям, смещали свои власти, оставшиеся почти нетронутыми после царизма, и немедленно отбирали у тойонов их огромные земельные владения»[8].

Установленная областным советом «земская» власть по области пала. Отовсюду слали приветственные телеграммы исполкому и красному отряду.

Но с юга уже надвигалась контрреволюция. Заняв Иркутск, белые двинулись вниз по Лене. В июле в руках белых уже был Киренск, в начале августа—Олекминск. По получении известий об этом, якутский Совет депутатов ввиду крайней малочисленности военных сил в его распоряжении решил эвакуироваться в Вилюйск. 4 августа исполком вместе с отрядом Красной Армии и с другими советскими работниками в количестве всего 200 человек отплыли на пароходах вниз по Лене. По прибытии в Вилюйск, силы красных останови-

лись там с целью выждать события. Вскоре, однако, возобладало мнение о возвращении в Якутск, так как, находясь в Вилюйске, красные были в тупике: пробиваться далее на запад в сторону Енисея, от которого отделяли многие сотни километров непроходимой тайги, было невозможно. Совдеп после двухнедельного отсутствия вернулся в Якутск, где власть находилась в это время в руках эсеровского «исполнительного комитета земского и городского самоуправления».

Но 23 августа отряд белых под командой поручика Гордеева захватил Якутск. Руководящие советские работники частью эвакуировались в деревни и улусы, частью перешли на нелегальное положение. Многие попали в руки белых. В Якутской тюрьме в сентябре 1918 г. собралось до 300 человек красноармейцев, советских работников и др. Сажали всех, кого подозревали в причастности к работе советских органов.

Начиналась полоса контрреволюции. В ноябре по всей Сибири установилась власть Колчака; бывший эсер Соловьев стал колчаковским губернатором в Якутии. Но ушедшие в подполье большевики продолжали борьбу: «...в тылу Колчака, Деникина, Краснова, Врангеля орудовали в подполье замечательные большевики, партийные и непартийные, которые подымали на восстание рабочих и крестьян против интервентов, против белогвардейцев, подрывали тылы врагов Советской власти и, тем самым, облегчали продвижение Красной армии» *.

Период колчаковщины и подпольной борьбы большевиков продолжался в Якутии до конца 1919 г., когда героический натиск Красной армии с запада при поддержке рабочих сибирских городов и партизанских крестьянских отрядов свергнул колчаковскую диктатуру на всей территории Сибири. 14 ноября 1919 г. красными войсками была взята столица Колчака—Омск, а 24 декабря началось восстание в важнейшем центре Сибири—в Иркутске,—восстание, окончившееся 5 января окончательной победой революции. Но уже 15 декабря рабочие Якутска, распропагандировав солдат колчаковского гарнизона, под руководством подпольной организации большевиков свергли власть колчаковских агентов.

В начале января 1920 г. был сформирован революционный комитет. Была установлена связь с Иркутском и с Советской Россией.

Но уцелевшие в Якутии контрреволюционные элементы делали последние попытки организации борьбы с советской

---

* История ВКП(б), Краткий курс, стр. 235.

властью. В Якутске буржуазно-националистическая интеллигенция своей деятельностью содействовала этой подготовке. Когда начался бурный подъем национально-культурного движения и даже в улусах создавались драматические кружки, народные дома и пр., им удалось проникнуть в создававшиеся на местах национально-культурные учреждения, чтобы использовать их для своей националистической пропаганды. В 1921 г. в Якутске образовалось якутское общество «Саха-Омук»*; во главе этого общества оказались представители националистической интеллигенции: Кулаковский, Софронов, Оросин, Никифоров и др.

Деятельность общества «Саха-Омук» носила ярко-националистическую окраску. Ставились националистические пьесы; усиленно внедрялся новый, недавно составленный якутом-студентом С. А. Новгородовым, якутский алфавит, который обладал рядом особенностей, противопоставлявших его и русскому и латинскому алфавитам.

«Саха-Омук» было политической организацией. Руководители его заявляли, что в национальных районах интеллигенция должна быть посредником между партией и советской властью, с одной стороны, и населением—с другой. На деле общество «Саха-Омук» проводило воинствующе-националистическую пропаганду и помогало активным контрреволюционным силам.

Некоторые из представителей этой якутской тойонской интеллигенции, впрочем, и сами были связаны с антисоветскими элементами. В дальнейшем, с началом белобандитского движения, часть их оказалась в числе его руководителей: такими были П. Оросин, А. Рязанский, Д. Решетников, Г. Иванов и др.[10]

Еще в 1920 г. кое-где делались попытки контрреволюционных мятежей. Попытки эти исходили от отдельных небольших групп белых офицеров, старых чиновников, эсеров, которых еще немало было в глубине Якутии. Так, в феврале 1920 г. в Вилюйске была сделана попытка антисоветского переворота под руководством эсера, б. частного поверенного С. А. Корякина: мятежники арестовали представителей советской власти (тов. Ст. Аржакова), но через 3 дня (21 февраля) мятеж был ликвидирован силами самого населения без жертв. В ноябре того же года имело место контрреволюционное выступление в Олекминском округе; во главе выступления стояли

---

* Его предшественником было общество «Саха-Аймах» («Якутское племя»), существовавшее еще в 1918—1919 гг.

колчаковский офицер К. Авдеев и местный кулак с уголовным прошлым В. Харлампиев. Мятеж не удался, так как мятежники узнали о приближении красного отряда из Якутска. Той же осенью 1920 г. вспыхнули антисоветские восстания в Булуне и Усть-Янске под руководством бывших колчаковцев. Оба восстания были ликвидированы без кровопролитий красными отрядами из Верхоянска, в то время бывшего революционным центром для всего севера Якутии. Несколько позже—зимой—такое же восстание началось в Момском районе, но и оно быстро было ликвидировано.

Осенью 1921 г. разразилось восстание под руководством тойонов и белогвардейцев. Во главе восстания стоял один из бежавших из Якутска колчаковских офицеров—корнет В. Коробейников. Восстание началось с того, что Коробейников и другие офицеры захватили на р. Мае два парохода с баржами, везшие большие грузы товаров для якутской кооперации («Холбос»). Повернув эти пароходы обратно вверх по реке, Коробейников приплыл в Нелькан (поселок, откуда начинается сплав по р. Мае) и здесь начал формирование контрреволюционных отрядов.

С ним сразу же вступили в соглашение эсер П. Куликовский и купец-татарин Юсуп Галибаров. Купцы, скупщики пушнины, тойоны сразу примкнули к мятежу и принялись энергично агитировать население. Пускались в ход и клевета на советскую власть, и националистическая демагогия, и обещания, и запугивания. Агенты Коробейникова призывали всех вступать добровольцами в его отряды. Вступающих оделяли мануфактурой, чаем и другими товарами из захваченных советских грузов.

Белобандитское восстание охватило ряд районов. В январе 1922 г. белые появились в Верхоянском округе, отрезав Верхоянск от Якутска. В Вилюйском округе в феврале сформировался отряд под начальством тойона П. Т. Павлова. Белые постепенно подвигались к Якутску. Красные имели мало сил, они не имели опыта в новой таежной войне и часто терпели поражения, особенно от применявшихся белобандитами засад. В марте 1922 г. Якутск оказался в тесном кольце белых мятежников.—в кольце радиусом не более 15—25 километров. Из Иркутска спешно шел на выручку красный отряд под командой знаменитого сибирского партизана «дедушки» Каландарашвили. Но не доходя 35 километров до Якутска, отряд, шедший без разведки, попал в засаду и был разбит, причем погиб сам Каландарашвили со всем своим штабом и до 50 бойцов.

Бой под Эверстовской заимкой (март 1922 г). Наступление красных войск. (С картины худ. Кондинского.)

Казалось, успех антисоветских сил в Якутии был обеспечен. Коробейников уже послал во Владивосток (меркуловскому «правительству») донесение о взятии Якутска. В с. Чурапче (в 160 километрах к северо-востоку от Якутска) был созван областной тойонский съезд, и на этом съезде было создано «временное якутское областное народное управление», а Коробейников получил звание «командующего якутской народной армией». Куликовский тем временем, живя во Владивостоке, выпрашивал у Меркулова и Дитерихса военную помощь Коробейникову, а для себя добился назначения «управляющим Якутской областью».

Однако на этом успехи белых и кончились. Осажденные в Якутске красные войска героическим натиском, после упорных и кровопролитных боев, овладели важнейшим укрепленным пунктом белых—заимкой Эверстова (март 1922 г.), прорвав тем самым кольцо осады. Прибытие красного экспедиционного отряда из Иркутска дало решительный перевес советским силам. В белобандитских отрядах началось разложение. Массы обманутых «добровольцев» из якутской бедноты и середняков начали сдаваться в плен целыми партиями; упорствовавшие терпели поражения. Волна белых откатилась от Якутска. Несколько сотен контрреволюционеров отступили к Охотску, один отряд (под командой Аровтемьева) задержался в районе с. Петропавловского (р. Алдан). В Верхоянске белые держались до сентября 1922 г., на Колыме—до октября—ноября.

Авантюра эта дорого обошлась трудящимся Якутии. Число расстрелянных белобандитами доходило до 700 человек. У населения было забрано много скота—местами до 80% всего поголовья. В Чурапче Коробейников сжег школу, библиотеку и больницу—лучшую в области. На р. Лене было спилено до 2 000 телеграфных столбов и сожжено 1 700 сажен дров. Транспорту был причинен большой вред, около 40 тыс. пудов нужных для населения грузов было захвачено и расхищено. Хозяйству Якутии был нанесен тяжелый удар.

Однако кровавый призрак бандитизма был уничтожен. Страна вновь возвращалась к мирной жизни. Это было ознаменовано крупнейшим политическим событием. 27 апреля 1922 г. декретом ВЦИК была создана Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика. 1 мая декрет был широко обнародован на местах. Якутия заняла свое место в ряду братских национальных республик советской страны[11].

Глава 20

ПЕПЕЛЯЕВЩИНА

В тяжелой борьбе рождалась молодая советская Якутская республика; уже на востоке загустели новые тучи.

Еще в период наибольших успехов белых банд Коробейникова его агент, эсер Куликовский, выпрашивая во Владивостоке у белого приморского правительства материальную помощь, заодно искал и военную силу, которую можно было бы бросить на помощь Коробейникову. И такая военная сила нашлась,—нашлась в главном гнезде дальневосточной белоэмиграции, в Харбине, где после разгрома Колчака спасались остатки его побитой армии.

Помимо открыто черносотенного реакционного офицерства в Харбине была небольшая группа офицеров, выступавших под демагогическими лозунгами всероссийского крестьянского царства, пытавшихся ими поднять крестьянство на борьбу с советской властью. Во главе этой группы стоял генерал Пепеляев. Когда в Харбин явились эсер Куликовский и два якутских купца (Никифоров и Попов) в качестве представителей от «якутского народного управления» просить военной помощи, Пепеляев не заставил себя упрашивать. Началась подготовка военной экспедиции.

Там же, в Харбине, навербована была из остатков колчаковских войск «добровольческая дружина», в которую потом влились дезертиры из приморской белой армии. Финансировало экспедицию частью якутское «народное управление», частью приморское правительство Дитерихса. В подготовке пепеляевской авантюры участвовал и штаб японских интервентов во Владивостоке: японцы снабжали Пепеляева оружием и деньгами. Японская военщина была очень заинтересована в успехе задуманного кровавого дела.

На двух зафрахтованных пароходах «дружина» Пепеляева в количестве 700 с лишним штыков отплыла из Владивостока, и 8 сентября 1922 г. высадилась в Аяне. Это были, даже по словам эсера Соболева, «авантюристы и неудачники, которым деваться было некуда и есть было нечего». План генерала Пепеляева состоял в том, чтобы, захватив Якутию,

использовать ее как плацдарм для наступления на советскую Сибирь, а оттуда—на Урал и на Москву.

Но его ждало тяжелое разочарование. Прибыв в порт Аян, он нашел здесь Коробейникова с остатками разбитых белоповстанческих банд, около 200 человек, и узнал, что еще около 300 человек из них находится в районе Охотска и что небольшие разрозненные банды еще продолжают действовать кое-где внутри области.

Пепеляев был смущен и подумывал было о заблаговременном возвращении во Владивосток, но якутские тойоны и местные купцы, вожаки бандитизма 1921 г., убедили его не отказываться от начатого дела.

10—11 сентября пепеляевская банда выступила из Аяна и, задержавшись до декабря в Нелькане (на р. Мае), в декабре двинулась походом на Якутск.

В декабре же из Охотска двинулся в сторону Якутска отряд генерала Ракитина, пепеляевского помощника, численностью в 250 человек. В Охотске в это время была полная анархия, так как там соперничали между собой несколько антисоветских групп: кроме пепеляевцев, там были остатки банд Бочкарева и Коробейникова и известного своими зверствами бандита Яныгина.

Якутский революционный комитет и командование войсками, узнав о высадке Пепеляева, для избежания лишнего кровопролития отправили к нему письмо с предложением отказаться от безнадежной авантюры и сложить оружие, гарантируя неприкосновенность личности всем руководителям и участникам. Пепеляев, однако, отверг мирные предложения и продолжал продвижение в глубь области.

Он имел вначале успех. На Алдане он несколько раз разбил слабые отряды красных и 2 февраля 1923 г. занял с. Амгу.

Но эти временные успехи ничего не могли дать пепеляевцам. Пепеляевские отряды не только не росли за счет местных добровольцев, но таяли от ухода перебежчиков к красным. Напротив, на призыв ревкома ЯАССР о создании в помощь Красной Армии якутских народно-революционных добровольческих отрядов («Якнарревдот»)—постановление от 19 октября 1922 г.—горячо откликнулись якутские массы. Наплыв добровольцев в «Якнарревдот» был так велик, что запись пришлось приостановить.

Занятие Амги было и последним военным успехом Пепеляева. Он готовился двигаться на Якутск, все еще не веря в полную обреченность своей авантюры, и отдал уже приказ

Оборона Сагыл-Сыгы (февраль 1923 г.)

о выступлении 17 февраля. Но героизм красных войск придал делу другой оборот.

Отряд Красной Армии, численностью всего в 280 человек, подошел 12 февраля к занятой пепеляевцами Амге и после небольшой стычки с их авангардом укрепился в 20 километрах от нее, в местности Сагыл-Сыгы («Лисьи поляны»). Заняв находившуюся здесь якутскую юрту и возведя вокруг своеобразные окопы из мерзлых глыб навоза («балбахи»), отряд приготовился встретить нападение белых.

Пепеляев обрушился со всеми своими силами на отряд. Однако красные бойцы, отбив несколько бешеных атак пепеляевцев, крепко засели в своем примитивном укреплении, решив во что бы то ни стало задержать противника и не дать ему броситься на Якутск.

20 дней длилась героическая оборона Сагыл-Сыгы. Красноармейцы, сидя почти без пищи и воды,—ибо винтовки и пулеметы белых не давали даже достать снегу за окопами,—без перевязочных средств и медикаментов, страдая от мороза и от непрерывного сосредоточенного огня противника, потеряв 63 человека убитыми и 96 ранеными, с беспримерным героизмом держались вокруг насквозь простреливаемой юрты. Мужество и стойкость их не пропали даром. Задержав главные силы белых около себя более чем на полмесяца, красный отряд дал время якутскому командованию подтянуть войска. Из Чурапчи выступил на выручку осажденных отряд Красной Армии. Из Якутска 21 февраля двинулись крупные силы красных, численностью около 600 бойцов, по направлению к Амге.

2 марта после кровопролитного боя Амга была взята красными. Одновременно Чурапчинский отряд освободил осажденных в Сагыл-Сыгы. Белые потерпели решительное поражение.

Это было не только военное поражение, но и такой явный политический разгром всей авантюры, что даже сам руководитель ее Пепеляев не мог этого не увидеть.

«Якутский народ,—писал он сам в своем сообщении в Охотск,—и его интеллигенция отказались от борьбы с советской властью, встав на ее сторону против дружины (т. е. белых)». «Я ошибся в расчетах,—заявил Пепеляев своим дружинникам.—Борьба с регулярной Красной армией невозможна... Кто может, пусть идет со мной, кто желает сдаваться, пусть сдается».

Пепеляев бежал в Аян с остатками своей дружины. Ракитин еще раньше бежал в Охотск. Оба эти убежища послед-

них остатков контрреволюции были ликвидированы красным десантом, присланным из освобожденного Владивостока. 5 июня 1923 г. экспедиционный отряд под командой тов. Вострецова захватил Охотск, взяв в плен весь белый гарнизон, кроме генерала Ракитина, который застрелился. 17 июня та же участь постигла гарнизон порта Аяна. Пепеляев и все его сообщники были захвачены в плен. К концу 1923 г. были очищены от белых и крайние северные районы Якутии.

В январе 1924 г. пепеляевцы предстали перед революционным трибуналом 5-й Краснознаменной армии в г. Чите. Приговором Ревтрибунала 26 главных подсудимых во главе с Пепеляевым были присуждены к расстрелу.

Кровавая авантюра генерала Пепеляева была последней попыткой якутского тойонства, совместно с русской белогвардейщиной и японским военным штабом, свергнуть советскую власть в Якутии. Эта попытка была заранее обречена на провал. «Это был конец иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Это была историческая победа Советской власти»*.

Якутский народ с оружием в руках завоевал себе право на свободную жизнь. После ликвидации пепеляевской авантюры начинается эра мирного советского строительства ЯАССР[1].

---

* История ВКП(б), Краткий курс, стр. 232.

Глава 21

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЯКУТСКОЙ АССР

Первым важнейшим мероприятием советской власти в Якутии естественно должна была быть ликвидация застарелого зла якутского улуса—классной системы землепользования и вообще крупного тойонского землевладения, безземелья и малоземелья трудящегося населения. В 1923—1924 гг. был произведен коренной земельный передел с целью ввести уравнительное трудовое землепользование. Этот земельный передел был первым серьезным ударом по якутскому тойонству: оно лишилось значительной части своих земель; положение же бедноты значительно улучшилось.

Но сила тойонов еще далеко не была сломлена. Земельный передел 1923—1924 гг. вследствие политических ошибок, допущенных тогдашним руководством ЯАССР, не изменил коренным образом земельных отношений в улусе, оставив много лучших угодий в руках тойонов: передел не затронул, например, вненадельных земель, захваченных тойонами по праву «рас'пистки» и т. п.

В целях приближения органов советской власти к населению в 1926 г. было произведено новое районирование Якутии. Низшая административная единица—наслег—была оставлена без изменения, но вместо улусов и округов было введено деление на 32 района*.

Для борьбы с тойонской кабалой был создан «союз хамначитов», который защищал якутский сельский пролетариат и полупролетариат от эксплоатации и входил во Всероссийский союз сельхозрабочих. Для защиты интересов улусной бедноты и середняков были созданы комитеты взаимопомощи.

Эти мероприятия советской власти и ее налоговая поли-

* Из них 19, расположенные на севере и по окраинам республики и населенные народами севера—эвенками (тунгусами), эвенами (ламутами), юкагирами, чукчами,- были выделены особо как национальные. По отношению к этим малым народам Севера, до революции особенно угнетавшимся царизмом и торговой буржуазией, необходимы были особые меры для поднятия их хозяйственного и культурного уровня. С этой целью при ЯЦИК был создан специальный «Комитет содействия народностям северных окраин».

тика вызвали озлобление сильного еще тойонства. Последнее ответило попыткой восстания 1927 г., во главе которого стоял крупный кангаласский тойон Ксенофонтов, позже расстрелянный.

После смены в 1928 г. оппортунистического руководства правительство ЯАССР предприняло более решительные шаги для борьбы с паразитическим тойонством. В 1929 г. был произведен 2-й земельный передел, на этот раз окончательно ликвидировавший тойонское землевладение. Вся лучшая земля была отведена беднякам и середнякам, тойоны

Занятия на курсах хамначитов (батраков) в г. Якутске, 1922 г.

получили земли «третьей категории», требующие мелиорации и раскорчевки.

Со следующего (1930) года началось широкое колхозное движение. Отдельные с.-х. артели создавались в Якутии еще в первый период советской власти, в 1918 г.; их организовывали энтузиасты-одиночки, но это были карликовые, слабые колхозы, еле влачившие существование. С подъемом колхозной волны в 1930—1932 гг. быстро стало расти и количество колхозов, и в то же время борьба за их большевизацию, вызвавшая особенно обостренную классовую борьбу и яростное сопротивление со стороны остатков тойонства и кулаков,

привела в конце концов к укреплению колхозов, к победе колхозного строя в Якутии.

Перед якутскими колхозами стояли очень трудные хозяйственные задачи: нужно было в кратчайший срок реконструировать и поднять чрезвычайно отсталое, примитивное якутское хозяйство. Земледелие почти отсутствовало, животноводство—главная отрасль хозяйства—стояло на крайне низком уровне. С этой задачей колхозы под руководством партии справляются и достигают поразительных успехов. Посевная площадь растет невиданными темпами, причем сеют не только традиционный ячмень, но и рожь и пшеницу. Общая посевная площадь Якутии составляла в 1932 г. 71 тыс. *га*, а в 1935 г.—91 тыс. *га*. Валовой сбор хлебов составлял в 1932 г. 556 тыс. центнеров, а в 1935 г.—652 тыс. центнеров. Успешно развивается и огородная культура. В помощь колхозам государство развертывает сеть МТС, количество которых в 1935 г. достигло 12.

Животноводство реконструируется медленнее, особенно ввиду того сокращения поголовья, которое имело место в Якутии дважды: в годы гражданской войны и в первые годы коллективизации благодаря злостному забою скота тойонами и кулаками. Однако «довоенный» уровень поголовья скота оставлен далеко позади: количество лошадей по ЯАССР в 1935 г. на 92% превышало соответствующую цифру 1911 г. (88,1 тыс. голов и 169,5 тыс. голов), а количество рогатого скота—на 90% (241,7 тыс. и 455,5 тыс.). При этом, конечно, самое важное это то, что скот принадлежит не тойонам, а колхозникам и трудящимся единоличникам.

Животноводство реконструируется и с качественной стороны. Вместо прежних холодных и грязных хотонов колхозы строят большие и теплые скотные дворы. Потери молодняка сокращаются. Удойность и живой вес возрастают, особенно на колхозных товарных фермах.

В результате всего этого материальное благосостояние колхозных масс Якутии резко возросло. Такой контраст между прежней нищетой и теперешней зажиточной жизнью в колхозах, как в Якутии, пожалуй мало где еще в СССР можно найти, потому что редко где так велика была прежде нужда и забитость огромного большинства населения. Зимние голодовки, бывшие прежде нормальным явлением у якутов, прекратились. Сотни пудов хлеба, десятки килограммов масла и пр. получают колхозники по трудодням. В обиходе колхозников появились велосипеды, швейные машины, самовары, сепараторы и пр.

Меняется и культурное лицо якута-колхозника. Прежней невообразимо грязной обстановки его юрты уже нет. С 1927 г. по особому декрету ЯЦИК проводится отделение хотонов (хлевов) от юрт—важный шаг в оздоровлении быта. В настоящее время редко, и лишь в самых захолустных районах, можно встретить юрту с неотделенным хотоном. Культурный поход якутского комсомола 1933—1934 гг. немало содействовал внедрению культурных навыков, ранее неизвестных большинству населения.

Тракторная вспашка в Мархинском совхозе

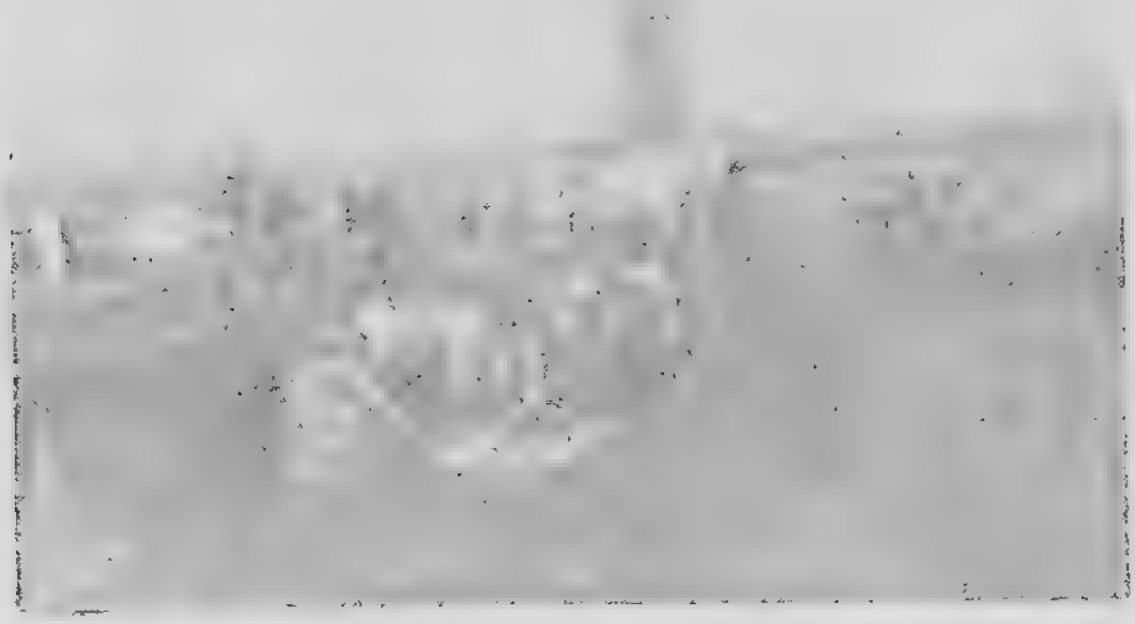
Колхозы начали проводить так называемое «поселкование»—переход от расселения разбросанными на десятки километров отдельными юртами к крупным поселкам. Эта мера имеет большое значение, так как она сильно облегчает и хозяйственное и культурное обслуживание колхозников.

Однако в то же время Якутия постепенно перестает быть чисто сельскохозяйственной страной. Ее огромные лесные массивы, а особенно обнаруживаемые в ней ценнейшие залежи ископаемых, обеспечивают ей будущее как индустриальной республики.

Еще в 1923 г. на р. Алдане были найдены месторождения золота, в дальнейшем оказавшиеся исключительно богатыми. Разработка их год от года развивалась и сделала Алдан важнейшим и наиболее населенным промышленным районом Якутии и в то же время вторым по значению центром

золотопромышленности СССР. На Алданских приисках и в шахтах сосредоточено значительное число рабочих; из них якутов насчитывалось в 1935 г. около 1 000 человек. Эта цифра говорит о том, что Алдан стал кузницей, где выковываются кадры якутского пролетариата. В 1932 г. открыты новые золотоносные районы—Алах-Юнский (Джугджур) и Учурский.

Якутия богата и многими другими ископаемыми, разведка которых идет сейчас быстрыми темпами. Уже сейчас имеют



Хлебоуборка в якутском колхозе им. Калинина (Мегино-Кангаласский район) 1934 г. Отдых бригады

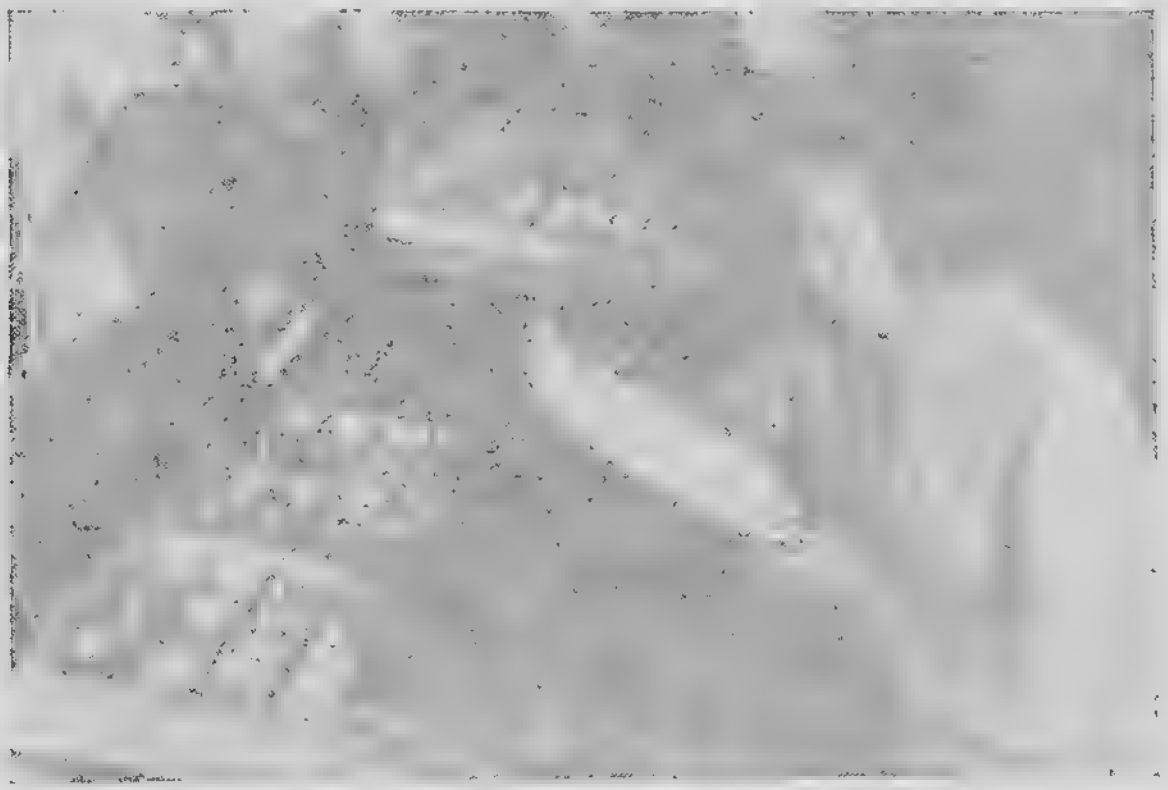
промышленное значение Кангаласское и Сангарское угольные месторождения (на р. Лене), полиметаллические руды и олово в системе верхней Яны (Эндыбал и др.), Кемпендяйские и Багинские солеисточники (Сунтарский район) и др. Вольфрам, молибденит, серебро, исландский шпат, флюорит, гипс, слюда и другие ценные ископаемые обеспечивают в будущем крупную роль Якутии в горной промышленности СССР.

Растет и якутская промышленность местного значения, сосредоточивающаяся, главным образом, в городах: лесопильные, кирпичные, кожевенные и прочие заводы, втягивающие тоже националов-рабочих.

Больным местом Якутской АССР является транспорт. Якутия отделена тысячами километров от железных дорог, от культурных центров Советского Союза. Доставка предметов широкого потребления, оборудования для про-

мышленности и пр. связана с большими трудностями: основной артерией, питающей Якутию, остается до сих пор р. Лена, с трудом и с перебоями справляющаяся с этой задачей; постоянно повторяется недозавоз тех или иных грузов, замерзание их в пути на Лене. Одним из способов разрешения этой трудности будет постройка железной дороги, связывающей сибирскую магистраль с Леной (линия Тайшет—Усть-Кут).

В настоящее время наметилось и новое решение этого вопроса: через Северный морской путь, освоение которого по-



Якуты—учащиеся ФЗУ в Якутской государственной типографии

сле героических походов «Сибирякова» 1932 г. и «Челюскина» 1933 г. привело благодаря большевистской настойчивости к тому, что Северный морской путь стал регулярно действующей магистралью. Не только северные районы ЯАССР, но и вся республика может отныне снабжаться с севера морем.

Идет борьба и с внутренним бездорожьем. Огромность территории ЯАССР, большие расстояния до окраинных районов, трудность передвижения по девственной тайге и болотистой тундре—все это в сильнейшей степени тормозит хозяйственное и культурное развитие особенно отдаленных районов Якутии. В настоящее время растет год от года сеть колесных дорог, прокладываемых через тайгу; они проникают и в местности, где население доныне никогда не видело колеса. Важную роль играет и освоение речных путей. В настоящее время пароходы ходят не только по Лене, Алдану и Вилюю, но и по Колыме, Индигирке, Яне.

Исключительно велика роль воздушного транспорта

для необъятных пространств Якутии. С 1928 г. действует регулярная авиалиния Якутск—Иркутск, связывающая республику с внешним миром; в 1935 г. она удлинена до устья Лены (бухта Тикси). В 1936 г. открыта авиалиния, связывающая Алданский район с Уссурийской ж. д.

Большая работа идет по радиофикации республики. В 1935 г. имелась 21 низовая (районная) радиостанция, 13 радиотрансляционных узлов, 2 500 радиоточек. С 1934 г. работает вещательная станция в Якутске.

На фоне этих крупнейших достижений социалистического строительства совершается культурная революция среди

Здание Якутского областного музея им. Ем. Ярославского (достроено в 1925/26 г.)

якутского народа. Все те темные, отрицательные стороны старой якутской культуры, которые прежними этнографами изображались как неотъемлемые этнические особенности якутов, уходят в прошлое. Почти совершенно исчезло шаманство вместе с его грубыми дикими верованиями. Характерно, что в первые годы после революции, после ликвидации официальной православной церкви, шаманство на короткое время расцвело пышным цветом: вместе с воспрянувшими тойонами, избавившимися от полицейской опеки, развили свою деятельность и шаманы, число которых стало быстро увеличиваться. Но с началом социалистического наступления, когда шаманов начали лишать избирательных прав и одновременно стал быстро повышаться культурный

уровень масс, шаманы попрятались, многие из них отказались от своей профессии; и теперь лишь в отдаленных районах можно найти шамана.

Освобождаясь от темных наслоений прошлого, национальная культура якутов растет и наполняется социалистическим содержанием.

Повышается общий культурный уровень якутских масс. Процент грамотности, до революции составлявший не более 2, в 1935 г. поднялся до 57. Осуществлено всеобщее обучение в объеме четырехлетки, и вводится всеобуч в объеме семи классов. Растет сеть политпросветучреждений: в 1935 г. в ЯАССР действовали 42 клуба и народных дома, 80 кинотеатров, 7 библиотек, 53 избы-читальни. Издается 13 газет, из них 8 на якутском языке. Из года в год растет тираж национального издательства: за четырехлетие 1932—1935 гг. выпущено 480 названий книг, в том числе 349 на якутском языке.

Национальная культура уже дала свои ценные ростки. С 1924 г. существует национальный театр с собственным репертуаром, освободившийся от тех буржуазно-националистических течений, которые пытался протаскивать руководивший им до 1928 г. Софронов. В области изобразительных искусств Якутия может похвастаться своими художниками националами, как И. В. и П. В. Поповы, Носов, и из молодежи Колодезников, Романов и др., овладевшие высокой культурой живописи и давшие ряд ценных работ, отражающих местную старину и природу. Растет якутская литература и возрождается якутский фольклор (олонхо).

В 1935 г. в Якутии создан исследовательский институт языка и культуры. Институт разрабатывает проблемы языкового строительства, развития якутской литературы[1].

В марте 1937 г. на IX Чрезвычайном всеякутском съезде советов якутский народ принял и утвердил Сталинскую конституцию—величайший в истории человечества документ, подводящий итог колоссальным завоеваниям социализма в Стране Советов.

«Опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью,—констатировал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов,—...наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства» *.

---

* *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 513 и 514.

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения:

АИ Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, Спб., тт. 1—5.

ДАИ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, Спб., тт. 1—12.

РИБ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, Спб.

КПМГЯ «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Сборник архивных документов, Л. 1936 г.

ИАИ Якутские акты Историко-археографического института Академии наук СССР (ныне Ленинградское отделение Института Истории А. Н. СССР.—Ленинград).

Сиб. пр. Столбцы (и книги) Сибирского приказа, хранящиеся в Гос. архиве феодально-крепостной эпохи (Москва).

ЯОУ Столбцы Якутского областного управления (хранятся там же).

Архив Мойр. насл.—Архив б. Мойрутского наслега Мегинского улуса Якутской области, хранится в Музее народов СССР (Москва).

ЦА ЯАССР Центральный архив Якутской АССР (Якутск).

К главе 2

1. Литература о происхождении якутов очень велика. См., например, *Ксенофонтов Г.*, Ураангхай — Сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I. Иркутск 1937 и мн. др.
2. *Пекарский Э.* Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими, Спб. 1909.

К главе 3

1. ЯОУ, ст. № 48, л. 60.
2. ЯОУ, ст. № 235, л. 3—5.
3. *Худяков,* Верхоянский сборник. Иркутск. 1890, стр. 47—48, 50.
4. *Носов,* в Сборнике трудов Общества «Саха Кескиле», Якутск, т. III, стр. 33.

4а. Архив Ак. Наук, фонд 21, оп. 4, кн. 22, л. 176.

5. Сиб. пр., ст. № 368, л. 166—168 и др.
6. *Ястремский,* Образцы народной литературы якутов, Л. 1929, стр. 100—102.
7. ЯОУ, ст. № 130, л. 14.
8. ИАИ, кор. 207, № 14, л. 70.
9. ИАИ, кор. 228, без номера.
10. ЯОУ, ст. № 150, лл. 16—17.
11. ЯОУ, ст. № 30, л. 14.
12. ИАИ, кор. 196, № 4, л. 9.
13. ЯОУ, ст. № 218, л. 60.
14. Там же, л. 171.
15. ЯОУ, ст. № 241, л. 334.
16. Якутские столбцы Ирк. музея, 1671 г., л. 21.
17. ИАИ, кор. 216, № 1, л. 2.
18. Там же, кор. 219, л. 28.
19. ЯОУ, ст. № 12, л. 202.
20. Там же, л. 202.
21. ИАИ, кор. 207, № 24, лл. 2—3.
22. *Потанин,* Очерки сев.-зап. Монголии, вып. IV, Спб. 1883, стр. 641—647.
23. ИАИ. кор. 188, № 23, лл. 29, 74.
24. ИАИ, кор. 194, № 20, лл. 7, 25, 61—62 и др.
25. ИАИ, кор. 198, № 6, л. 128.
26. ИАИ, кор. 194, № 20, л. 49.
27. Там же, лл. 81, 106.
28. Там же, лл. 48—49, 160.
29. ИАИ, кор. 204, № 10, л. 74.
30. ИАИ, кор. 208, № 2, л. 28.
31. ИАИ, кор. 198, № 6, л. 109.
32. *Кочнев Д.*, Очерки юридич.

быта якутов, Известия Об-ва ист. археол. и этногр. при Казанск. ун-те, т. 15, в. 5—6, стр. 44.
33. *Кочнев*, там же.
34. ЯОУ, ст. № 223, л. 30; ИАИ, кор. 204, № 13.
35. ЯОУ, ст. № 128, л. 93.
36. ЯОУ, ст. № 43, л. 316.
37. ЯОУ, ст. № 32, л. 17.
38. ИАИ, кор. 195, №1, лл. 60—61.
39. ЯОУ, ст. № 43, л. 71.
40. ЯОУ, ст. № 161, л. 14.
41. ЯОУ, ст. № 234, 37.
42. ИАИ, кор. 204, № 10, л. 34—35.
43. ИАИ, кор. 206, № 6.
44. ЯОУ, ст. № 119, л. 65.
45. ЯОУ, ст. № 62, л. 37.
46. ИАИ, кор. 222, № 2, л. 45.
47. ЯОУ, ст. № 16, л. 78.
48. ЯОУ, ст. № 218, л. 322.
49. ЯОУ, ст. № 43, л. 211.
50. ЯОУ, ст. № 223, л. 10.
51. *Кулаковский А.*, Материалы для изучения верований якутов, Якутск 1923.
52. ИАИ, кор. 188, № 13, л. 42.
53. ЯОУ, ст. № 48, л. 74.
54. ЯОУ, ст. № 46, л. 214.
55. Сиб. пр., ст. № 274, л. 168.
56. ЯОУ, ст. № 48, л. 59.
57. ИАИ, кор. 197, № 3, л. 13.
58. ЯОУ, ст. № 43, л. 316.
59. Сиб. пр., ст. № 361, л. 18.
60. ЯОУ, ст. № 48, л. 76.
61. ИАИ, кор. 203, № 8, л. 48.

К главе 4

1. Оно изложено здесь несколько сокращенно. См. *Пекарский*, Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими (Зап. Русского географического общества по отделению этнографии, т. 34) и др.
2. РИБ, т. II, стр. 965.
3. О походе Бекетова см. Сиб. пр., ст. № 368, лл. 162—181.
4. *Фишер*, Сибирская история, Спб. 1774, ст. 359.
5. Сиб. пр., ст. № 368, л. 156.
6. Там же, лл. 153—155.
6а. Арх. Ак. Наук, фонд 21, оп. 4, кн. 22, л. 176.
7. О восстании 1636—1637 гг. см. Архив Ак. Наук, фонд 21, оп. 4, кн. 22, лл. 139, 287—290.
8. Сиб. пр., ст. № 368, лл. 183—184.
9. Сиб. пр., ст. № 361, лл. 252—256; ДАИ, т. 2, № 82.
10. ЯОУ, ст. № 1, лл. 4, 7—15, 68—74.
11. ИАИ, кор. 188, № 2, лл. 19—20, 21—22, 23—24.
12. ДАИ, т. 3, стр. 35—37.
13. Сиб. пр., ст. № 183, л. 40.
14. Сиб. пр., ст. № 361, лл. 11—12.
15. ЯОУ, ст. № 30, лл. 8—10.
16. ИАИ, кор. 186, № 1, лл. 2, 6, 12.
17. Там же, л. 19.
18. Там же, л. 24.
19. Там же, л. 12.
20. Там же, л. 17, 20.
21. О восстании 1642 г. материал находится в документах: ЯОУ, ст. № 36; ИАИ, кор. 186, № 1; Сиб. пр., кн. № 133, лл. 64—67; ЯОУ ст. №22, лл. 426—428 и др.: ЯОУ, ст. № 21, л. 107; ЯОУ, ст. № 31, л. 126, 129; ЯОУ, ст. № 43, лл. 55—56 и др.; ДАИ, т. 3, стр. 357; КПМГЯ, стр. 22—24.
22. ДАИ, т. 3, стр. 36—37.
23. Там же.
24. Сиб. пр., кн. № 183, лл. 36—37.
25. Сиб. пр., кн. № 258, лл. 209—216.
26. ИАИ, кор. 194, № 20, лл. 32, 110 и др.
27. ДАИ, т. 3, стр. 37.
28. ИАИ, кор. 186, № 1, л. 15.
29. Там же, л. 10.
30. ИАИ, кор. 211, № 5, № 11.
31. ЯОУ, ст. № 46, л. 161.

К главе 5

1. Як. столбцы Ирк. музея, 1671 г.
2. Сиб. пр., ст. № 361, л. 19.
3. ДАИ, т. 6, № 136.
4. ИАИ, кор. 197, № 3, л. 12.
5. ИАИ, кор. 226, без номера.
6. ДАИ, т. 2, стр. 268.
7. ИАИ, кор. 215, № 31, лл. 33—34.
8. ИАИ, кор. 215, № 21, л. 36.
9. ДАИ, т. 3, стр. 36.

10. Сиб. пр., ст. № 361, л. 158.
11. ИАИ, кор. 196, № 4, л. 54.
12. ЯОУ, ст. № 111, л. 71.
13. Сиб. пр., ст. № 308, лл. 254—255 и др.
14. ДАИ, т. 7.
15. *Оглоблин*, Обозр. столбцов и книг Сиб. приказа, ч. 3, стр. 182.
16. ДАИ, т. 4, стр. 117.
17. ЯОУ, ст. № 154, лл. 119—121 и др.
18. ДАИ, т. 8, стр. 283—284.
19. ЯОУ, ст. № 34, лл. 260—261 и др.
20. ИАИ, кор. 226, без номера.
21. ЯОУ, ст. № 47, л. 109.
22. Сиб. пр., ст. № 105, лл. 308—309.
23. ДАИ, т. 11, стр. 69.
24. Сиб. пр., ст. № 258, лл. 215—224.
25. ДАИ, т. 3, стр. 114.
26. ДАИ, т. 6, стр. 402.
27. ИАИ, кор. 230, без номера.
28. ДАИ, т. 8, стр. 19.
29. Сиб. пр., кн. № 346, лл. 475—476, кн. № 440, лл. 326—327; кн. № 712, лл. 360—361; кн. № 1430, л. 187.
30. Сиб. пр., ст. № 361, л. 14.
31. Там же, л. 7.
32. Акты, относ. до юрид. быта древн. России, т. 2, стр. 17—18.
33. ЯОУ, ст. № 14.
34. ЯОУ, ст. № 30, л. 10.
35. Сиб. пр., ст. № 133, л. 64.
36. Сиб. пр., ст. № 361, л. 13.
37. Сиб. пр., ст. № 361, лл. 5—6.
38. Там же, л. 6.
39. Там же, л. 28; лл. 204—206.
40. КПМГЯ, стр. 58.
41. ИАИ, кор. 196, № 4, л. 194.
42. Там же, л. 111.
43. ЯОУ, ст. № 128, л. 257.
44. ЯОУ, ст. № 182, л. 16.
45. ИАИ, кор. 196, № 4, л. 52.
46. ЯОУ, ст. № 12, л. 155.
47. ЯОУ, ст. № 43.
48. ИАИ, кор. 196, № 4.
49. ИАИ, кор. 204, № 15.
50. Сиб. пр., ст. № 899, лл. 1—2.
51. Там же, л. 7.
52. Там же, лл. 29—30.
53. ДАИ, т. 7, стр. 154.
54. 1685 г.: АИ, т. 5, стр. 194, и др.
55. ИАИ, кор. 219, № 2, л. 1.
56. ИАИ, кор. 215, № 31, л. 35.
57. Сиб. пр., ст. № 899, лл. 11—12.
58. ИАИ, кор. 212, № 11.
59. Сиб. пр., ст. № 899, л. 156.
60. Там же, лл. 166—167.
61. Там же, лл. 187—192.
62. ИАИ, кор. 226, без номера.

К главе 6

1. ИАИ, кор. 204, № 11; ЯОУ, ст. № 38, л. 70; ст. № 11, л. 45, и др.
2. *Стрелов*, Акты архивов Якутской области, Якутск 1916, стр. 7.
3. КПМГЯ, стр. 170.
4. ЯОУ, ст. № 217, л. 24.
5. ИАИ, кор. 204, № 14.
6. ЯОУ, ст. № 218, лл. 478—494.
7. ИАИ, кор. 196, № 4, лл. 246—247.
8. ЯОУ, ст. № 12, л. 175.
9. ЯОУ, ст. № 241, лл. 1—6.
10. ИАИ, кор. 218, № 11, л. 85.
11. ИАИ, кор. 228, без номера.

К главе 7

1. ДАИ, т. 2, стр. 275—279.
2. ЯОУ, ст. № 241, л. 481.
3. ИАИ, кор. 197, № 3, л. 12.
4. ЯОУ, ст. № 241, лл. 477—478.
5. ЯОУ, ст. № 46, л. 50.
6. Там же, л. 150.
7. ИАИ, кор. 196, № 4, л. 12.
8. ЯОУ, ст. № 217, л. 13.
9. ЯОУ, ст. № 12, л. 151.
10. ЯОУ, ст. № 28, л. 66.
11. ЯОУ, ст. № 241, л. 416.
12. ИАИ, кор. 209, № 7, л. 22.
12а. Сиб. пр., кн. № 250, лл. 759—746.
13. О мятеже Балтуги см. ДАИ, т. 7, № 3.
14. ИАИ, кор. 206, № 6.
15. ИАИ, кор. 198, № 6, л. 72; ЯОУ, ст. № 12, л. 306 и др.
16. ДАИ, т. 11, стр. 155—156; т. 10, стр. 353—354.
17. Там же.
18. О движении Орюкана см. ДАИ, т. 10, стр. 353 — 354; т. 11, стр. 155—156; Сиб. пр., ст. № 1589, лл. 59—64.

19. ЯОУ, ст. № 34, л. 262; ДАИ, т. 10, стр. 357.
20. ИАИ, кор. 226, без номера.
20а. Сиб. пр., ст. № 1214, лл. 591—594.
21. ИАИ, кор. 226, без номера.
22. Там же.
23. ИАИ, кор. 226, без номера.
24. ЯОУ, ст. № 175, лл. 35—68, 79—89; Сиб. пр., кн. № 712.

К главе 8

1. Сиб. прик., кн. № 712, лл. 361, 557; кн. № 1430, л. 187; «Известия Сиб. отд. русск. геогр. об-ва», т. 25, № 4—5, стр. 92—94.
2. Об экспедициях Беринга см. *Берг Л. С.*, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга Л., Главсевморпуть, 1935.
3. *Стрелов*, Акты архивов Як. обл., стр. 157—170.
4. Там же, стр. 179—181.
5. Там же, стр. 177—178.
6. Там же, стр. 195—196.
7. Полное собрание законов Российской империи (1-е), т. 7, стр. 821.
8. *Стрелов*, Акты арх. Як. обл., стр. 182.
9. Там же, стр. 237—238.
10. Там же, стр. 29—31.

К главе 9

1. Она напечатана у *Булычева И.*, Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1. Спб. 1856, стр. 251—268.
2. Там же, стр. 254—255.
3. Центрархив Як. АССР. Дела Якутск. воеводск. канцелярии, 1768 г.
4. ЦА ЯАССР, Дела Як. воев. канцел., № 1, 1767.
5. Архив Мойрутского наслега, № 57.
6. *Левенталь Л.*, Подати, повинности и земля у якутов (см. сборник *Павлинов, Виташевский и Левенталь*, Материалы по обычному праву и общественному быту якутов, Л. 1929), стр. 404.
7. ЦА ЯАССР, Дела Верхней расправы, № 48.
8. *Павлинов, Виташевский и Левенталь*, назв. соч., стр. 44.
9. План Аржакова напечатан в газете «Якутская жизнь», 1908 г. №№ 33—34, 35—36, 42—43, 44.
10. Архив Гос. совета, т. 1, ч. 2, отдел юридич., П. 1869, стр. 257—260.
11. Архив Мойр. насл., 1793, дело № 93.
12. *Левенталь*, назв. соч., стр. 266.
13. ЦА ЯАССР, Дела Якутской Верхней расправы, № 114.
14. *Левенталь Л.*, стр. 304—325. *Белевский*, Аграрный вопрос в Якутской области («Русское богатство», 1902 г., № 11), стр. 98, 103—104.

К главе 10

1. Гос. арх. феод.-крепостн. эпохи. Портф. Миллера, № 500, л. 22.

К главе 11

1. Опубликован в Полн. собр. зак. Росс. империи, т. 38, стр. 394—417.
2. По рукописи, озаглавленной «Историческая записка о Якутской области», хранящейся в Моск. отд. Гос. академии истории материальной культуры.
3. «В якутской неволе», сборник материалов и воспоминаний, М. 1927, стр. 58.
4. *Щукин Н.*, Поездка в Якутск, 2-е изд., СПБ. 1844 г., стр. 302.
5. Там же, стр. 300.
6. См. Сборник Музея Антропологии и Этнографии Ак. Наук СССР, т. 5, стр. 686.
7. *Павлинов, Виташевский* и *Левенталь*, назв. соч., стр. 396—397.

К главе 12

1. *Левенталь*, назв. соч., стр. 402.
2. *Белевский*, Аграрный вопрос в Якутской области («Русск.

богатство» 1902, № 11), стр. 106.
3. *Левенталь*, назв. соч., стр. 405.
4. *Шашков*, Сибирские инородцы в XIX столетии, Собр. соч., т. 2, Спб. 1898, стр. 575.
5. *Левенталь*, назв. соч., стр. 408.
6. Там же, стр. 408—410.
7. Там же, стр. 409.
8. Архив Мойрутск. наслега, 1837, № 414.
9. Там же, 1832, № 368.
10. Там же, 1835, № 398.
11. См. *Виташевский*, в книге Павлинова, Виташевского и Левенталя, назв. соч., стр. 74—75.
12. *Левенталь*, назв. соч., стр. 417—419.
13. Там же, стр. 428—434.
14. Там же, стр. 436—437.
15. Там же, стр. 430.
16. *Павлинов* и др., стр. 3—4.

К главе 13

1. *Майнов И.*, Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, Спб. 1912, стр. 284.
2. Там же, стр. 284—285.
3. Там же, стр. 289.
4. Общее обозрение Якутской области 1892—1902 гг., изд. Як. стат. комит., Якутск 1902, стр. 48.
5. *Миддендорф*, Путешествие на север и восток Сибири, ч. 2, Спб. 1869, стр. 723—773.
6. «Якутская жизнь», 1908 г., №№ 6, 7.
7. Там же, № 7.

К главе 14

1. *Бахрушин С. В.*, Исторические судьбы Якутии (в сборнике Акад. наук СССР «Якутия», Л. 1927), стр. 26—27.
2. *Майнов*, Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, стр. 298—338.
3. «100 лет якутской ссылки», сборник, изд. Общества политкаторжан, М. 1934 г., стр. 96.
4. «В якутской неволе», сборник материалов и воспоминаний, М, 1927, стр. 59.
5. «100 лет якутской ссылки», стр. 123—124.
6. Там же, стр. 136—137.
7. Там же.

7а. «Якутская трагедия 22 марта 1889 г.», Сборник воспоминаний и материалов, М. 1925.

8. «100 лет якутской ссылки», стр. 146.
9. Там же, стр. 153.
10. «Сибирские вопросы», 1908, № 23—24, стр. 43.
11. *Короленко В.*, История моего современника. Изд. «Academia», 1931, кн. 3, стр. 484.
12. «Верхоянский сборник», изд. Вост.-сиб. отд. Русск. географ. общ., Иркутск 1890.
13. *Павлинов, Виташевский и Левенталь*, назв. соч., предисловие.
14. Там же, стр. 124—126.
15. Там же, стр. 287, 289, 352 и др.
16. *Измайлова М.*, К 35-летию Якутского областного музея им. Ярославского (сборник трудов исследовательского общества «Саха Кескиле», т. 3, Якутск 1926).

К главе 15

1. *Майнов*, Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, стр. 96—98.
2. *Серебренников*, Якуты по данным переписи 1897 г. («Сибирские вопросы», 1908 г., № 19—20).
3. *Троцанский*, Наброски о якутах Якутского округа («Известия Об-ва археол., ист. и этногр. при Казанск. ун-те», т. 27, 1911), стр. 17.
4. *Ковалик С.*, Верхоянские якуты и их экономическое положение («Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества», т. 25, № 4—5), стр. 25—39.
5. *Троцанский*, назв. соч., стр. 42.
6. *Виташевский*, в Сборнике: *Павлинов, Виташевский* и *Левенталь*, Материалы по обычному праву и общественному

быту якутов, Л. 1929, стр. 85—86.
7. Там же, стр. 112.
8. *Мамет*, Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX вв. (в сборнике «100 лет якутской ссылки»), стр. 55.
9. *Виташевский*, назв. соч., стр. 81.
10. Там же, стр. 99.
11. Там же, стр. 101—103.
12. «Якутская жизнь», 1908 г., № 53.
13. «Якутская мысль», 1909 г., № 15—16.
14. «Восточное обозрение», Спб. 1833, № 23, стр. 9.
15. *Трощанский*, назв. соч., стр. 83.
16. *Кочнев*, Очерки юридического быта якутов, в «Известиях ОАИЭ при Казанск. ун-те», т. 15, в. 5—6, стр. 104.
17. *Кочнев*, назв. соч., стр. 105.
18. *Трощанский*, назв. соч., стр. 52.
19. *Майнов*, Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, стр. 114.
20. «Сибирский сборник», 1889 г., в. 2, стр. 14.
21. *Расцветаев М. К.*, Очерки по экономике и общественному быту у якутов, Л. 1932, стр. 60—75.
22. *Майнов*, назв. соч., стр. 107.
23. *Трощанский*, назв. соч., стр. 51.
24. «Якутская мысль», 1909 г., № 19—20.
25. «Якутская мысль», 1909 г., № 6.
26. «Якутская мысль», 1909 г., № 1.
27. «Восточное Обозрение», Иркутск, 1903 г., № 157.
28. «Сибирские вопросы», 1908 г., № 31—32.
29. Архив Института востоковедения АН СССР, № 277, фонд Левенталя, Донесение чиновника особых поручений Кондакова якутскому губернатору.
30. Материалы экспедиции Музея народов СССР, 1934 г.
31. «Живая старина», ч. 1, 1890 г., в. 4, стр. 47.
32. «Восточное обозрение», 1900 г., №№ 130, 131.
33. *Майнов*, назв. соч., стр. 95.

К главе 16

1. *Мамет*, Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX вв. (в сборнике «100 лет якутской ссылки»), стр. 66.
2. *Виташевский*, назв. соч., стр. 126.
3. *Мамет*, назв. соч., стр. 69.
4. Там же, стр. 72.
5. Там же, стр. 72.
6. «*Восточное обозрение*», 1900 г., № 13.
7. *Мамет*, назв. соч., стр. 74—75.
8. «*Восточное обозрение*», 1900 г., № 248.
9. *Мамет*, назв. соч., стр. 75.
10. Там же, стр. 74.
11. Там же, стр. 73.
12. «Якутская жизнь», 1908 г., № 53.
13. *Мамет*, назв. соч., стр. 74.

К главе 17

1. О якутском протесте 1904 г. см. *Теплов П.*, История якутского протеста, Спб. 1907; *Розенталь П.*, Романовка, Л.—М. 1924.
2. О революции 1905 г. в Якутии см. статью *Константинова* в сб. «100 лет якутской ссылки».

К главе 18

1. «100 лет якутской ссылки», стр. 275.
2. «Як. жизнь», 1908, № 16—17.
3. Там же, № 27—28.
4. «Як. вопросы», 1916, №№ 1, 3.
5. *Потапов С.*, Национальное искусство Якутии. Як. 1932, стр. 6.
6. «Якутская окраина», 1912, № 69.
7. *Майнов*, назв. соч., стр. 20.
8. Там же, стр. 19.

К главе 19

1. *Ярославский Е.*, Накануне Февральской революции в Якутске (в сборн. «В Якутской неволе», стр. 32).
2. Там же.

3. *Ярославский Е.*, Февральская революция в Якутии (в сборн. «100 лет Якутской ссылки», стр. 285).
4. «100 лет Якутской ссылки», стр. 287.
5. Там же, стр. 296.
6. Там же, стр. 289—290.
7. Там же, стр. 287.
8. Истпарт Як. Об. Ком. ВКП(б). Октябрьская революция в Якутии, в. 1, Як. 1928, стр. 14.
9. Истпарт Як. Об. Ком. ВКП(б). Октябрьская революция в Якутии, в. 1. Сборник воспоминаний. Як. 1928. *Кротов М.*, Из истории Якутского областного совета (Сборник трудов исследоват. общества «Саха Кескиле», в. 1 (4), 1927 г. Якутск).
10. *Потапов С.*, Национальное искусство Якутии. Як. 1922. *Ойунский*, Русско-Якутский словарь, М. 1935 г.
11. *Новгородов*, Борьба за советы за полярным кругом («По заветам Ильича», 1930 г., № 1—2). *Шепилов Д.*, Контрреволюция Якутии перед Трибуналом (Якутские Зарницы 1928 г., № 2).—*Кротов М.*, Борьба с контрреволюцией в Сев.-вост. Якутии. («Пролет. револ.», 1928 г., № 5).

К главе 20

1. О пепеляевщине—см. *Колесов Г.* и *Потапов С.*, Советская Якутия, М. 1937, стр. 100—107.

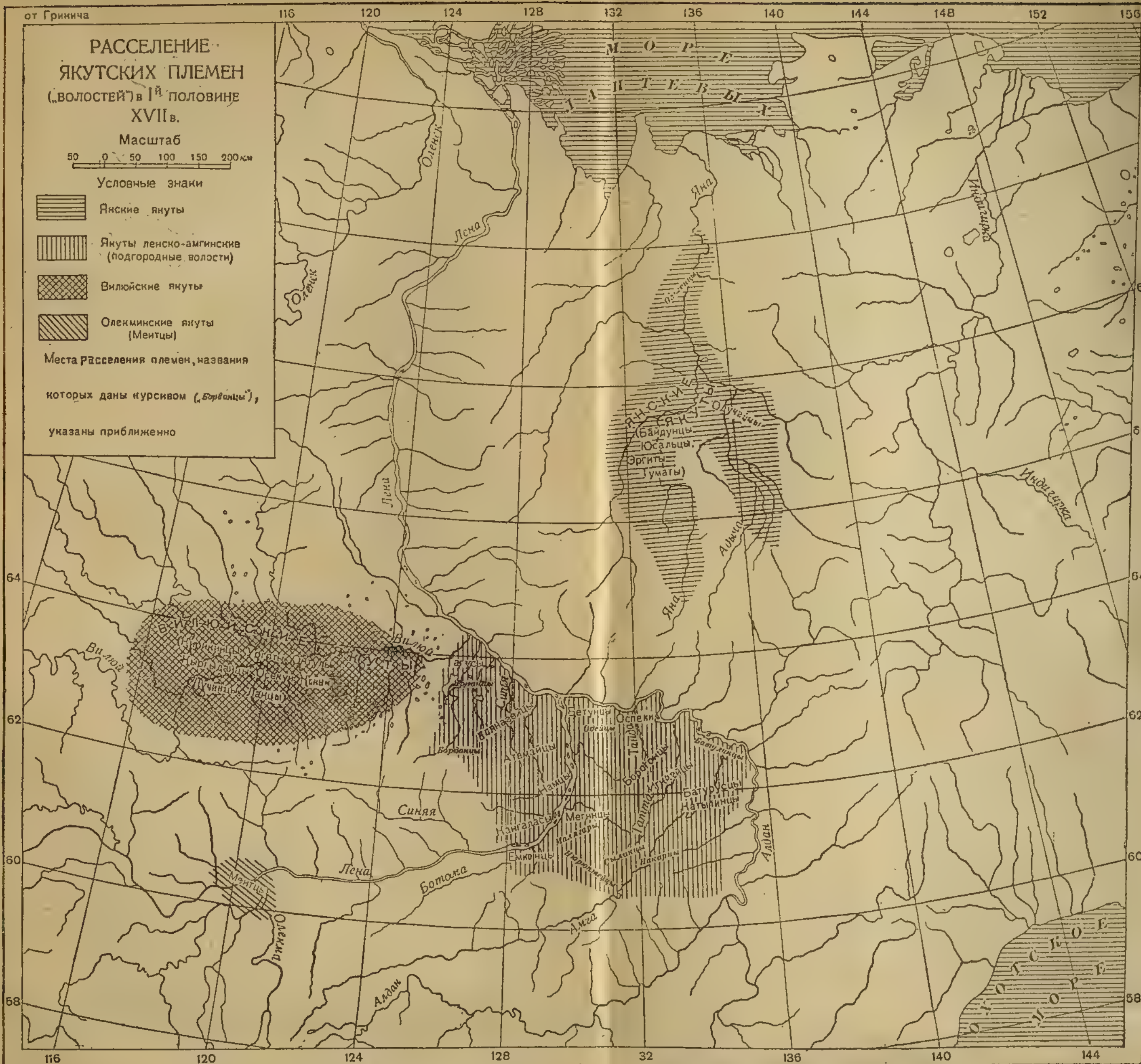
К главе 21

1. О социалистическом строительстве в Якутской АССР—см. *Колесов Г.* и *Потапов С.* назв. соч.

11547

С. Токарев—Очерк истории якутского народа. Соцэкгиз. 1940.
Редактор *Н. Рубинштейн.* Техред. *О. Гурова.*
Сдано в набор 29/VIII—1937 г. Подписано в печать с матриц 20/VII—1940 г. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 15 1/2. Уч.-авт. л. 15,151. Тираж 9000 экз. Уполномоченный Главлита № А-27532. Огиз № 2001. Зак. № 1286. Серия: Монография. Цена книги 3 р. 75 к. Цена переплета в коленкоре 1 р. 25 к. Цена переплета в ледерине 1 р. 75 к.

Отпечатано с матриц в 16-й типографии треста «Полиграфкнига». Москва, Трехпрудный пер., 9. Заказ 1175.



от Гринича
РАССЕЛЕНИЕ ЯКУТСКИХ ПЛЕМЕН („волостей") в 1-й половине XVII в.
Масштаб
50 0 50 100 150 200 км
Условные знаки
Янские якуты
Якуты ленско-амгинские (подгородные волости)
Вилюйские якуты
Олекминские якуты (Меитцы)
Места расселения племен, названия которых даны курсивом („Борогонцы"), указаны приближенно
М О Р Е Л А П Т Е В Ы Х
Лена
Оленек
Яна
Индигирка
Вилюй
Синяя
Ботома
Олекма
Алдан
Амга
Адыча
Янские якуты
(Байдунцы Юсальцы Эргиты Туматы)
Учейцы
Вилюйские
Тагусы
Бетунцы
Оспецкие
Атамайцы
Намцы
Борогонцы
Бордонцы
Батурусцы
Нагылинцы
Мегинцы
Кангаласцы
Емконцы
Наккоры
Меитцы
О Х О Т С К О Е М О Р Е
116 120 124 128 132 136 140 144 148 152 156
70 68 66 64 62 60 58

КАРТА РАССЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЯКУТСКОЙ АССР
Масштаб
100 0 100 200 300 400км
Национальности, населяющие Якутскую АССР
Якуты
Русские
Эвены, Эвенки
Чукчи
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Количество хозяйств в населенном пункте:
от 1 до 10 хозяйств
от 11 до 20 "
от 21 до 50 "
от 51 до 100 "
от 101 до 200 "
от 201 до 400 "
от 401 до 1000 "
Густо расположенные населен. пункты с числом хозяйств от 1 до 10
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Красноярский Край
Дальне-Восточный Край
Усть-Оленекское
Кюсюр
Верхоянск
Ср. Колымск
Вилюйск
Усть-Алдан
Якутск
Олекминск
Томмот
Лена
Оленек
Анабар
Вилюй
Яна
Индигирка
Колыма
Алдан
Олекма
104
112
120
128
136
144
152
160
68
64
60
56

11547

5 руб 00 к

Новосибирск НБ НГПУ
LIBRARY 1200424025